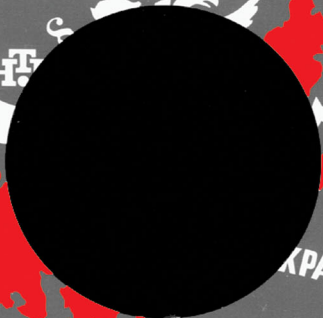


2

2011



РОСССНЯ XXI



### Страницы истории

*Клаудио Серджио нун Ингерфлом*

Новоевропейская парадигма  
«Государственность» \_\_\_\_\_ **110**

*Кира Янкевич*

Как закалялся сталинизм \_\_\_\_\_ **128**

*Андрей Юрганов*

«Культ личности» в марте  
1953 года \_\_\_\_\_ **148**



### Актуальный архив

*Альберт Ненароков*

Опубликовано,  
но не усвоено \_\_\_\_\_ **168**



### Редакционная почта

*Александр Калинин*

Имитация как средство ликвидации  
или ликвидация посредством имитации  
(что в лоб, что по лбу) \_ **186**

Acknowledgments \_\_\_\_\_ **195**

*Contents in English look at the page 200*

# РОССИЯ XXI

## **Редакционный совет**

**Председатель – Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

**Белова О.В.**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

**Гриневский О.А.**, доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

**Журавлев В.В.**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по разработке и реализации программ документальных публикаций федеральных госархивов РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

**Княнская О.И.**, доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

**Либих Андре**, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

**Мальков В.Л.**, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

**Милюков В.В.**, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

**Панин В.Н.**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений, связей с общественностью и журналистики Пятигорского Государственного Лингвистического Университета;

**Розенберг Уильям**, профессор истории, Мичиганский университет, США;

**Розенталь И.С.**, доктор исторических наук, профессор, главный специалист РГАСПИ;

**Фридман Л.А.**, доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

**Юрганов А.Л.**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен  
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,  
в которых должны быть опубликованы  
основные научные результаты диссертаций  
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

### **Редколлегия**

Главный редактор – Кургинян С.Е.;  
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);  
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);  
Каравашкин А.В.;  
Куриленкова А.А.;  
Петрова И.Н.

### **Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»**

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

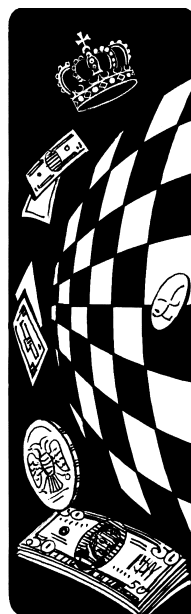
Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

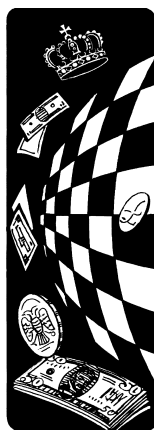
**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА  
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР**

Проблема, о которой пойдет речь, достаточно актуальна как для наций, находящихся на уровне высокого индустриального развития, объединенных в традиционные национальные государства, так и для наций развивающихся стран, которые не так давно обрели независимость.

Именно благодаря феномену коммуникации и всеобщего распространения сегодня мы вступаем в эру планетарного сознания и даже я не побоюсь сказать – реализовавшегося единства всей Земли.

*Поль Рикер*





Сергей Кургинян

## АКТУАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

К СОБЫТИЯМ НА СЕВЕРЕ АФРИКИ  
И БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ



УДК  
323.2

*Events occurring in North Africa make it rightful to speak about serious mutations that are indications of the process which was described by the author long ago. The question is a gradual and painful conclusion of the Modern epoch and project and their replacing with conception of the managed chaos. Leaders of superpowers consider this concept as a possible model of control over the world and regions that are interesting in economic and political respects. Religious fundamentalism and its concomitant bringing the humankind to archaic conditions are two most important tools of this global systemic agenda. Finally, the author offers his analysis of balance of forces, of big political game plans, of situation evolving around Egypt and Libya and demonstrates propriety of his explanation.*

**Ключевые слова:** завершение эпохи Модерн, управляемый хаос, религиозный фундаментализм, архаизация человечества, контроль мира сверхдержавами.

**Key words:** conclusion of the Modern epoch; the managed chaos; religious fundamentalism; bringing the humankind to archaic conditions; control over the world by leaders of superpowers.

**E-mail:** [ecc@ecc.ru](mailto:ecc@ecc.ru)

**КРИЗИС ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Так что же все-таки происходит на наших глазах в Египте, в Ливии, в Бахрейне, в Сирии и по всему региону? Масштаб событий – огромный. Данных – потрясающее количество.

Но мало сбора данных и их упорядочивания. Нужно еще и их аналитическое осмысление. Причем такое, при котором смысл обретет вся совокупность найденных и упорядоченных фактов. В поисках подобного смысла надо избегать двух соблазнов. Позитивистского – допускающего отказ от поиска смысла во имя неприкосновенности не замутненной подобным осмыслением реальности. И конспирологического – при котором реальность отдается в жертву фантазиям, так называемой «теории заговора».

Согласимся для начала с тем, что происходящие на наших глазах события не укладываются в классические интерпретационные матрицы.

Согласимся также и с тем, что эти классические интерпретационные матрицы живут в нашем сознании своей отдельной жизнью и сопротивляются любому посягательству на истинность, любой проблематизации и даже любой вопросительности вообще.

Такое сопротивление давно изучено теми, кто исследовал стереотипы мышления, самозащиту мышления от проникающей в него шоковой новизны.

Один из таких исследователей Ноам Хомски утверждал автономность интерпретационных матриц по отношению к реальности. Человек, обладающий определенными матрицами, не замечает фактов даже тогда, когда они носят вопиющий характер. Такой человек защищает интерпретационную матрицу так же, как классический фрейдовский пациент защищал свою психику от неврозов. Налицо сходные защитные механизмы – вытеснение, замещение, отторжение и так далее.

Американский финансист Джордж Сорос заявляет в «Вашингтон Пост»: «В результате свободных выборов в Египте "Братья-мусульмане" станут главной политической силой в стране». Это несомненный факт. Но Сорос не просто убеждает президента Обаму смириться с этим фактом. Он предлагает ликовать по данному поводу. Ибо, по его оценке, подобный разворот событий не ослабит, а укрепит позиции США в регионе. Ослабляла же эти позиции связь США с политиками, подобными Мубараку.



Но Сорос не только предлагает Обаме ликовать по поводу укрепления «Братьев-мусульман» в регионе. При том, что палестинская организация ХАМАС до сих пор еще не в чести у американцев, обвиняющих ХАМАС в терроризме. Но ведь ХАМАС – это просто палестинский филиал «Братьев-мусульман». Как же быть? Может ли укрепление позиций «Братьев-мусульман» в Египте не укрепить позиции ХАМАС в секторе Газа? И почему укрепление позиций ХАМАС в секторе Газа укрепит, а не ослабит позиции США на Ближнем Востоке?

На подобные вопросы часто даются успокоительные ответы, призванные, скорее, защитить интерпретационные матрицы, чем обеспечить встречу с сокрушительной новизной, которой буквально начинена формирующаяся на наших глазах реальность. Ответы эти сводятся к тому, что Сорос – малозначимая фигура, стремящаяся эпатировать политический истеблишмент.

«К тому же, – говорят аналитики, предлагающие не придавать особого значения словам Сороса, – в произносимых словах есть что-то от самоутешения».

«Американцы, – говорят такие аналитики, – не могут противостоять новым процессам и потому пытаются вписаться в эти процессы и утешать себя тем, что эти процессы им выгодны».

Но ведь Сорос обещает направить финансовую мощь своих фондов на то, чтобы содействовать данному развитию процесса! Одними этими обещаниями он уже оказывает на процесс воздействие, не правда ли? А если все не ограничивается обещаниями? Не должны ли мы тогда говорить, как минимум, о поддержке определенных процессов со стороны негосударственных структур? Разве мы можем об этом не говорить? Господин Сорос обладает весьма серьезными финансовыми возможностями! И вряд ли он мог свободно пользоваться этими возможностями в случае, если бы Соединенные Штаты сочли подобное использование частных возможностей господина Сороса несообразным национальным интересам.

Но должны ли мы говорить только о финансовой поддержке, обещаемой и оказываемой отдельными частными лицами, наделенными существенными возможностями?

Разве происходящее в Ливии не является оказанием военной поддержки врагам господина Каддафи? При том, что такая поддержка не может оказываться частными лицами.

Ограничивается ли все только двумя видами поддержки? Безусловно, нет. Многочисленные факты говорят о том, что видов поддержки

намного больше. Но, может быть, поддержка врагов господина Каддафи объясняется скверной репутацией данного господина? Репутацией, кардинально отличающейся от репутации господина Мубарака? Безусловно, репутационный фактор имеет место. Но насколько он доминирует? Ведь в последние годы репутация господина Каддафи очевидным образом исправлялась. Если же все дело не в репутации – а факты говорят о том, что сводить все к репутации невозможно, – то о чем все-таки идет речь?

Ведь не только господин Сорос, но и официальные американские политики выражают удовлетворение тем, что «Братья-мусульмане» вошли в антимубараковскую политическую коалицию. Госсекретарь США Хиллари Клинтон выразила по этому поводу, как все мы знаем, удовлетворение. А раз так, то вряд ли стоит сводить все к экстравагантным высказываниям такого частного лица, как Сорос. Речь идет о весьма существенных и далеко идущих коррективах, которые пытается внести в американскую политику, как минимум, нынешний, демократический американский истеблишмент. Но только ли он?

В 2005 году, выступая в Американском университете в Каире, республиканский (!) госсекретарь США Кондолиза Райс заявила: «В течение 60 лет моя страна, Соединенные Штаты, преследовала в этом регионе, на Ближнем Востоке, цели стабильности, поступая при этом демократией. Мы меняем курс. Мы поддерживаем демократические стремления всех народов. Настало время отбросить все оправдания, сдерживающие тяжелую работу демократии»<sup>1</sup>. «Братья-мусульмане» оказались допущены к выборам и в декабре 2005 года получили в египетском парламенте почти 20%.

Буквально накануне поездки в Каир в 2005 году Райс побывала в Палестине. Она заявила Аббасу, что США продолжают считать ХАМАС террористической организацией, однако палестинские избиратели готовы голосовать за тех кандидатов, кого они считают нужными. Свелось ли все к подобным, согласитесь, нетривиальным политическим заявлениям? Нет.

Несомненный факт состоит в том, что непосредственно во время визита госпожи Райс господин Аббас пошел на определенные трансформации выборного процесса. Трансформации – крайне для него невыгодные. В результате число депутатов в законодательном органе Палестин-

---

<sup>1</sup> *BBC News*. 20.06.2005.

ской Автономии было увеличено, причем одна половина должна была избираться по партийным спискам, а другая – по округам.

Это резко повысило шансы ХАМАС на продвижение в парламент, и в январе 2006 года ХАМАС одержал на выборах победу. Еще раз обратим внимание на несомненный факт: ХАМАС – это палестинский филиал «Братьев-мусульман». Не более того, но и не менее.

Итак, американский истеблишмент существенно корректирует свой стратегический курс. В какую сторону? Только ли в сторону поддержки «Братьев-мусульман»?

Вскоре мы убедимся в том, что дело к этому не сводится. Однако не будем забегать вперед и постараемся доразобраться во всем, что касается корректив, проводимых в отношении «Братьев-мусульман»... нет, не господином Соросом как политически безответственным бизнесменом... и не отдельными политиками, входящими в демократический истеблишмент... А очень и очень многими.

Разве не предложил директор Национальной разведки США Джеймс Клэппер разделять «Братьев-мусульман» и «Аль-Каиду» по принципу: «Аль-Каида» – плохая, а «Братья-мусульмане» – хорошие?

Разве только он один в американском разведсообществе, достаточно всегда независимом по отношению к политикам демократической и республиканской ориентации, предложил именно это?

Как только господин Клэппер сделал столь впечатляющее предложение, начались разговоры о том, что «Братья-мусульмане» – это организация, которая давным-давно занимается благотворительностью, а вовсе не террористической деятельностью.

Некоторые эксперты (такие, например, как российский исследователь С.Багдасаров) стали настаивать на том, что после 1971 года не зафиксировано ни одного факта, уличающего «Братьев-мусульман» в организации тех или иных терактов. И это при том, что в 1979-м году в Сирии, в алеппской артиллерийской школе, от рук «Братьев-мусульман» погибли десятки кадетов. В следующем году они совершили открытое покушение на президента Сирии Асада. А в 1982 году провели крупнейшую операцию по захвату зданий отделения Баас и компартии в Хаме. Жертвами этой операции «Братьев-мусульман» стали более 200 человек, включая множество военных и госчиновников. В ответ на все это армия Сирии фактически уничтожила сирийское отделение «братства».

Стиль деятельности «Братьев-мусульман» в существенной степени основан на своевременном политическом уклонении от ответственно-

сти. В Сирии этого не произошло. А в Египте... Начав готовить покушение на президента Египта Анвара Садата, «Братья-мусульмане» уклонились от ответственности, отпочковав от себя радикальную боевую группу. С тех пор и вплоть до настоящего момента они в нужный момент набирают дистанцию по отношению к радикалам из «Исламского джихада» (или «Исламской группы»), а в нужный момент сокращают эту дистанцию.

Это существенно затрудняет оценку радикализма «Братьев-мусульман», при том, что сирийские события очевидным образом исключают сведение этого радикализма к нулю.

Одной из культовых фигур для «Братьев-мусульман» является Юсеф аль-Кардави. Долгое время он был одним из общепризнанных лидеров этой организации. Господин Кардави выдвигался даже на пост руководителя «Братьев-мусульман». Однако в итоге было решено, что ему лучше оставаться духовным лидером этой организации.

Еще в 2000 году, являясь несомненным членом организации «Братья-мусульмане» и одной из ключевых фигур этого «братства», господин Кардави выразил свое авторитетное мнение, в котором возвел вооруженное сопротивление чеченцев российским федеральным силам в ранг «священной войны».

При этом Кардави или, например, другой лидер «Братьев-мусульман» – проживающий в Великобритании Камаль Хельбави – перед западной аудиторией осуждают терроризм. Хельбави старается максимально дистанцироваться от радикального крыла «Братьев-мусульман», а Кардави недавно на площади Тахрир в Каире даже заявил, что полностью отошел от «братства».

Организация «Братья-мусульмане» создана в Египте в конце 1920-х годов на основе суфийского ордена «Хасафийя» при реальной финансовой помощи лорда Кромера и банка Берингов. Лорд Кромер – из той самой семьи Берингов, которую так любят обсуждать в связи с «мировым заговором».

Не желая отдавать дань подобным конспирологическим ухищрениям, зафиксируем только несомненные факты, вытекающие хотя бы из интереснейших мемуаров самого Кромера.

В течение многих лет Кромер был фактически всемогущим генеральным консулом Великобритании в Египте. Первая мечеть «Братьев-мусульман» строилась в оккупированной англичанами зоне Суэцкого канала в основном на британские деньги. Глава «Братьев-мусульман» Хасан аль-Банна был учеником основателя салафитского движения

Мухаммеда Абдо, которого связывали с Кромером дружеские отношения.

А теперь самое главное. «Братья-мусульмане» имеют в качестве своей стратегической цели воссоздание единого исламского Халифата. Это, безусловно, требует демонтажа ныне существующих национальных государств исламского мира. А также очень сложно соотносится с целостностью многих национальных государств, часть населения которых, находясь в глубокой дружбе и взаимопонимании с другими частями нации, исповедует великую мировую религию – ислам.

Итак, как мы убедились, представители спецслужб США, заявляющие, что «Братья-мусульмане» – это только социальная благотворительная организация, как минимум, выдают желаемое за действительное.

Да, конечно, одним из элементов политической стратегии «Братьев-мусульман» является еще и социальная филантропия, создание неких структур, помогающих бедным, потому, что в среду бедных гораздо легче проникать с помощью создания этих структур. И потому, что вообще такое тотальное проникновение – основа философии «Братьев-мусульман». Но это вовсе не значит, что «Братья-мусульмане» – филантропическая структура. Это структура, имеющая свои политические цели, причем весьма и весьма масштабные. Что зафиксировано во всех документах «Братьев-мусульман».

Так что же знаменует собой стратегический маневр, основанный на противопоставлении «плохой» «Аль-Каиды» «хорошим» «Братьям-мусульманам»? Не завершится ли он тем, что вся, как сказали бы буддисты, негативная политическая карма радикального исламизма будет делегирована одной маленькой организации «Аль-Каида»? И что после объявления разгрома данной организации все остальные радикалы окажутся «хорошими парнями» и союзниками США? Но ведь тут все дело никак не сводится к «Братьям-мусульманам»!

Кроме того, на сегодняшний момент в Ливии против Каддафи уже воюет «Аль-Каида». Так не выяснится ли в итоге, что Каддафи хуже «Аль-Каиды» и что американцы де-факто пойдут и на отношения с данной организацией? Сколь масштабным окажется намечаемый стратегический маневр? И в чем все-таки его смысл? Ибо предположить отсутствие смысла в маневрах такого масштаба невозможно.

Пытаясь найти ответ на этот вопрос, приглядимся к тому, что называется политической технологией. То есть к тому, что отвечает не на

вопрос «зачем это делается?», а на вопрос о том, «что именно делается?». А также на вопрос «как это делается?».

Все специалисты обращают внимание на удивительно плотный график так называемого политического цунами, то есть политических эксцессов в огромном количестве государств исламского мира. Возражения, согласно которым революции всегда осуществляются по принципу цепной реакции (он же «принцип домино»), не слишком убедительны, поскольку подобного рода цепные реакции разворачиваются на протяжении ряда лет, а не двух месяцев. В случае же, когда плотность событий столь велика, следует говорить не о заразительности революционного примера, а о существенном влиянии технологического начала в разворачивании исследуемых событий.

К подобного рода констатации следовало бы добавить очень и очень многое. Например, анализ динамики цен на продукты питания. При том, что эта динамика порождается, в том числе, и игрой биржевых спекулянтов. Однако, разбираясь в природе произошедшего, следует, прежде всего, сфокусироваться на наиболее очевидном. И потому оставим в стороне проблематичные слагаемые произошедшего и зафиксируем, что Мубарак сумел обеспечить высокие темпы роста Египта даже в 2008 году. Что, обеспечивая такие темпы, он сумел в определенной степени гармонизировать интересы богатых и бедных слоев населения. Что на момент начала египетских событий обеспеченная часть египетского общества не стонала под пятой чудовищного режима, а комфортно проводила время в переполненных кафе и ресторанах. Что бедная часть общества, конечно же, испытывала многочисленные тяготы, но тем не менее имела и определенные преференции. Например, в виде особого дешевого хлеба для бедных. И так далее.

Что же касается Ливии, то там господину Каддафи удалось решить огромное количество социальных проблем, проблем социально-экономического развития, проблем гармонизации интересов очень разных слоев населения. Все эксперты, включая экспертов из ООН, уверены в том, что господин Каддафи продвинулся в решении этих вопросов гораздо дальше, нежели подавляющее большинство государств африканского континента.

Итак, какова же схема, позволяющая приводить в движение массы, не доведенные до отчаяния? При том, что всегда и в любом обществе есть противоречия. А в Египте существовали не просто противоречия. Мы имеем все основания говорить о противоречиях достаточно острых,

но все же неспособных быть самодостаточным детонатором того, что произошло.

Конечно же, в любом процессе сплетаются технологические аспекты, аспекты управляемости – и стихийная энергия недовольства. Конечно же, режим Мубарака порождал энергию стихийного недовольства, как и любой режим подобного типа. Конечно же, существовала ненависть к режиму, существовало недовольство широких масс. Но все это было лишь органическими предпосылками, с помощью которых мог быть приведен в действие столь масштабный политический процесс, который мы наблюдаем.

В теории систем подобного рода процесс называется «собственными колебаниями». И утверждается, что одних собственных колебаний почти всегда недостаточно для того, чтобы запустить процесс. Что на собственные колебания должны накладываться так называемые «вынуждающие колебания». Чья частота должна совпадать с частотой собственных колебаний. Такое совпадение частот именуется в данном случае «политическим резонансом». Почти всегда необходим подобный резонанс. И лишь очень редко, в особо неблагоприятных, катастрофических ситуациях, полномасштабный политический процесс может запускаться одними лишь собственными колебаниями, то есть стихийным недовольством, на которое накладывается дисфункция власти, порожденная катастрофой.

В Египте очевидным образом не было ни такой катастрофы, ни органической дисфункции власти.

Так что же там тогда было?

Для того, чтобы с этим разобраться, вчитаемся в материалы, предоставленные нам «Викиликсом». А также материалы, находящиеся в прочнейшей взаимосвязи с материалами «Викиликса».

Начнем, конечно же, с «Викиликса».

«Викиликс» публикует секретные американские дипломатические депеши, из которых явствует, что Маргарет Скуби, американский посол в Египте, уже 30 декабря 2008 года сообщила, хотя с оговорками и сомнениями, о планах египетской оппозиции свергнуть режим Мубарака до намеченных на сентябрь 2011 года выборов.

От материалов самого «Викиликса» перейдем к материалам, находящимся с «Викиликсом» в очевидной и очень тесной связи.

The Daily Beast публикует информацию о курсах обучения молодых оппозиционных активистов из разных стран, проводившихся в студенческом городке Колумбийского университета в 2008 году. На этих кур-

сах перед собравшимися выступили лица, отвечающие в команде Обамы за социальные сети, специалисты Госдепартамента по информационным технологиям, основатель Facebook и другие. А в качестве слушателя присутствовал, в частности, представитель египетского движения «6 апреля», которое было в числе наиболее активных организаторов и участников массовых выступлений против Мубарака в январе–феврале 2011 года.

Одним из главных инициаторов выступлений, сотрясающих Египет, становится топ-менеджер ближневосточного отделения Google Ваэль Гоним. Первое, что делает Гоним, выйдя на свободу после ареста по подозрению в организации массовых акций протеста в Египте, заявляет в интервью англоязычным СМИ, что именно он создал в Facebook страницу «против режима Мубарака», которую посетили 375 тысяч человек...

Можно ли отрицать феномен поддержки противников Мубарака со стороны США, имея в своем распоряжении все эти материалы? Конечно же, речь идет о специальных видах поддержки, то есть именно о том, что придает собственным колебаниям естественного недовольства характер взрывного политического резонанса.

Нельзя сказать, что отдельные представители американской элиты, республиканской прежде всего, не пытались защитить Мубарака. Налицо несомненный факт его защиты господином Фрэнком Виснером, авторитетным отставным дипломатом из очень уважаемой американской семьи.

Господин Виснер попытался убедить американское руководство в том, что Мубарака можно и должно оставить у власти хотя бы до конца короткого «переходного периода». Только об этом, в сущности, Мубарак и просил так называемое мировое сообщество. Однако в последний момент президент Обама все-таки решил настаивать на немедленном уходе Мубарака. То есть осуществил несомненную политическую – не специальную, не информационную, не организационную, а политическую – поддержку противников Мубарака.

Более того, Обама сравнил события в Египте с падением Берлинской стены. Что тоже заслуживает внимания любого, кто претендует на интерпретацию произошедших событий. С формальной точки зрения проведение подобной аналогии, казалось бы, некорректно. Падение Берлинской стены знаменовало собой крах мировой коммунистической системы, главного конкурента США и Запада в целом. В ходе этого падения произошло воссоединение двух немецких государств. В Египте



никакого воссоединения двух государств не произошло. И, казалось бы, невозможно говорить ни о каком крахе всемирно-исторического конкурента США и Запада. Если, конечно, не считать таким конкурентом систему национальных государств в определенном макрорегионе земного шара, что, согласитесь, было бы странно.

И тем не менее мы имеем дело с таким загадочным сопоставлением, требующим определенной – корректной и минималистской – политической герменевтики.

Однако прежде, чем заняться ею, обсудим еще одну политическую технологию, подробно излагаемую все тем же «Викиликсом».

Для этого проанализируем политическую структуру египетского общества. В этом обществе есть несколько специфических страт.

Первая и высшая страта – верхушка. Она же – собственно политическое руководство, олицетворяемое фигурой Мубарака и узким кругом его родственников и приближенных.

Вторая страта – репрессивный аппарат. Иногда не вполне корректно называемый «военными».

Третья страта – вестернизированное меньшинство египетского общества, иногда не вполне корректно именуемое «средним классом».

Четвертая страта – низы египетского общества, его традиционалистское большинство.

Ключевой является вторая страта – репрессивный аппарат. Этот аппарат может раздавить любое народное восстание, даже если в рамках этого восстания объединится средний класс и традиционалистское большинство египетского общества.

Однако по мере нарастания коррупции в репрессивном аппарате нарастает и зависимость этого аппарата от внешних сил. Ведь коррупционеры не просто прячут деньги на территории Египта. Они вывозят эти деньги за пределы Египта. И склонны размещать вывезенные средства отнюдь не только в «черных» офшорах. Рано или поздно вся система счетов, на которых средства коррупционеров размещены за пределами Египта, становится прозрачна для внешнего наблюдателя. Возникает феномен не просто коррупции, а «счетократии», то есть сообщества держателей крупных счетов за рубежом. Это сообщество специфическими средствами управляется извне. Как именно – описано в том же «Викиликсе», где египетский оппозиционер призывает представителей администрации США использовать данные о счетах, воздействие на которые позволяет блокировать репрессивный аппарат.

Наконец, наступает своеобразный «момент истины». Воздействие на счета приводит к отключению репрессивного аппарата. До этого отключения аппарат ведет себя свирепо и антидемократично. А после отключения он преисполняется бесконечным уважением перед демократией и правами человека. Преисполнившись таким уважением, аппарат отказывается подавлять политические эксцессы.

Для того чтобы инициировать эксцессы, достаточно вестернизированных либеральных движений, таких, как «6 апреля». То есть движений, находящихся в простой, естественной связи с так называемыми внешними силами. Почти всю структуру таких связей, причем опять-таки вплоть до деталей, описал «Викиликс».

Но в момент, когда надо не только инициировать эксцессы, но и развернуть их в полную мощь, либеральных вестернизированных движений оказывается недостаточно. Как недостаточно на этот момент развертывания и механизмов, обеспечивающих прямые и естественные связи между внешними силами и представителями так называемого гражданского общества.

Тогда оказывается необходимым активизировать традиционалистскую, фундаменталистскую часть общества не через Twitter и Facebook, не через гражданские ячейки и социальные сети, а через сети совсем другого рода. Через сети фундаменталистских мечетей, подконтрольных «Братьям-мусульманам». Что и было сделано.

После этого уже нельзя не учесть интересов «Братьев-мусульман». Или других радикальных сил, вовлекаемых в процесс описываемого формата.

Характерно, что потенциала вестернизированных либеральных сил всегда хватает только для запуска процесса. Потому что эти силы – своего рода тонкая пленка. Они достаточно слабы. Они находятся в сложных отношениях с большинством египетского общества. Вот почему рано или поздно – и тут господин Сорос абсолютно прав – речь пойдет о передаче власти от военных, олицетворяемых фигурой Мубарака, к фундаменталистам.

Именно так все произошло в Ираке, где власть де-факто оказалась передана от Саддама Хусейна и партии «Баас», то есть от светской властной элиты и военных, суннитским и шиитским радикалам. Получив такой результат в Ираке и осудив его в Ираке, можно ли сходным образом воздействовать на другие страны и ожидать другого результата? Можно ли так воздействовать, например, на Египет или Ливию?

Почему поддержка противников власти в Египте не стала силовой, а в Ливии – стала? Потому что в Египте репрессивный аппарат удалось заблокировать до конца, а в Ливии его удалось заблокировать только в малой степени. А поскольку его удалось заблокировать только в малой степени, Каддафи начал побеждать своих противников. И все увидели, что если в стране, определенной в качестве цели дестабилизации, власть добивается победы, ее противникам начинает оказываться именно силовая поддержка. Ее начинают оказывать именно тогда и только тогда. До какой же степени необходим ускоренный демонтаж политических систем целого макрорегиона, если в случае задержки такого демонтажа решаются на столь непопулярные действия? При том, что сходные действия только что были осуждены и что нынешняя политическая репутация президента США базируется на отрицании подобных действий (равно как и Нобелевская премия мира).

Видимо, речь идет о крайней степени политической, даже стратегической, необходимости. Но чем тогда она вызвана, эта крайняя степень необходимости? Приверженностью демократии?

Но можно ли назвать происходящее сейчас в Египте демократическим процессом? Можно ли считать демократическим заявление назначенного военной властью премьера Исама Шарафа о том, что он будет действовать только по повелению революционной молодежи, которая представляет собой единственную легитимную часть египетского народа?

Когда одна часть общества легитимна, а другая нет – можно ли говорить о демократии? Можно ли говорить о ней, если миллион людей, вышедших на улицу, значит больше, чем невышедшие 80 миллионов?

Можно ли говорить о ней, если «революционная молодежь» (или кто-то, кто стоит за ней) по давно отработанным схемам выпускает из тюрем уголовников, которые занимаются отнюдь не только кражей товаров из магазинов?

Сколько именно людей убито в Египте, мы не узнаем никогда. Или, по крайней мере, достаточно долго. Люди, приезжающие из Египта, говорят об очень жестоких вещах, творимых уголовниками по заданию «революционной молодежи». Египетский туризм развален надолго. «Дыры в бюджете» вряд ли будут кем-то извне в должной степени компенсированы.

Госпожа Кондолиза Райс говорит о том, что и в Египте, и во всем макрорегионе турбулентность, то есть хаос, установится на годы. Но турбулентность имеет свойство расползаться, захватывая все новые и

новые зоны. Что если энергия хаоса распространится на существенную часть Большой исламской дуги, которая тянется от Малайзии и Филиппин до Мавритании? Какие еще регионы окажутся задеты происходящим? Что именно начнет клубиться в этих регионах?

На Северном Кавказе террористическая активность растет с каждым месяцем. Что произойдет там по мере разогрева Большой исламской дуги? Что произойдет в Средней Азии? В других регионах?

И в чем все-таки смысл столь масштабного и столь желанного, как мы видим, процесса? Что знаменует собой внесение столь глубоких корректив в оценку фактора радикального исламизма? Подчеркиваем – не исламского фактора вообще, а именно фактора радикального исламизма?

#### НА ГРАНИЦЕ ЭПОХ

Переходя от фиксации событий, фактов, высказываний к интерпретации, моделированию, прогностике, мы обязаны оговорить гипотетичность любых своих построений. Но в науке

вообще, а политической в особенности, нет способа построения моделей, свободного от выдвижения гипотез. Вопрос лишь в том, в какой мере мы можем подтвердить гипотезу, обосновать ее и, наконец, превратить в политическую теорию. Оставаясь при этом внутренне свободными, то есть готовыми в любой момент отказаться от теоретических построений, если они входят в противоречие с реальностью.

Выдвигаемая нами гипотеза такова.

Налицо признаки конца определенной эпохи, продолжавшейся порядка пятисот лет. О том, что эта эпоха подходит к концу, говорят очень многие.

Одни, правда, ограничиваются констатацией завершения достаточно короткой эпохи, именуемой «ялтинской».

Другие говорят о завершении гораздо более длинной эпохи, именуемой «вестфальской» (иначе – эпохой национальных суверенитетов, национальных государств и так далее).

Что если на самом деле завершается еще более долгая фаза исторического развития? Фаза, которую многие называют «эпохой Модерна» или «эпохой Модернити»?

Если речь идет о завершении именно этой эпохи и о начале эпохи совсем другой, то мы все как бы стоим на узком мосту, соединяющем между собой очень разные исторические эпохи. Или, еще точнее, мы

находимся на стыке между эпохой завершающейся (и потому обладающей внятными историческими характеристиками) и эпохой начинающейся (а значит, по определению, такими характеристиками не обладающей).

Скорее всего, переходный период обладает определенной вариативностью. И в этом смысле можно сказать, что мы находимся на развилке – между эпохой Модерна и другими эпохами. Да, не эпохой, а эпохами. В таких случаях выбор пути определяет то, каким станет новое время и в каком мире будут жить наши дети и внуки. Мы можем сделать один выбор – и оказаться в одном новом политическом измерении, одной новой исторической эпохальности. А можем сделать другой выбор – и оказаться в другом измерении, в другой эпохальности. Человечеству не всегда предоставляется возможность подобного выбора. Но переживаемый нами момент, по всей видимости, такую возможность нам предоставляет.

Содержание уходящей эпохи – всеобъемлющая и безальтернативная монопроектность, согласно которой в мире есть только Модерн и ничего больше. В соответствии с проектом «Модерн», весь мир идет к прогрессу, гуманизму. Все мы рано или поздно разовьемся. Мы можем развиваться с низкого уровня производительных сил до высокого. Или с высокого – до самого высокого. Но рано или поздно мы все будем там, наверху, все будем гуманизированы, прогрессивны и сольемся в единое человечество. Вот что такое эпоха Модерна.

Длилась она около пятисот лет. И если она теперь завершается, если налицо и ее внутренняя усталость, и стремление ее противников сократить донельзя отведенный ей еще исторический срок, то можно говорить о демонтаже Модерна. Демонтаже, который осуществляется сознательно – с оглядкой на объективные факторы, порождающие усталость Модерна, его готовность рухнуть под грузом накопившихся внутренних противоречий.

Как соотносятся между собой наличие таких противоречий и гипотеза о сознательном демонтаже существующего мироустройства? На наш взгляд, соотношение примерно такое же, как между устройством взрываемого дома и размещением в нем взрывных устройств. Ни один профессиональный подрывник не будет взрывать дом без учета его конфигурации, точек уязвимости взрываемого строения, меры износа его опорных конструкций. А значит, никакого противоречия между гипотезой о демонтаже Модерна и высокой степенью износа связанной с Модерном исторической эпохи – нет.

Напротив, только безумец, романтик, авантюрист может затеять демонтаж эпохи, находящейся в расцвете, обладающей высокой степенью внутренней устойчивости и открытой исторической перспективой.

Но если Модерн демонтируется (вновь подчеркнем – с оглядкой на его историческую усталость), то в силу каких причин? Кого и почему Модерн перестал устраивать?

Начнем с того, что если Модерн кого-то чем-то перестал устраивать, то этот «кто-то» (если, конечно, речь идет о реальном субъекте, а не о зловещем затаившемся заговорщике) обязательно заявит о себе открыто. И начнет обосновывать свои намерения осуществить обсуждаемый нами «исторический демонтаж».

Заговорил ли кто-то всерьез о необходимости подвести черту под эпохой Модерна?

Да, безусловно. Об этом всерьез заговорили со времен первых докладов «Римскому клубу», обосновывая невозможность далее жить по правилам Модерна фундаментальными глобальными ограничениями (нагрузкой на экологию планеты, исчерпанием невозобновляемых ресурсов и так далее)<sup>2</sup>. Никто не собирается обвинять «Римский клуб» в сознательной мистификации. Разумеется, экологические проблемы, проблемы ресурсов невероятно остры. И тем не менее сводится ли все только к объективной остроте этих проблем? Или же мы имеем дело еще и с чем-то другим?

Это «другое» достаточно очевидно. Просто не все хотят поставить вопрос ребром. Рискнем это сделать, оговорив, что мы сознательно заостряем проблему в рамках обсуждения одной из возможных гипотез. Не более того, но и не менее.

В рамках Модерна, принятого на вооружение сейчас новыми великими странами, такими, как Индия и Китай, речь идет о неотъемлемом праве всех развившихся национальных государств обеспечить своим гражданам – в качестве приза за ускоренное развитие – высокий жизненный уровень. Предположим, что великим развивающимся странам удастся, успешно осуществляя свой национальный Модерн в рамках Модерна всечеловеческого, предоставить своим гражданам (пусть и в отдаленной исторической перспективе) все то, чем обладает сейчас гражданин Европы или США. Ну, например, отдельный коттедж, две машины на семью и так далее.

---

<sup>2</sup> Meadows D. et al. *The Limits to Growth*. N.-Y.: Universe Books, 1972; Э. Ласло и др. *Цели для человечества*. 1977. (<http://www.russ-yug.ru/article/650/>)

Что в этом случае произойдет с невозобновляемыми ресурсами? С бензином, который надо залить в новые 6–7 миллиардов машин? С энергией, которую надо откуда-то добыть для того, чтобы обеспечить правильное функционирование 2–3 миллиардов новых коттеджей?

Вот очевидная, но необсуждаемая стратегическая проблема.

Однако есть и проблема менее стратегическая, но обладающая определенным прагматическим значением.

Модерн как историческая эпоха обладает определенными правилами или законами. Один из этих законов – закон неравномерного развития. Молодые национальные государства, успешно играющие по правилам Модерна, рано или поздно догоняют и обгоняют ранее лидировавшие старые государства. Так, к началу Первой мировой войны молодое германское государство стало догонять и обгонять старого лидера – Британскую империю.

На сегодняшний день старый лидер, справедливо завоевавший ключевые позиции в рамках правил игры, задаваемых эпохой Модерн, – Соединенные Штаты Америки.

Но правила игры таковы, что не может не появиться молодого лидера. Таким лидером на глазах всего мира становится Китайская Народная Республика, которая, в свою очередь, оглядывается на еще одного крупного молодого игрока – Индию.

В подобной констатации нет ни грамма алармизма, нет никакой попытки демонизировать происходящее. Это так потому, что так устроен мир. Потому, что в рамках этого устройства мира, то есть в рамках Модерна, молодое мощное успешное государство обязательно начнет обгонять лидера.

Вопрос в одном – как поведет себя лидер? Что он сделает, если правила эпохи Модерна обязуют его передать эстафету лидерства, а он этого не хочет и не может сделать? Не возникнет ли соблазна кардинально изменить правила? При том, что усталость Модерна позволяет в принципе это сделать.

Перейдем от этих общих построений к интересующему нас феномену разогрева Большой исламской дуги.

В Соединенных Штатах существовали и существуют две главные стратегаемы.

Одна – это стратегаема, условно говоря, республиканской партии, или «фирменное блюдо имени Генри Киссинджера», согласно которому Ближний Восток держится на следующих китах: Израиль, Египет, отчасти Турция – и на стабильных военных режимах, про которые давно

говорилось: «Сукин сын, но наш сукин сын», то есть на светском авторитаризме.

Другая стратагема, лежащая в основе игры, условно, демократической партии, или «фирменное блюдо имени Збигнева Бжезинского», состоит в том, что Соединенным Штатам для того, чтобы играть на всех «мировых полянах», нужен радикальный исламизм.

Разумеется, нельзя сводить каждую стратагему не только к имени отдельного, сколь угодно влиятельного политического стратега, но и к одной из главных политических партий. Позволяя себе подобное упрощение, мы просто хотим сделать картину несколько более ясной. При том, что стратагема действительно существуют. И их привязка к определенным фигурам и политическим субъектам не столь важна, как факт наличия стратагем.

В чем разница между этими стратагемами?

Одна из них (для упрощения будем называть ее «киссинджеровской») говорит о том, что Соединенным Штатам нужен новый мировой порядок, что они воспринимают господство как порядок. То есть как своего рода Четвертый Рим.

Любой мировой лидер мечтает об установлении мирового порядка. США мечтали установить свой мировой порядок на протяжении всей второй половины XX века. После распада СССР у США возникли реальные возможности осуществить эту мечту. Но оказалось, что за ее осуществление надо заплатить слишком высокую цену. И что американский народ, вкусивший от комфорта и безопасности, платить такую цену не хочет.

Ведь что такое новый мировой порядок по модели Четвертого Рима? Это римские легионы во всех провинциях и некий план, предлагаемый Римом для провинций и именуемый «Pax Romana». После Второй мировой войны у США хватило драйва на то, чтобы разместить свои легионы в провинциях под названием Япония и Германия. И предложить этим провинциям аналоги «Pax Romana» в виде планов Макартура и Маршалла.

К моменту ввода американских войск в Ирак оказалось, что аналогичного «Pax Romana» для Ирака у США нет. Кроме того, оказалось, что нужно слишком много легионеров для новых провинций даже в рамках Большой исламской дуги. Нужно не только держать 300–400 тысяч солдат в Ираке. Нужно вводить 500–600 тысяч солдат в Иран (потому что без этого любые бомбардировки – это просто верх крети-



низма). Нужно предуготовиться к введению аналогичного контингента в Пакистан. И так далее.

Выяснилось, что США этой нагрузки выдержать не могут и не хотят. Что американский народ не хочет иметь трехмиллионную сухопутную армию, потому что это армия с обязательным призывом.

Итак, Соединенные Штаты поняли, что они стать Четвертым Римом не могут. Что делать? Отказаться от мирового господства?

Во-первых, никто, обладая мировым господством, не откажется от него только потому, что обеспечивать такое господство трудно.

Во-вторых, США капитализировали мировое господство, превратили его в сверхвыгодный и сверхнеустойчивый бизнес-проект. Основанный на двух факторах – печатном станке и авианосцах. Печатный станок позволяет финансировать создание новых авианосцев, а новые авианосцы охраняют прерогативы печатного станка.

Это вовсе не означает, что нет высокоэффективной американской индустрии, великолепного американского хозяйственного комплекса в целом. Но доля этого комплекса в мировом хозяйстве уже иная, нежели 60 лет назад. И эта доля неуклонно уменьшается.

Невозможность обеспечить мировое господство по модели Четвертого Рима не может не породить в определенной части американской элиты (той, которую мы условно связали с именем Бжезинского) стремления к обеспечению мирового господства по другой модели – модели нового Карфагена. Если нельзя установить новый мировой порядок, то можно создать управляемый беспорядок и обеспечить в рамках этого беспорядка господство. Пусть неустойчивое и проблематичное, но господство.

Всмотримся в карту современного мира. Этот мир уже сейчас можно, в грубом приближении, поделить на три зоны – Большой Юг (он же исламская дуга), Большой Дальний Восток и Большой Запад.

Большой Дальний Восток стремительно развивается. Вложения в этот регион дают большую прибыль. У элиты Большого Юга (нефтяных шейхов, прежде всего, но и не только) накопилось очень много денег. Речь идет о триллионах долларов. Этой элите по сугубо объективным причинам не хочется размещать деньги в западных банках, дающих очень малый процент. Отсюда соблазн вложить деньги в быстро развивающийся Большой Дальний Восток. Вложив же деньги туда, подкрепить свои вложения определенной энергетической политикой, да и политикой вообще.

Эта нитка связи не может устроить западный финансовый капитал. Он понимает, что процесс начинающейся переориентации финансов Большого Юга с Запада на Восток желательно прервать в начальной фазе. Он понимает, что если этот процесс не прервать, то по завершении процесса начнется новый глобальный кризис с далеко идущими последствиями. Кризис, при котором США, например, окажутся в мировой иерархии не на первом и не на втором месте, а на четвертом или на пятом. Такая потеря капитализации недопустима. Ради того, чтобы избежать этой потери, можно пойти на многое.

Разумеется, не все на Западе и в США мыслят подобным образом. Но налицо весьма высокопоставленные высказывания, свидетельствующие о том, что подобные размышления овладевают многими умами. А овладев ими, обязательно станут приводным рычагом реальной большой политики.

Станут или стали?

Не является ли разогрев Большой исламской дуги переходом от стратегии «нового мирового порядка» к стратегии «нового мирового беспорядка»?

Возможно, госпожа Кондолиза Райс совсем не случайно рассуждает в связи с нынешними событиями на Ближнем Востоке о турбулентности, то есть новом мировом беспорядке. Ранее, когда госпожа Кондолиза Райс была госсекретарем США, она активно пользовалась советами заместителя помощника госсекретаря, крупного политолога и теоретика Стивена Манна. Того самого Манна, который стоял у истоков создания Института исследований Сложности в Санта-Фе и много лет занимался разработкой теоретических и практических проблем использования «управляемого хаоса» в глобальной политике<sup>3</sup>.

В конце концов, все новое – это хорошо забытое старое. О финансовых, экономических, энергетических войнах говорят не отдельные влиятельные представители американского интеллектуально-политического истеблишмента. Все это давно уже стало «поваренной книгой» большого бизнеса.

Разница между войной и конкуренцией такова.

При конкуренции ты снижаешь свои издержки, повышаешь эффективность, выводишь на рынок лучший товар по более низкой цене и побеждаешь конкурента.

---

<sup>3</sup> Манн С. *Теория хаоса и стратегическое мышление*. (<http://geopolitika.ru/Articles/890/>)

Если же ты ведешь не конкуренцию, а экономическую войну (а также войну финансовую, энергетическую и так далее), то задача состоит не в повышении эффективности своей деятельности, а в понижении эффективности деятельности противника. Для чего применяются самые разнообразные средства – например, от организации конфликта племен на территории, по которой проходят трубопроводы противника, до прямых диверсий на этих территориях.

Если нельзя сделать США более привлекательными в рамках игры по правилам Модерна, то почему бы не изменить правила? И не сделать конкурента менее привлекательным?

Вновь подчеркнем, что речь идет об идеях, рождающихся в умах отдельных элитных групп, а не о согласованном поведении всех американских элит.

Есть такое выражение: «noblesse oblige» («положение обязывает»). Положение единственной сверхдержавы, державы номер один, обязывает ко многому. В том числе и к тому, чтобы охранять это положение. Отсюда один шаг до такой формулы реальной политики, согласно которой «главный враг – это страна, которая в наибольшей степени приблизилась к уровню, достигнув которого она может бросить вызов моему могуществу». В частности, идентичная по смыслу формулировка дана в «Стратегии национальной безопасности США», принятой в 2002 году администрацией Дж. Буша, где сказано: «У нас хватит сил разубедить наших потенциальных врагов продолжать развивать свою военную мощь в надежде превзойти или хотя бы просто приблизиться к могуществу США».

Такого рода формулы можно заворачивать в те или иные идеологические обертки. Но начинка не имеет никакого отношения к идеологии. Если СССР приблизился больше всего к опасному уровню, то он – опасность номер один. И эту опасность можно завернуть в обертку борьбы с коммунизмом.

Но если к этому уровню приблизится страна с любой другой идеологией, то будет просто найдена другая обертка. Суть же будет состоять в этом опасном приближении, приближении самом по себе.

Особо опасно создание союзов, при котором союзная мощь резко возрастает, приближаясь все к тому же недопустимому уровню. Весьма проблематичный союз между Китаем и Японией как между индустриальной и постиндустриальной державой относится именно к числу подобных союзов. Но к этому числу относятся и другие союзы.

Закон неравномерности развития – неотменяемый, коль скоро речь идет об игре по правилам Модерна, – чреват конфликтом между США и Китаем по схеме, аналогичной конфликту между Великобританией и Германией в 1914 году. Но за такой конфликт между ядерными державами будет заплачена слишком высокая цена. И хотя возможность такого конфликта, как мы знаем, обсуждалась широко (например, известной американской группой под руководством Пола Вулфовица, она же группа «Би-2»), не могут не прорабатываться и альтернативные такому конфликту стратегии.

Например, стратегия управляемого хаоса. Разогревается Большой Юг, с которым заключают союз, аналогичный тому, который был заключен в Афганистане против СССР. Энергию экспансии этого Большого Юга направляют на Большой Дальний Восток. Прежде всего, на Китай, но и не только. Опасность, вытекающая из неравномерности развития, становится меньше... Страна-лидер получает историческую отсрочку...

Мы знаем, что такие схемы обсуждаются многими, включая того же Бжезинского. Мы знаем, что такие схемы не раз применялись в истории. Почему нельзя предположить (вновь подчеркнем – только предположить!), что все странные факты, находящиеся в вопиющем несоответствии с прежней американской стратегией, как-то соотносятся (пусть и не на все сто процентов) с подобными построениями, уже неоднократно использованными в истории?

Теперь уже сами создатели стратегии «радикальный ислам против СССР» говорят об этом. Бжезинский<sup>4</sup> и Гейтс<sup>5</sup> откровенны донельзя. Они признают, что начали разогрев макрорегиона, в том числе и Афганистана, за полгода до ввода советских войск в Афганистан. При этом Бжезинский прямо говорит, что использование «взбудораженных мусульман» против главного конкурента США – это был не только допустимый, но и оптимальный геополитический ход. Не дает ли это серьезных оснований для внимательного рассмотрения нашей гипотезы?

От гипотезы переходим к модели.

*(Окончание следует)*

---

<sup>4</sup> *Le Nouvel Observateur*. 15.01.1998.

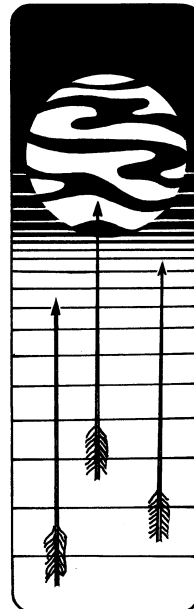
(<http://hebdo.nouvelobs.com/hebdo/parution/p19980115/articles/a19460-.html>)

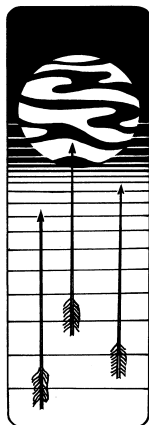
<sup>5</sup> Gates R. *From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War*. N.Y.: Simon & Schuster, 1997. P.349.

Итак, древо, приносящее плод смешенного ведения, принадлежит к запрещенному. А плод этот, имеющий защитником своим змия, смешивается из противоположностей – по тому, вероятно, соображению, чтобы простое зло как таковое не оказалось бы на виду, явленное в собственной своей природе. Ведь зло оказалось бы бездейственным, если бы не прикрасилось никаким добром, которое привлекает обольщаемого к пожеланию зла.

Ведь с познанием различать добро  
от зла апостол относит  
к совершеннейшему состоянию  
и изощренным чувственным  
способностям...

*Григорий Нисский*





Дмитрий Антонов

## «ПЕСТРЫЙ ЗВЕРЬ РЫСЬ»:

АНТИХРИСТ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ  
ИКОНОГРАФИИ

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК  
993, 5527, 433

*Antichrist is the key figure of the apocalyptic prophecies, the last and the main enemy of the Church. In the East and the West of Christian world the sinister "son of devil" drew attention of many authors and painters. Since the first centuries A.D. there have appeared different ideas about the nature and appearance of the Enemy. The iconography of Antichrist has embodied an array of variable interpretations. He was depicted as a seven-headed monster, dappled Beast, seductive young man, imperious ruler. His visual images include gestures of sorrow, triumph, fury, desperation or fear. In Russian icons, frescos and miniatures multiple figures of Antichrist spread rather late, starting from the second half of the XVI<sup>th</sup> century. The article is focused on the semiotics of these diverse images. In the first part, which is published in this issue, the author reviews Muscovite Rus' eschatological tradition and early Christian texts that have influenced Russian iconography of the Enemy.*

**Ключевые слова:** Средневековье; иконография; семиотика; агиография.

**Key words:** Middle ages; iconography; semiotics; hagiography.

**E-mail:** antonov-dmitriy@list.ru

**В** лицевом сборнике XVIII века, на обороте 391-го листа, помещена очень странная фигура. Она расположена в самом центре миниатюры и доминирует на изображении. Это царь, одетый в красную мантию, с короной из красных и голубых лепестков на голове. За его плечами расправлены большие разноцветные крылья. Царь склонился и изрыгает изо рта нечто, напоминающее камни, на стоящих внизу бесов. Сзади ангел поднимает обнаженный меч, а подпись разъясняет читателю, что «ангелъ Господень повелениемъ Божиимъ хочетъ Антихристу главу отсеци, положивъ на край земли»<sup>1</sup>.

В средневековой иконографии Антихрист – персонаж с удивительно подвижной, вариативной иконографией. Его образы часто поражают неожиданными решениями. В этом он уступает, пожалуй, лишь сатане и бесам, которые в христианском искусстве предстают в бесчисленных масках и личинах. Такое многообразие объясняется напряженными эсхатологическими ожиданиями, которые пронизывают культуру Средневековья. И на Западе, и на Руси Второго Пришествия ждали в связи с самыми разными событиями. В грешных правителях, отступниках и еретиках видели «предтеч» Антихриста. В Церковных расколах, эпидемиях и войнах угадывали признаки скорого конца света. Визуальная традиция зрелого и позднего Средневековья вполне предсказуемо наполнялась образами «великой» и «малой» (посмертный Суд) эсхатологии.

Если в древнерусской иконографии демонологические и эсхатологические мотивы были редки, то искусство второй половины XVI–XVII веков активно обращается к теме загробных мук, посмертного и Страшного суда. Помимо сатаны и бесов, «героями» множества композиций становятся персонификации сил тьмы и персонажи Апокалипсиса: Смерть, Ад, Зверь-Антихрист, Змей-сатана и Зверь-Лжепророк, Гог и Магог, народы-псоглавцы, «прузи» (саранча с человеческими лицами и хвостами скорпионов) и др. На исходе русского Средневековья образы демонических сил стремительно завоевывают пространство храмовых и книжных изображений<sup>2</sup>. В XVIII веке визуальная демонология продолжает развиваться в старообрядческой среде<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Государственный Исторический музей (далее – ГИМ). Муз. № 322. Л.391 об.

<sup>2</sup> Подробно об этом и о древнерусской визуальной демонологии XII–XVIII веков см. в нашей с М.Р.Майзульсом книге (Антонов Д.И., Майзульс М.Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии: Семиотика образа. М.: Индрик, 2011, в печати). – Благодарю



Безусловно, такая «драматизация» иконографии множеством нитей связана с культурными процессами и социальными катаклизмами XVI–XVII веков. Однако визуальные образы – не калька и не зрительный «слепок» тех или иных исторических явлений. Средневековое искусство не только отражает религиозный климат эпохи, но и само воздействует на него, формируя ментальный образ невидимого. Визуальный язык всегда перформативен, нацелен на практику. Приемы, которые использовали древнерусские мастера, находили самое разное отражение в культуре и зачастую влияли на тексты. Это могло происходить, по крайней мере, несколькими способами.

**Змей с женской грудью,  
или как верно «читать»  
средневековый образ**

Примеров, когда визуальная традиция оказывала воздействие на средневековую книжность, немало. В древнерусских произведениях можно встретить прямые «цитаты» из

иконографии и аллюзии, которые по более сложной траектории соотносятся с визуальным образом. Наконец, некоторые описания были основаны на неверной «дешифровке» иконографических знаков. Последние случаи особенно интересны.

На древнерусских иконах с библейской сценой «Пророк Даниил во рву львином» иконописцы часто представляли двух зверей, лаконично отображая идею множества. Этот прием рикошетом отразился в текстах. Как заметил А.И.Кирпичников, если раньше авторы часто говорили о семи львах, то впоследствии, ориентируясь на изобразительную традицию, некоторые стали упоминать *двух* зверей<sup>4</sup>.

---

*М.Р.Майзульса, несколько наблюдений которого я использовал при подготовке этой статьи.*

<sup>3</sup> Характерно, что в старообрядческой среде на рубеже XVII–XVIII веков появляются небольшие личные образы Страшного суда и иконы Воскресения – Сошествия во ад, а позже распространяются настенные листы с сюжетами из «малой эсхатологии» (мытарства, праведная и грешная кончина и т.п.). Как отмечает О.Ю.Тарасов, в это время образы потустороннего мира (и соответственно многочисленные образы демонов) начинают сосредотачиваться в повседневном микромире человека, перемещаясь из пространства церкви в красный угол крестьянской избы (См.: Тарасов О.Ю. Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. М., 1995. С.109–115).

<sup>4</sup> Кирпичников А.И. Суждение дьявола против рода человеческого. (Памятники древней письменности. Т.105). СПб., 1894. С.222.

Еще один пример буквального и, следовательно, не вполне корректного считывания образа можно найти в оригинальном памятнике второй половины XVI в. – письме игумена Снетогорского монастыря Корнилия своему сыну, попу Ивану. Отговаривая его от вторичной женитьбы, желая утратить и вразумить, игумен описал «историю» дьявола и создал, по сути, краткий демонологический трактат (совершенно необычный жанр для древнерусской книжности). Корнилий использовал не только библейские рассказы, но и сюжеты западноевропейской визионерской литературы<sup>5</sup>. Среди прочего, речь идет здесь о змее-искусителе, в которого вселился дьявол, чтобы соблазнить Еву в раю: нечистый нашел «Избранную змию от некоего рода змиина, лице имущу девиче, и подвиже глаголати язык ея ко Евзе...»<sup>6</sup> (курсив мой. – Д.А.). Столь необычная идея – змея с женской головой – скорее всего, основана на буквальном прочтении визуальной композиции Грехопадения.

Сцена искушения Адама и Евы в Эдемском саду, у Древа познания добра и зла, была популярным сюжетом миниатюр, икон и фресок. В Священном Писании змей упомянут как мудрое животное, которое обмануло Еву и было наказано Богом за содеянное (Быт. 3:1-15). В христианской мысли это трактовалось так, что сатана либо вошел в змею, либо преобразился в нее («видевъ же диаволь, яко почести Бог человека, позавидевъ ему, преобразися въ змию...»)<sup>7</sup>. Обычно змей, висящий меж ветвей или протягивающий Еве яблоко, представлен в виде простой змей<sup>8</sup>. Однако часто встречаются и более сложные обра-

---

<sup>5</sup> Так, игумен ссылается на «Плавание св. Брендана» – популярный в Европе цикл легенд, восходящих, предположительно, ко второй половине VIII века.

<sup>6</sup> Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле, с критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории псковского монашества. М., 1908. С.528–529.

<sup>7</sup> Библиотека литературы Древней Руси (далее – БЛДР). СПб., 2000. Т.1. С.136 (Повесть временных лет). Различные представления о том, как дьявол пытался соблазнить Еву и как выглядел змей-искуситель, можно встретить в народной культуре. См.: «Народная Библия»: Восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М., 2004. С. 236–237.

<sup>8</sup> См., например, сюжет искушения на дверях в жертвенник последней трети XVI века (Опубликовано: Иконы Вологды XIV–XVI веков (Древнерусская живопись в музеях России. Вологодский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Вологодская областная картинная галерея). М., 2007. №112, 121) или второй половины XVII века из частного собрания М. Де Буара (Елизаветина) (Опубликовано: Комашко Н.И., Преобра-

зы, которые срывают с искусителя маску и позволяют разглядеть под ней дьявола.

В средневековых европейских рукописях в сцене искушения можно увидеть гибрид змея и женщины: чешуйчатое тело оканчивается головой с длинными распущенными волосами, в женском платке или шляпе. Синкретический образ акцентирует мысль о том, что искушение пришло в мир через Еву<sup>9</sup>. Иногда на ветвях Древа познания добра и зла изображалась фигура женщины со змеиным хвостом<sup>10</sup> или такая же женщина, во весь рост, помещалась на его стволе, раскинув по ветвям руки, будто символизируя своеобразное анти-Распятие<sup>11</sup>.

Аналогичный прием использовали древнерусские иконописцы. На многих иконах и миниатюрах тело змеи оканчивается безбородым человеческим лицом, напоминающим женское<sup>12</sup>. В отдельных случаях эта

---

женский А.С., Смирнова Э.С. Русские иконы в собрании Михаила де Буара (Елизаветина). Каталог выставки: Государственный музей-заповедник «Царицыно» (июнь 2008 – июль 2009). М., 2009. №59); на миниатюре из Евангелия апраксос 1693 года (Библиотека Академии наук (далее – БАН). Арх. ком. 339. Л.837. Опубликовано: Библия 1499 г. и Библия в синодальном переводе с иллюстрациями: В 10 т. М., 1992. Т.7. С.7); и др.

<sup>9</sup> См., например, змею с женским лицом и головным платком в английской рукописи 1360–1375 годов (London. British Library (далее – BL). Ms. Royal 6 E VI. Fol.46v.); змею с лапами и головой в женском уборе в английском Апокалипсисе первой четверти XIV века (Ibid. Royal 15 D II. Fol.2); полузмею-полуженщину, искушающую прародителей, в английской Хронике третьей четверти XV века (Ibid. Ms. Lansdowne 456. Fol.2v). См. также сцену грехопадения на Грабовском алтаре 1375–1383 годов (Репрод.: Махов А.Е. Hostis Antiquus: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. М., 2006. Цветная вкладка); змею с женской головой в короне на гравюре Альбрехта Дюрера 1493 года (Там же. С.179; Махов А.Е. Сад демонов – Hortus Daemontium: Словарь inferнальной мифологии Средневековья и Возрождения. М., 2007. С.123) или на гравюре Ганса Гольбейна Младшего 1538 года (The Dance of death by Hans Holbein the Younger. A Complete Facsimile of the Original Edition of Les simulachres & historiees faces de la mort. N.Y., 1971. P.17).

<sup>10</sup> Как на английской миниатюре 1360–1370 годов (BL. Ms. Royal 6 E VI. Fol.2).

<sup>11</sup> Как на миниатюре XIV века, опубликованной А.Е.Маховым (Махов А.Е. Hostis Antiquus. С.165; Он же. Сад демонов. С.114).

<sup>12</sup> См., например, человеческое (женское) лицо змея: на клейме №4 иконы «Троица в бытии» второй половины XVI в. (Опубликовано: Вилинбахова Т.Б. Святая Живоначная Троица с деяниями. М., 2009. С.24–25); на миниатюре Лицевого летописного свода XVI в. (Лицевой летописный свод. Факсимильное издание рукописи XVI в.: В 10 кн. М., 2006. Кн.1. Музейный сборник: В 2 ч. Ч.1. С.16); в лицевых рукописях «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова XVI и XVII вв. (Книга глаголемая Козьмы Индикоплова из

визуальная параллель (змей – Ева) выражена еще ярче: у змеи видны не только женское лицо и волосы, но и обнаженная грудь<sup>13</sup>. Такой гибрид иногда напоминает русалку – девушку с рыбьим хвостом, какой она известна в романтической традиции XIX–XX вв.<sup>14</sup> Реже у змея появляются человеческие руки или темные крылья – знак, выдающий в нем падшего ангела<sup>15</sup>.

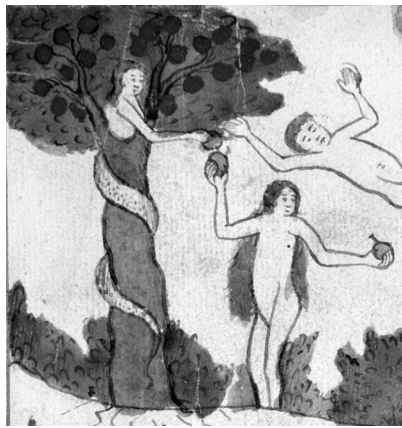
---

*рукописи Московского главного архива Министерства иностранных дел, Минея Четия митрополита Макария (Новгородский список) XVI в. СПб., 1886 (Общество любителей древней письменности (далее – ОЛДП). Т.86). С.110; Российская государственная библиотека (далее – РГБ). Ф.173. I. №102. Л.86; БАН. П. I. А. №68. Л.165 об.); в Синодиках XVII и XVIII вв. (ГИМ. Воскр. Бум. №66. Л.18; БАН. Арханг. Д.399. Л.4) или на двери в жертвенник начала XVII в. (Опубликовано: Иконы XIII–XVI вв. в собрании музея имени Андрея Рублева. (Древнерусская живопись в музеях России. Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева). М., 2007. №105).*

<sup>13</sup> Как на одном из клейм иконы «Символ веры» середины XVII века из Преображенского собора Соловецкого монастыря (Брюсова В.Г. Русская живопись XVII века. М., 1984. Цв. илл. 115). См. также змея с красным торсом на иконе «Верую» 1680-х годов (Там же. Цв. илл. 130) или на иконе «Сотворение человека» XVII в. (Сакович А.Г. Народная гравированная книга Василия Кореня 1692–1696: В 2 т. М., 1983. Т.1. Илл.82). Женское лицо змея-искусителя может напоминать лицо стоящей рядом Евы (Брюсова В.Г. Указ. соч. Цв. илл. 115; Ср.: БАН. Арханг. Д.399. Л.4).

<sup>14</sup> См. образы змеи-«русалки» в лицевых Сборниках XVIII в. (РГБ. Ф.344. №181. Л.108 об.; Ф.98. №894. Л.17). Изображения таких гибридов известны на Руси, по крайней мере, с середины XII либо XIII века. Именно так датируется новгородская костяная пластина, на которой вырезана длинноволосая женщина со змеиным хвостом, пьющая из рога. Г.Н.Бочаров считал ее русалкой, однако мифологическое существо с таким именем в Древней Руси неизвестно. Возможно, это изображение сирини или другого персонажа античной мифологии, пришедшего на Русь из Византии или Европы (Бочаров Г.Н. Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969. С.101. Рис.89; Колчин Б.А., Янин В.Л., Ямщиков С.В. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М., 1985. Илл.162. См. об этом: Бусева-Давыдова И.Л. Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М., 2008. С.206–207). Ср. с изображением «русалки» – женщины со змеиным или рыбьим хвостом на дверях входного портала церкви Троицы в Никитниках XVII века (Бусева-Давыдова И.Л. Указ. соч. Илл. С.207). На средневековом Западе сирены с рыбьим хвостом часто изображались с длинными развевающимися волосами (BL. Ms. Harley 3244. Fol.55).

<sup>15</sup> В этих случаях змей превращается в необычного дракона с женским лицом, как на клейме №6 иконы «Святая Троица, в бытии» 1580-х годов из Благовещенского собора в Сольвычегодске (Опубликовано: Рыбаков А.А. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII веков. М., 1995. Илл.281), в лицевой Библии начала XVII века (ГИМ. Вахр. №1. Л. 6 об.) или на миниатюрах Синодика XVIII века из



Змей-искуситель с женским торсом.  
Справа: фрагмент английской миниатюры XIV в.  
Вверху: фрагмент русской миниатюры XVIII в.



Суггестивный потенциал визуальных образов в Средние века был достаточно силен. Он, в частности, способствовал «эмансипации» многих аллегорических фигур-персонификаций (как Смерть и Ад) от породивших их текстов и контекстов, в результате чего они превращались в самостоятельных героев иконографии. Нередко отдельные мотивы,

---

*собрания БАН (БАН. 25.2.14. Л.11, 12; ср. Л.8 – змей без отличительных признаков демона). В знаменитой гравированной Библии Василия Кореня (1692–1696) на первой миниатюре, посвященной искушению людей в Эдеме, с дерева свешивается обычная змея – она держит во рту красное яблоко и передает его Еве. На двух следующих миниатюрах (прародители, стоящие перед Богом; изгнание из рая) изображен уже переродившийся змей: длинное тело оканчивается крыльями, человеческими руками и красной драконьей головой с торчащими ушами и языком (Сакович А.Г. Указ соч. Т.2. Мин.10, 12, 13; Бусева-Давыдова И.Л. Указ. соч. Илл. С.169). Тот же прием был использован в лубочной книге Ивана Любецкого XVIII в. (Сакович А.Г. Указ соч. Т.1. Илл.108–109).*

образы или элементы, возникшие в пространстве искусства, проникали в книжность и народную культуру (так, облик бесов в разных описаниях, зафиксированных фольклористами, часто генетически восходит к древнерусским визуальным типам)<sup>16</sup>. Посчитав, что девичье лицо змея-искусителя – не маска сатаны, а «биологическое» свойство той самой змеи, в которую вселился дьявол, игумен Корнилий, вероятнее всего, оказался под воздействием убеждающей силы образа<sup>17</sup>.

Помимо таких случаев, в книжности известны и прямые «цитаты» из иконографии. Их легко найти в агиографических памятниках. Если лицевые и толковые Подлинники указывали иконописцу, как следует писать того или иного святого, то создатели житий, в свою очередь, утверждали, что святой явился человеку именно в том облике, в котором он представлен на определенной иконе («И видехъ умными очима чудное видение: Господа Бога ветхи денми, яко же описують иконописцы...»)<sup>18</sup>. Такие же отсылки к визуальным образам можно встретить в речах простых людей, которые давали показания по делам о колдовстве. Так, в 1754 году на следствии в Сыском приказе 80-летний мельник, колдун и заклинатель бесов Марк Тихонов сын Холодов из подмосковной деревни Новленской, показал, что видел демонов в человеческом обличье, в образе коровы с одним рогом, а также «в подобии таком, как печатаются на картине о Страшном суде Христове»<sup>19</sup>. Образ однорогой коровы мог быть вдохновлен иконографией «Плоды страданий Христовых» (распространилась с 1682 г.), где дьявол представлялся с коровьей головой<sup>20</sup>. «Как на картине...» – значит в облике тех антропоморфных и

<sup>16</sup> См., например: «Народная Библия»... С.62–63, 236–237. Подробнее об этом см. в нашей книге (Антонов Д.И., Майзульс М.Р. Демоны и грешники...).

<sup>17</sup> С меньшей вероятностью можно предположить, что описание восходит к некоему тексту, который послужил основой этого иконографического решения.

<sup>18</sup> Визионеры регулярно ссылаются на известные иконографические сюжеты, чтобы описать увиденное: «яко в деисусе описуются», «образ Пречистыя Богородицы, подобие Смоленския», «яко же описуют» (Житие Елеазара Анзерского // Памятники литературы Древней Руси (далее – ПЛДР). М., 1989. XVII в. Кн.2. С.302, 303). См. также в автобиографической повести Мартирия Зеленецкого, XVI в. (БЛДР. СПб., 2005. Т.13. С.684, 686); в Повести о бесноватой жене Соломони, XVII в. (Власов А.Н. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010. С.311, 334).

<sup>19</sup> Российский государственный архив древних актов. Ф.372. Д.3164. Л.27–27 об. (Цит. по: Смиланская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003. С.134–135).

<sup>20</sup> См.: Кузнецова О.Б. Процветший крест. Иконография «Плоды страданий Христовых»

звероподобных существ, которые населяют иконы, фрески и гравюры Страшного суда XVII–XVIII вв. Бесы являются колдуну такими, какими он привык их видеть, а ссылка на иконографический образ избавляет от необходимости описывать их в деталях.

Говоря об аллюзиях и различных случаях обыгрывания визуального образа в книжности, можно вспомнить, как авторы в разном контексте упоминали хохлы или остроконечные шапки врагов – еретиков, грешников, захватчиков. Такие прически или головные уборы явно соотносили их с демонами византийской и русской иконографии (см. ниже). Здесь не стоит разбирать эти примеры<sup>21</sup>. Как уже видно, визуальные образы могли активно формировать представления о *незримом*. Позже мы проследим, как из разных – визуальных и текстовых – «кирпичиков» складывался средневековый образ Антихриста. Но сперва нужно понять, что вызвало к жизни стремительную экспансию апокалиптических образов в Московской Руси.

**«Яко настоит день  
Христов...»**

История русской визуальной традиции XVI–XVII веков не будет понятна вне эсхатологического контекста. В искусстве этого времени происходит резкое нарастание демонологиче-

ских сюжетов, причем облик сатаны, бесов, Антихриста и т.п. начинает активно разрабатываться, обрастать все новыми яркими деталями и устрашающими атрибутами. «Антигерои» иконографии выходят с периферии визуального пространства, увеличиваются в размерах и все уверенней приближаются к центру композиций (а в некоторых случаях занимают его, вытесняя остальных персонажей на границы образа). По времени

---

*из церквей, музейных и частных собраний России, Германии, Италии, Финляндии, Швейцарии. М., 2008. №1–38. В XVIII веке такой же сатана с коровьей головой появлялся и на страницах лицевых Апокалипсисов (Буслаев Ф.И. Русский лицевой апокалипсис. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX-ый: В 2 т. М., 1884. Т.2. Илл. 205)*

<sup>21</sup> *Подробнее см. в наших с М.Р.Майзульсом работах (Антонов Д.И., Майзульс М.Р. Волосы дыбом, или как демонизировали «врага» в древнерусской иконографии // Теория моды: одежда, тело, культура. 2011. Вып.19; Они же. Демоны и грешники...; Они же. Демоны, монстры и грешники в пространстве древнерусской иконографии // Одиссей: Человек в истории. 2010. М., 2011, в печати).*

эти трансформации совпадают с периодом эсхатологического напряжения, и такое совпадение, конечно же, было неслучайным.

Вторая половина XVI и весь XVII век – время частых и при этом все более острых и длительных всплесков эсхатологических ожиданий<sup>22</sup>. Истоки этого процесса восходят к концу XV века, к 1492 году, который завершил седьмую тысячу лет от сотворения мира по счету, принятому на Руси. Для многих этот рубеж представлялся безусловным концом мировой истории: расчеты Пасхалии заканчивались 7000 годом, после которого должно было наступить Второе Пришествие<sup>23</sup>.

К концу XV в. новации проникают в иконографию Страшного суда: вместо огненной реки на ней появляется змей мытарств, обвитый кольцами и окруженный бесами. Это первый шаг к усложнению всей композиции, которая в XVI веке быстро обрастает демоническими образами. В то же самое время трудами Иосифа Волоцкого на Руси распространяются новая практика поминовения усопших и особый связанный с ней тип текстов – литературные Синодики. Новая редакция поминальных списков снабжена поучениями о памятовании смерти, загробной участи праведников и грешников и т.п.<sup>24</sup> Исследователи уже не раз связывали эти процессы с эсхатологическими ожиданиями конца столетия.

В середине XVI в. восприятие политической и социальной реальности в Московском царстве оказывается под сильным влиянием эсхатологических пророчеств. Многие нововведения и институты, разрушавшие привычный общественный уклад, так или иначе завязаны на эсхатологию. С большой долей уверенности это можно говорить об опричнине и сменившем ее в середине 1570-х годов «государевом дворе» Ивана Грозного. Устроения Ивана IV были не рядовыми институциями

---

<sup>22</sup> *Нарастанию эсхатологических ожиданий на Руси конца XV, XVI и XVII века посвящено множество исследований. Чтобы не утомлять читателей длинным перечнем работ, упомяну лишь характерные названия двух книг (вторая из которых, как ни парадоксально, не рассматривает древнерусскую эсхатологию): Алексеев А.И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб., 2002; Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М., 2004.*

<sup>23</sup> *О глубине социального проникновения эсхатологических ожиданий накануне 7000 г. судить достаточно сложно.*

<sup>24</sup> *Разные версии о времени появления первых литературных Синодиков на Руси см.: Петухов Е.В. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895; Дергачева И.В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М., 2004. С.146–172; Алексеев А.И. Указ. соч. С.131–164.*



для передела системы власти и собственности и не плодом патологической кровожадности «тирана Васильевича». Эти явления сложно понять вне политической теологии и эсхатологических представлений эпохи<sup>25</sup>. Символика казней, которые на протяжении многих лет проводил Грозный, недвусмысленно указывает на то, что царь считал казнимых отступниками, обреченными на адские муки, а свою миссию усматривал в очищении данного ему Богом государства от греха и скверны<sup>26</sup>.

После того, как массовые казни и провалившаяся Ливонская кампания ушли в прошлое, спокойствие было недолгим. Уже в 1598 году, со смертью бездетного Федора Ивановича, «Богоизбранная династия» Калитичей оказалась прервана. Кризис поразил всю систему и идеологию власти, выработанную в предыдущее столетие. Избрание Бориса Годунова стало началом драматических событий Смуты – эпохи междоусобицы, глубинного общественного и культурного брожения<sup>27</sup>.

---

<sup>25</sup> В соответствии с утвердившимся в XVI веке представлением, государь принимает на себя особую ответственность перед Богом за души вверенных ему людей: «не токмо бо о себе ответ даси ко Господу, но еже и инии зло творят, ты слово отдаси Богу, волю даи им» (Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С.184. Ср.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С.39). Бытование этих идей в культуре XVI века привлекало в последние годы внимание многих историков. А.Л.Юрганов подчеркивал, что решающим фактором для массовых казней 1560-х – начала 1570-х годов послужили эсхатологические представления Грозного (Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С.356–404). Б.Н.Флоря утверждал, что именно в силу подобных представлений Иван IV отказывал убитым по его повелению людям в предсмертном покаянии, погребении и церковном поминании – выступавшие против воли православного государя и казненные им осуждались на вечные муки (Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2002. С.194, 192, 223. – См. также: Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С.104–105; Он же. Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Ивана Грозного Андрею Курбскому. М., 2007. С.270–272). Сомнения в правоте своих поступков, вероятно, возникли у Грозного после драматичной гибели наследника, Ивана Ивановича, когда по монастырям были разосланы синодики опальных (См. о них: Веселовский С.Б. Синодики опальных царя Ивана как исторический источник // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Сб.3. С.246).

<sup>26</sup> О семантике опричных казней см. исследование А.А.Булычева (Булычев А.А. История одной политической кампании XVII века: Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004).

<sup>27</sup> См. подробнее: Антонов Д.И. Смута в культуре... – О культурных коллизиях, возникавших в годы правления Годунова и в период борьбы избранного царя с самозванцем, см. также: Ульяновский В.И. Смутное время. М., 2006.

В начале XVII века многие представители средних и низших слоев общества видели в безвластии и социальных катаклизмах Смуты угрозу «конечной» гибели Богохранимого царства и всего мира. Об этом говорят «видения», записанные людьми невысокого происхождения и ориентированные на народную среду. На другом полюсе ученые книжники, описывая эпоху междоусобицы, активно использовали образы Откровения Иоанна Богослова и т.н. «Малого Апокалипсиса» – евангельской Проповеди Христа на Елеонской горе.

С этого времени и до конца XVII в. эсхатологическое напряжение становится одним из структурных элементов русской культуры, во многом войдя в ее «обиход». По справедливому замечанию А.А.Панченко, именно в XVII веке Россия впервые столкнулась с «религиозным сектанством, массовыми социально-утопическими и эсхатологическими движениями, политическим и религиозным самозванством. Предшествующие поколения русских, в отличие от обитателей Западной Европы, ничего подобного не знали»<sup>28</sup>. Дело уже не ограничивается общими апокалиптическими ожиданиями: в XVII веке возникают эсхатологические движения, участники которых не просто верят в близкий конец света, но и кардинально порывают с привычной жизнью. Они встают на путь радикального действия: от вооруженных восстаний до массовых самоубийств<sup>29</sup>.

Новый всплеск эсхатологического напряжения был спровоцирован церковными реформами 1653–1654 годов и последовавшим Расколом. Для значительной части общества, ставшей на сторону ревнителей старой веры, апокалиптические ожидания превращаются в насущную реальность, которая толкает людей на бегство, борьбу и добровольную смерть. Драматизм ситуации подкреплялся хронологическими расчетами: еще до никоновских реформ Второго Пришествия ждали в связи с приближением 1658 (7166), 1666 и 1699 годов. «А по исполнении лет числа, тысящи шести сот шестидесяте шести, не непотребо и нам от сих вин спасение имети да не некое бы что зло пострадати ... яко настоит день Христов», – утверждалось в «Книге о вере» 1648 года<sup>30</sup>. Пришествие Антихриста должно было произойти ровно через 18 лет: «И не несть

---

<sup>28</sup> Панченко А.А. *Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект*. М., 2002. С.103.

<sup>29</sup> Там же. С.354.

<sup>30</sup> *Книга о вере*. М., 1648. Л.271.

ли быти готовым подобает, аще кто достигнет тех времен, на брань с самим дьяволом»<sup>31</sup>. Некоторые писали, что не знают только конкретной даты его прихода: «А якоже видим человека состаревшася, и вемы яко оуже скоро оумрети имать ибо емоу предшли соуть лета, но котораго дни и часа, не вемы. Также и о Христове пришествии, и о кончине века сего разумеем»<sup>32</sup>. В конце XVII в. многие, в первую очередь старообрядцы, усматривали знамения конца в преобразованиях Петра I, связывая царя-реформатора с Антихристом (что, в свою очередь, совпало с очередной эсхатологической датой – 1699 г.)<sup>33</sup>.

Напряженное ожидание конца света предельно обостряет проблему индивидуального и коллективного спасения. Чем дольше общество находилось в состоянии культурного и социального кризиса (опричнина, Смута, Раскол), тем более остро звучали темы греха и воздаяния, дьявольских искушений и грядущего царства Антихриста. Как и в позднесредневековой Европе, где в период эпидемий и войн искусство наполнилось образами Апокалипсиса и беспощадной смерти, в Московской Руси период эсхатологических ожиданий привел к визуальной экспансии образов сатаны, бесов, чудовищ Откровения<sup>34</sup>. Это произошло несмотря на то, что православная иконография была гораздо более консервативна, чем католическая.

В поисках более ярких и устрашающих форм русские иконописцы XVI–XVII веков все чаще обращались к европейской традиции. Несмотря на отторжение всего иноземного в первые десятилетия после Смуты, западная культура все активней проникала в Московскую Русь, оказывая влияние и на сакральное искусство.

Многие образы Апокалипсиса, включая фигуру главного врага Церкви – Антихриста, конструировались под прямым воздействием европейских образцов. Однако разнообразие личин и «масок» врага восходит не только к изображениям, но и к текстам. Внешний облик и природа Антихриста были описаны в христианской литературе совер-

---

<sup>31</sup> Там же.

<sup>32</sup> Кириллова книга. М., 1644. Лл.20–20 об. («Казанье об Антихристе» Стефана Зизания).

<sup>33</sup> См. об этом, например: Тарасов О.Ю. Указ. соч. С.115–118.

<sup>34</sup> Если сравнить демонологический репертуар русского и западноевропейского искусства XV–XVII вв., термин «экспансия» по отношению к московской иконописи и книжной миниатюре может показаться некоторым преувеличением. Однако по сравнению с более ранней русской иконографией количественный всплеск демонологических сюжетов в XVI–XVII веках очевиден, а их разработка часто поражает экспрессией и детализацией.

шенно по-разному. Экзегетические трактовки и апокалиптические пророчества, известные на Руси, рисуют сложную картину. Посмотрим, что мог почерпнуть из них средневековый читатель.

### **Император или Зверь?**

В ветхозаветной Книге пророка Даниила рассказано о видении четырех зверей, вышедших из моря: первый был подобен льву с орлиными крыльями, второй – медведю, третий – четырехглавому крылатому барсу, и последний, с ужасным обликом, имел железные зубы и десять рогов. Из этих рогов вышел новый, небольшой рог с человеческими глазами и устами и говорил высокомерно до тех пор, пока зверь не был убит и сожжен (Дан. 7:1-11). Видение Даниила стало прообразом для многих эсхатологических пророчеств. Образы четырех зверей вошли в русскую иконографию Страшного суда: здесь они символизировали четыре грешных царства, последнее из которых часто отождествлялось с царством Антихриста (как в росписях Снетогорского монастыря или Успенского собора во Владимире). Эта традиция восходит к трактовке видения Ипполитом Римским (II в.), который соотносил четвертого зверя с Римской империей, а империю связывал с грядущим Антихристом<sup>35</sup>.

В Новом Завете содержится много свидетельств об апокалиптическом враге и прельстителе. Явление «лжехристов и лжепророков» в последние дни предрекал ученикам Христос в проповеди на Елеонской горе (Мф. 24:5, 24; Мк. 13:22; ср.: Ин. 5:43)<sup>36</sup>. Впоследствии апостол Павел во Втором послании Фессалоникийцам говорил о беззаконнике,

---

<sup>35</sup> См., к примеру, в Русском хронографе, 1-я треть XVI в. (Полное собрание русских летописей. М., 2005. Т.22. С.173). Другая трактовка, предложенная Ефремом Сирым и отразившаяся в популярной на Руси «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова, связывала последнего зверя с разделившимся царством Александра Македонского (См. подробнее: Нерсесян Л.В. Видение пророка Даниила в русском искусстве XV–XVI вв. // Древнерусское искусство. СПб., 2003. Т.23. Русское искусство позднего Средневековья: XVI в.).

<sup>36</sup> «Я пришел во имя Отца Моего, и не принимает Меня; а если кто иной придет во имя свое, его примите». Эти слова истолковали как пророчество об Антихристе многие богословы и Отцы Церкви – Ириней Лионский, Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин и др. (См.: Книга об Антихристе: Антология / Сост., вступ. ст., коммент. Б.Г.Деревенского. СПб., 2007. С.116).

«сыне погибели», который явится со знамениями и чудесами по действию сатаны и которого убьет Господь (2 Фесс. 2:8-9). «Антихриста» в единственном и во множественном числе упоминает в своих посланиях апостол Иоанн (1 Ин. 2:18-22; 4:3; 2 Ин. 1:7). Однако главным источником сведений об Антихристе стало Откровение Иоанна Богослова, полное символов видение конца мира, единственный канонический Апокалипсис. Здесь рассказывается о семиглавом Звере, который выйдет из моря: Змей-сатана даст этому монстру свою силу и власть, а второй Зверь, который выйдет из земли и будет иметь два рога, подобные рогам агнца, сотворит чудеса, обольщая людей, и заставит их поклониться ставленнику дьявола (Откр. 13:1-2, 11-17). В христианской мысли первый Зверь был отождествлен с Антихристом, а второй с Лжепророком.

Многие образы Откровения восходят к библейским видениям и иудейским пророчествам о лжемессии, враге, осквернителе, беззаконнике последних времен. Так, облик Зверя, вышедшего из моря, вобрал в себя признаки всех зверей из видения Даниила: он подобен барсу, у него ноги медведя и пасть льва, семь его голов увенчаны десятью рогами, на которых высятся диадемы. Близкий образ появляется в Апокалипсисе еще раз – в видении вавилонской блудницы, которая едет на багряном семиглавом звере с десятью рогами (Откр. 17:3-7).

Зооморфный облик Врага, описанный в Откровении, стал основой для более поздних описаний и пророчеств о Сыне погибели, а также развернутой иконографии Апокалипсиса. Однако раннехристианские тексты в первую очередь развивали другую идею – о том, что Антихрист придет «во имя свое» (Ин. 5:43) и будет выдавать себя за Спасителя. Так как в земной жизни Христос творил чудеса, а его Второе Пришествие должно произойти с великой славой, подобно молнии, осветившей небеса, Антихрист будет обольщать людей, симулируя чудеса и знамения. Враг явится в образе великого царя-чудотворца, называющего себя Мессией. Такую картину рисуют «Учение двенадцати апостолов» (II в.) и «Вознесение Исаяи» (ок. II в.)<sup>37</sup>.

Уже во II веке Ириней Лионский (135–ок.202) собрал воедино все свидетельства об Антихристе, которые встречаются в Священном Писании. В его трактате «Против ересей» можно найти рассказ о нечестивом правителе, богохульнике, гонителе христиан, который произойдет из колена Данова и воцарится на 3,5 года. Младший современник (и, воз-

---

<sup>37</sup> См.: Книга об Антихристе. С.147–154.

можно, ученик) Иринаея, первый антипапа, мученик Ипполит († ок.235), тоже представил сына погибели человеком – евреем из колена Данова<sup>38</sup>, императором, преследующим христиан. Антихрист совершит все деяния, предсказанные в Откровении, однако зверем будет не по внешнему облику, а скорее по существу.

В богословской традиции следующих веков представления об Антихристе были разработаны подробнее. На первый план вышла мысль о том, что подобие дьявольского правителя-чудотворца Христу будет иллюзорным. Смирение и кротость, которые он покажет в начале жизни, сменятся мучительством и тиранством, когда он станет императором. Все его чудеса окажутся ложными – враг сможет только насыпать видения. Об этом писали Ефрем Сирийский (306–372), Кирилл Иерусалимский (315–386) и Феодорит Кирский (387 или 393–457), Иоанн Дамаскин (ок.675–ок.753 или 780), Андрей Кесарийский (VI–VII вв.) и др.<sup>39</sup> В отличие от них, Августин Блаженный полагал, что Бог даст Антихристу возможность творить настоящие чудеса<sup>40</sup>.

Мнения о том, кем на самом деле будет Антихрист, тоже расходились. Василий Великий и Григорий Богослов склонялись к мысли, что погибельный сын – одна из личин дьявола<sup>41</sup>. Более радикально эту идею высказал неизвестный греческий автор «Сказания о скончании мира и Антихристе» (V–VIII вв.): сатана не может создать плоть для своего сына, следовательно, Антихрист – не человек, а некий мираж, дьявольская иллюзия<sup>42</sup>. Исходя из той же логики, автор Жития Андрея Юродив-

<sup>38</sup> Об этом, а также других идеях, которые связывали евреев и Антихриста в средневековой европейской (прежде всего немецкой) мысли, см.: Gow A.C. *The Red Jews: the Antisemitism in an Apocalyptic Age, 1200–1600*. L.; N.Y.; Köln, 1995. P.93–130.

<sup>39</sup> См.: Книга об Антихристе. С.289, 295–296, 305–307, 317, 319, 346, 352, 357, 366–367; Alexander P.J. *The Byzantine Apocalyptic Tradition*. Berkeley; Los Angeles; L., 1985. P.201–203.

<sup>40</sup> См.: Деревенский Б.Г. *Учение об Антихристе в древности и средневековье*. СПб., 2000. С.182–183; Книга об Антихристе. С.567–568; Махов А.Е. *Hostis Antiquus*. С.56; Он же. *Сад демонов*. С.46.

<sup>41</sup> Деревенский Б.Г. *Указ. соч.* С.128–134, 182–183; Alexander P.J. *Op. cit.* P. 193–200; Hughes K.L. *Constructing Antichrist. Paul, Biblical Commentary, and the Development of Doctrine in the Early Middle Ages*. Washington (D.C.), 2005. P.58, 70, 77, 154, 232.

<sup>42</sup> «Родит же ся по привиденю от девицу», «дьявол же аще и плоть приимет, ну и ту въ привидени како бо я же не създа плоть». В Антихристе сатана «мъчтателень плоти своему суцъству восприимет съсуд» (Срезневский И.И. *Сказания об Антихристе в славянских переводах*. СПб., 1874. С.39, 3-я пагинация). «Сказание» было приписано Ипполиту Римскому (См. также: Сахаров В.А. *Эсхатологические сочинения и сказания в древне-*

вого полагал, что плоть для Антихриста сотворил Господь и до Страшного суда заключил ее в ад<sup>43</sup>.

Однако в Церкви быстро утвердилась идея о том, что сын погибели будет реальным человеком<sup>44</sup>. Ириней Лионский и Ипполит Римский видели в нем правителя-тирана, подобного Нерону<sup>45</sup>. Многие утверждали, что он станет «вместилищем» дьявола. Так, Кирилл Иерусалимский писал, что Антихристом будет некий волхв, которого сатана использует в качестве орудия, действуя в его теле<sup>46</sup>. Иоанн Златоуст<sup>47</sup>, Ефрем Сирин<sup>48</sup> и Иоанн Дамаскин<sup>49</sup> подчеркивали, что погибельный сын – не личина и не земное воплощение дьявола, а страшный грешник, который вместит его злобу.

Помимо авторитетных богословов, об Антихристе рассуждали авторы многочисленных апокрифов. В результате в целом ряде анонимных текстов его рождение оказалось представлено в мифологическом ключе. Здесь эклектично соединялись фрагменты Святого Писания и «сказочные» сюжеты. Так, в одном из сочинений, приписанных пророку Да-

---

*русской письменности. Тула, 1879. С.119).*

<sup>43</sup> Молдован А.М. *Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С.419.*

<sup>44</sup> Alexander P.J. *Op. cit.* P.200–201; McGinn B. *Portraying Antichrist in the Middle Ages // Verbeke W., Verhelst D., Wekenhysen A. (eds). The Use and Abuse of Eschatology in the Middle Ages. Louvain, 1988. P.1–2.*

<sup>45</sup> *Образ Антихриста-тирана нередко связывали с императором-мучителем Нероном, чья внезапная смерть породила слухи о его бегстве и скором возвращении с Востока. Впоследствии эта идея была забыта (Подробнее см.: Alexander P.J. Op. cit. P.151–184).*

<sup>46</sup> *Книга об Антихристе. С.317, 318–319; ср.: Кириллова книга. Л.49 об.*

<sup>47</sup> *«Кто же есть сей; оубо ли сатана; никакже же: но человек некий всякое егово приемляй действо» (Иоанн Златоуст. Беседы на 14 посланий. Киев, 1624. Л.2333–2334).*

<sup>48</sup> *В «Слове на Пришествие Господне» Ефрем Сирин утверждает: «родит же ся воистину от скверны жены съсуд емоу. Не сам же ся ражает, нь образ его придет прескверным яко тать» (Цит. по сборнику XVI в.: РГБ. Ф.113. №464. Л.410). См. в современных переводах «Слова»: «Действительно, от оскверненной девы родится его орудие, – но сие не значит, что он воплотится; придет же скверный, как тать, в таком образе...» (Преподобный Ефрем Сирин. Беседы. М., 2003. С.256–257).*

<sup>49</sup> *См.: Слово Иоанна Дамаскина об Антихристе // Срезневский И.И. Указ. соч. С.58, 3-я пагинация. Глава об Антихристе из «Богословия» Иоанна Дамаскина была переведена Иоанном, экзархом Болгарским (См.: Рыков Ю.Д. К вопросу об источниках Первого послания Курбского Ивану IV // Труды отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ) / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л., 1976. Т.31. С.238).*

ниилу («Видение» псевдо-Даниила), сказано, что апокалиптический Враг поднимется из преисподней в виде рыбки, которую поймает человек по имени Иуда и продаст за 30 сребреников. Голову рыбы съест нечестивая девица, которая и родит Антихриста<sup>50</sup>.

На Руси были известны все описанные идеи. Во многих списках бытовали не только переводы творений Ефрема Сирина, Ипполита Римского или Иоанна Златоуста, но и «Сказание» псевдо-Ипполита и Житие Андрея Юродивого. В одной из редакций популярного «Откровения Мефодия Патарского» утверждалось, что погибельный сын будет зачат в граде Хоразине, когда птица расшибется о лицо некоей черницы<sup>51</sup>. Однако сами русские авторы не часто рассуждали об Антихристе, обычно лишь упоминая его как одного из персонажей, соотносимых с дьяволом<sup>52</sup>.

Ситуация изменилась в XVII веке, когда, на фоне общего нарастания эсхатологических ожиданий, фигура «беззаконника» последних дней стала появляться на страницах исторических хроник. Чем выше поднимался градус апокалиптических настроений в обществе, тем чаще Откровение Иоанна Богослова, евангельская проповедь Христа на Елеонской горе и другие пророчества о конце света привлекались для объяснения актуальных событий настоящего и их возможных последствий. Уже в сочинениях первой четверти – середины XVII в., посвященных Смутному времени, книжники описывают Лжедмитрия I, воцарившегося еретика, как «сосуд дьявола», человека, в котором мог воплотиться погибельный сын. Келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын связывает его с римским папой, а самого папу уподобляет Змею Апокалипсиса. По словам келаря, замученные в Москве праведники называли самозванца «образом Антихриста»<sup>53</sup>. Неизвестный автор «Плача о пленении и конечном разорении Московского Государства» осторожно именуется Лжедмитрия «сродником» погибели и предтечей

---

<sup>50</sup> Книга об Антихристе. С. 473–474. Под именем пророка Даниила бытовало много апокалиптических текстов византийского происхождения.

<sup>51</sup> Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Николаем Тихонравовым: В 2 т. СПб., 1863. Т.2. С.262.

<sup>52</sup> К примеру, в Повести временных лет язычники-волхвы говорят, что веруют «антихресту», который «сидит въ бездне». Ян Вышатич возражает: «то есть бесь» (БЛДР. Т.1. С.216). Имя «антихрист» часто употреблялось в Средние века как нарицательное наименование врагов, отступников и т.п. Эти примеры я выношу за скобки.

<sup>53</sup> Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С.113, 115.



Антихриста<sup>54</sup>. Другие прямо называют самозванца сыном погибели, Антихристом и сосудом дьявола, сыном сатаны и лжехристом. В некоторых текстах Отрепьев косвенно уподобляется «беззаконнику» и Зверю Апокалипсиса с помощью различных цитат и реминисценций<sup>55</sup>.

Пожалуй, самую впечатляющую картину представил читателям дьяк Иван Тимофеев. В его рассказе самозванец – зримое воплощение сатаны, материализация сил зла: «По сем воста от ложа своего скимен лют, враг же обаче, а не человек бывая словеснаго существа, оболкся в плоть Антихрист; и яко темен облак возвлекся от несветимья тмы...»; «весь сатана и Антихрист во плоти явлься, себе самого бесом жертву принес»<sup>56</sup>.

Идея о том, что дьявол наполнил своей злобой смертного человека и привел его к власти, мечтая «затушить» веру в последнем богохранимом царстве, вполне соответствует тем представлениям о природе погибельного сына, которые разделяло большинство Отцов Церкви. Исходя из этого, Авраамий Палицын заключал, что самозванец не стал «конечным» Антихристом только потому, что еще не исполнилось «время времен и полвремени», отмеренное до Конца света (Дан. 12:7; Откр. 12:14-15)<sup>57</sup>. Трактовка Ивана Тимофеева уже сближает Антихриста-Отрепьева с личиной или земным воплощением сатаны.

Еще более оригинальные и менее канонические версии во второй половине века актуализировали старообрядцы. Так, протопоп Аввакум полагал, что сын погибели будет лишь наполовину человеком – он родится от соития женщины с дьяволом. Мысль Иринья Лионского о еврейском происхождении Антихриста была объединена с архаическим представлением о летающем змее<sup>58</sup>: «...а противник, еже есть Анти-

---

<sup>54</sup> БЛДР. СПб., 2006. Т.14. С.186.

<sup>55</sup> См. об этом: Антонов Д.И. Смута в культуре... С.72–100.

<sup>56</sup> *Временник Ивана Тимофеева*. М.; Л., 1951. С.83, 84.

<sup>57</sup> *Сказание Авраамия Палицына*. С.115.

<sup>58</sup> *Рассказы о летающем змее встречались и в русской агиографии, и в переводных памятниках. Такая история интересно варьируется в редакциях Повести о Петре и Февронии Муромских. В трактате «Мир с Богом человеку» (1669 г.) Иннокентий Гизель указывал на самый тяжкий вид плотского греха: «смещение телесное съ диаволом, сиестъ съ Летавцемъ» (Подробнее об этих сюжетах: Юрганов А.Л. Убить беса: Пусть от Средневековья к Новому времени. М., 2006. С.311, 367–373). О летающем змее-любовнике в славянских культурах см.: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т.1*. М., 1995. С.330–333. См. также заговор от огненного змея, летающего к женщинам:*

---

«ПЕСТРЫЙ ЗВЕРЬ РЫСЬ»

---

христ, зачнется от блуда, от жены жидовки, от колена Данова. Мнит ми ся, сам сатана зблудит с нею сим подобием, якоже змеи ныне летают к женам, дьявольской же дух»<sup>59</sup>. Сын погибели – демоническое существо, зачатое Люцифером.

И все же средневековые представления об Антихристе ярче всего проявились не в рассуждениях о его происхождении, а в рассказах о его внешнем облике. «Словесные портреты» демонстрировали не только личину, которая будет открыта людям, но и подлинное «лицо» беззаконника. Во многих описаниях совмещались внешняя и внутренняя перспективы, так что читатель мог разглядеть одновременно истинный и мнимый облик Врага. Как мы увидим, точно такой же прием использовался и в средневековой иконографии Апокалипсиса.

*(Окончание следует)*

---

*Великорусские заклинания. Сборник Л.Н. Майкова / Послел., примеч. и подг. текста А.К. Байбурина. СПб., 1966. С.162.*

<sup>59</sup> *Древлехранилище Пушкинского Дома: материалы и исследования. Л., 1990. С.90.*

## **РОССИЯ В МИРЕ**

Многие теперь выдвигают национальный принцип в качестве критерия будущего переустройства... Едва ли есть надобность доказывать невозможность и фантастичность этого проекта. Если даже допустить его, то спрашивается, что будет положено в основу национальности? Язык? Но тогда Бельгию придется разделить на две части, Италию – также, а такие разноязычные страны, как Россия, распадутся на вотяцкое, черемисское, великорусское, татарское и т.д. государства-нации...

Как выяснено выше, так называемое «национальное» неравенство есть лишь частная форма общего социального неравенства. Поэтому тот, кто хочет бороться против первого, должен бороться против второго, выступающего в тысяче форм в нашей жизни, сплошь и рядом гораздо более ощутительных и тяжелых.

*Питирим Сорокин*





**Владимир Дегоев**

**СБЛИЖЕНИЕ  
ПО СЛОЖНОЙ  
ТРАЕКТОРИИ:**

**РОССИЯ И ОСЕТИЯ  
В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА<sup>1</sup>**



УДК:  
93/94

*The last part of the article deals with the crucial point of the history of the Ossetian embassy in St. Petersburg (1751–1752). The negotiations centered around the perspectives of establishing closer relationships between Russia and Ossetia to eventually usher in the era of incorporation of the pivotal North Caucasus region into Russian imperial mould.*

**Ключевые слова:** русско-осетинские отношения в XVIII в., Осетинская духовная комиссия, православное миссионерство на Северном Кавказе, архимандрит Пахомий, грузинские священники на службе Российской империи, международное соперничество на Кавказе.

**Key words:** Russia and Ossetia in the 18<sup>th</sup> century; Russian Orthodox Church in the North Caucasus; archimandrite Pakhomi; Georgian priests in Russian imperial service; international rivalry in the Caucasus.

**E-mail:** degoevvv@rambler.ru

---

<sup>1</sup> Окончание. Начало см.: *Россия XXI*. 2011. №1.

**ДЕЛО ПАХОМИЯ:  
ПОБЕДА ПОЛИТИЧЕСКОГО  
РЕАЛИЗМА**

Мнение Сената о качестве работы персонала Осетинской комиссии не сулило Пахомию ничего хорошего. Его судьба оставалась в полной неизвестности. Между тем он, как

будто совершенно об этом не беспокоясь, действовал на удивление хладнокровно, методично и расчетливо. Как уже отмечалось, Пахомий в самый разгар следствия по его делу, не обращая внимания на свой статус поднадзорного, едет в Осетию для проведения организационных мероприятий по подготовке осетинского посольства в Петербург, главным образом для отбора достойных кандидатов для участия в этом историческом событии. Иными словами, в тот момент, когда многие русские начальники думали, что Пахомий, опасаясь кары, сбежал за границу, он спокойно демонстрировал ревностное служение интересам России. Архимандрит вел себя так, будто бы ничего не случилось, давая тем самым понять: самая важная для него задача и священный долг – выполнить постановление Сената от 3 сентября 1747 года об устройении визита в Петербург осетинских послов *во главе с Пахомием*.

Подобное поведение, похоже, обезоружило и кизлярское, и астраханское начальство. В декабре 1748 года командующий русскими войсками на Северном Кавказе генерал-лейтенант А.П.Девиз получил от Пахомия письмо, перед смиренным тоном которого устоять было трудно. Сообщая о том, что он в скором времени привезет в Кизляр и Астрахань «на смотрины» отобранных им для поездки в Петербург осетинских старшин, архимандрит обращался к А.П.Девизу с такими словами: «Вашего высокопревосходительства мы, низжайше рабские богомольцы, ...просим вашего милосердия нас не оставить»<sup>2</sup>.

В лице командующего Пахомий обзавелся влиятельной персоной, готовой держать его сторону. А.П.Девиз даже позволил себе, предвосхищая итоги следственной работы, сообщить в Петербург о том, что «важных (преступных. – *В.Д.*) дел за ним, архимандритом, не оказалось» и обвинение в его адрес со стороны братьев Махотеловых «находится несправедливо» [С.163].

В неосведомленность генерала относительно очевидных злоупотреблений Пахомия верится с таким же трудом, как и в его наивность. Стало быть, какие-то причины должны были заставить А.П.Девиза занять столь

---

<sup>2</sup> *Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов в двух томах / Сост. М.М.Блиев; Ред. П.П.Епифанов. Орджоникидзе, 1976. Т.1. С.189. – Далее ссылки на это издание даются в тексте в квадратных скобках.*

четкую (и поэтому, кстати говоря, весьма рискованную) позицию в этом запутанном деле. Едва ли стоит придавать решающее значение личным симпатиям генерала к человеку, с которым можно было общаться только через переводчика (Пахомий не знал русского языка), если такое общение вообще имело место. Скорее всего, лояльность А.П.Девица проистекала из его склонности к рациональному анализу северокавказской ситуации в широком контексте государственных интересов России. С этой точки зрения, он не видел никакой практической пользы в осуждении Пахомия, полагая, что заслуги архимандрита в деле утверждения русского влияния на Центральном Кавказе перевешивали его прегрешения.

Впрочем, в активе у Пахомия было не только благорасположение А.П.Девица. С появлением грузинских миссионеров в Осетии в Кизляр стали поступать просьбы осетинских обществ о принятии их в российское подданство, что свидетельствовало о политической эффективности деятельности архимандрита. Данные просьбы, по какому-то «странному» стечению обстоятельств, участились именно в период расследования в связи с выдвинутыми против Пахомия обвинениями.

Осетинские старшины от имени народа совершенно недвусмысленно и далеко не в первый раз ставили вопрос о «вечном подданстве», утверждая свою полную независимость и от турок, и от персов, и от кабардинцев, что, по мнению ходатаев, означало отсутствие «правовых» преград к удовлетворению их чаяний. Повторялась также просьба о переселении на равнину, ибо «в нашей области гористые места и пахотную землю скудны», а также о предоставлении «защиты от утеснений кабардинских князей» [С.136–139].



Руины древней осетинской церкви в Алагирском ущелье

Но в этих челобитных было и нечто новое, в частности – тема благодарности Елизавете Петровне за то, что «архимандрита с братиею для учения закона (православия. – *В.Д.*) соблаговолила прислать». И тут же «божеской и великой государыни милости» противопоставлялся «воплощенный дьявол» (братья Махотеловы), который «вбежал в нашу (осетинскую. – *В.Д.*) землю» и оклеветал ее «многими худыми своими словами, делом и действием». Употреблением «многих лукавств» Кайхосро и игумен Николай «возмутили» осетинский народ и чуть было не привели его к кровопролитию. Лишь трудами Пахомия удалось предотвратить худшее [С.136–137, 139].

Петербург не мог игнорировать такие страстные свидетельства в защиту архимандрита, ибо для русского правительства было безразлично, как оценивают ситуацию сами осетины. Тот факт, что их петиции, скорее всего, писались под диктовку Пахомия, отнюдь не исключал соответствия челобитных текстов настроениям местного населения. Приложив свою руку к ходатайствам осетинских старшин, Пахомий поднял собственные шансы в решении двуединой задачи: с одной стороны, пополнить ценными доводами оправдательную аргументацию, с другой, – актуализировать вопрос об организации осетинского посольства, заодно напомнив о своей незаменимости в данном деле.

Весьма незаурядными политическими и психологическими маневрами Пахомий фактически поставил Петербург перед проблемой, как реагировать на просьбы осетин о подданстве в условиях, когда нужно разбираться со скандальной ситуацией внутри Осетинской комиссии.

Сенат нашел довольно изобретательный выход – использовать визит горских послов в российские столицы в интересах следствия по делу «Пахомия–Махотеловых», поскольку в их лице русское правительство получало непосредственно участников и наблюдателей деятельности грузинских миссионеров в Осетии. Порой даже возникает ощущение, будто Осетинское посольство стало побочным продуктом следственного процесса. Во всяком случае, свара между архимандритом и братьями Махотеловыми, похоже, ускорила ход подготовки отъезда осетинских «дипломатов» в Петербург.

Речь шла именно об ускорении, ибо уже существовало два императорских указа (от 14 августа 1746 г. и от 28 июня 1748 г.), которые давали санкцию на организацию посольства, – оставалось привести их в действие. В обоих указах в качестве главной цели визита значилось «крещение». И если в первом документе в словах о намерении осетинских старшин привезти в Петербург некие «секреты» еще можно усмотреть намек на политическую подоплеку, то во втором указе этого нет вообще [С.102, 159].



Нарочитый уход от темы «подданства» по-прежнему был связан с нежеланием раздражать Турцию. Но теперь к этому резону добавлялось искреннее желание русского правительства глубже понять, что происходит в Осетии, стоит ли доверять донесениям Пахомия о политических настроениях осетин, особенно теперь, когда становилась очевидной его личная заинтересованность в подаче данной информации под определенным углом зрения. Архимандрит превратился в еще более сомнительную фигуру в свете тех обвинений в его адрес, которые требовали скрупулезного расследования.

Решение Сената об объединении осетинской посольской миссии со следственным делом «Пахомия–Махотеловых» повлекло за собой деликатные процедурные задачи, которые лишь на первый взгляд носили сугубо технический характер. Нужно было изощриться таким образом, чтобы, во-первых, дать архимандриту, учитывая его авторитет среди осетин, довести до логического конца трудоемкий процесс подготовки посольства, не вызвав у горцев подозрений относительно подследственного статуса их пастыря; во-вторых, не спугнуть и самого Пахомия известием о том, что посольство возглавит другой человек, а он будет препровожден в Петербург «под крепким караулом» и «под политическим присмотром» [С.161–162, 191–195, 197, 199, 204]<sup>3</sup>.



Мария-Богоматерь. Фрагмент алтаря Нузальской часовни XIV в.

Потребность Петербурга в Пахомии возрастала по причине появления новых препятствий к осуществлению императорских указов в отношении Осетии. Слухи о готовившемся отъезде в Россию делегации осетинских старшин вызвали резкие протесты кабардинских князей, считавших осетинские земли и населявший их народ традиционной сферой своего влияния. Они восприняли подготовку горского посольства как посягательство России на эту сферу. Под угрозой применения силы князь потребовали у осетин отказа от православия и возобновления вассальных податей, которые с установлением русско-осетинских отношений заметно сократились. Ход подготовки посольской

<sup>3</sup> Именно так и сказано: «под политическим присмотром», что в канцелярских документах середины XVIII века выглядит стилистически несколько странно, то есть слишком, так сказать, по-модернистски.

депутации осложнился и другими обструкционистскими действиями кабардинских владельцев, внушавших осетинам, что обратно на родину их из России не выпустят, и обещавших подвергнуть Осетию разорению, если визит в Петербург состоится [С.202–203].

В сложившихся обстоятельствах у русского правительства не было в тех краях другого человека, который реально мог бы противодействовать проискам кабардинских князей более эффективно, чем Пахомий. Имелись основания надеяться, что архимандриту с его макиавеллистскими способностями и неплохими связями в Кабарде удастся нейтрализовать антироссийскую агитацию и договориться с кабардинцами о беспрепятственном выезде осетинских послов.

27 сентября 1749 года Пахомий приехал в Кизляр вместе с осетинской делегацией, состоявшей из 6 человек (3 старшины и при каждом его помощник). Далее им предстояло следовать в Астрахань, а затем в Москву и Петербург. Послам предоставили транспорт<sup>4</sup>, охрану, прогонные деньги [С.205–210].

В русско-осетинских отношениях произошло важное событие: после четырех лет неопределенности и сомнений началось реальное воплощение в жизнь идеи отправки горских послов ко двору Елизаветы Петровны. Во многом это был еще и личный успех Пахомия. Дебют труднейшей «шахматной партии», которую архимандрит затеял вольно или невольно, он вроде бы выиграл. Ему удалось сформировать осетинское посольство и добиться разрешения сопровождать его в Петербург [С.211]<sup>5</sup>. Его самые опасные враги – Кайхосро и игумен Николай – находились под стражей в Астрахани. К нему благоволили не последние люди в русской военной администрации на Северном Кавказе.

И все же ситуация была весьма двусмысленной в силу непонятого формального статуса Пахомия. Он отправлялся в Россию то ли в качестве руководителя посольства, то ли в качестве подследственного. Возможно, уникальность, если не комичность, момента заключалась в том, что имело место и одно, и другое. По приезде Пахомия (с послами) в Кизляр к нему, по поручению А.П.Девица, «послан был с поздравлением» (в связи с успешно выполненной миссией) майор Барковский, поскольку сам командующий «за болезнь свою» не смог встретить архимандрита лично. И одновременно А.П.Девиц тайно приказывает

---

<sup>4</sup> Это были средства передвижения «представительского класса» – 3 конных экипажа, которыми обычно пользовались персидские послы для поездок в Петербург.

<sup>5</sup> К этому времени, на «счастье» Пахомия, умер главный кандидат на роль руководителя посольства – поручик Андрей Бибирюлев.

офицеру казачьего конвоя держать Пахомия во время поездки в Петербург «под крепким смотрением» [С.207, 208, 209].

Архимандрит не был столь простодушным, чтобы не догадываться о целях такого «попечительства». Впрочем, он мог утешиться тем, что его заклятые враги – братья Махотеловы – были отправлены на дознание в Петербург под «караулом», наличие которого никто и не думал скрывать, «дабы они с пути куда уйти не могли» [С.211–213].

7 декабря 1749 года Пахомий с осетинскими старшинами прибыл в Москву. Было приказано найти им «достойную квартиру немедленно» и взять на казенное содержание, пока посольство не отправится дальше, в Петербург. По сути, лишь с этого момента русское правительство стало проявлять интерес к персональному составу делегации и к социальному статусу ее членов. Пахомий доложил в Синод, что это знатные и влиятельные в Осетии люди, наделенные полномочиями говорить от имени народа – Зураб Елиханов, Елисей Хетагов и Георгий Куртаулов [С.217–222, 230–231].

В Москве им объявили, что их приезд «правительствующий Сенат за благо приемлет и притом их обнадеживает ее императорского величества высочайшей милостью» [С.217, 219]. К осетинским послам отнеслись с предупредительностью, но никаких переговоров с ними не вели. Судя по всему, более важным представлялось дать полный ход следственному делу Пахомия–Махотеловых, учитывая тот факт, что обе тяжущиеся стороны в то время уже находились в Москве. С помощью такого расследования предполагалось определить дальнейшую судьбу архимандрита и целесообразность его использования в качестве фактического руководителя осетинского посольства.

Быстро смекнув, в чем суть момента, Пахомий вновь играет на опережение. Не дожидаясь вызова для учинения «расспросных речей» (для дачи показаний), он пишет в Синод пространную бумагу, в которой детально, с указанием дат и даже времени суток, каталогизирует преступные действия братьев Махотеловых, направленные не только и не столько против членов Осетинской комиссии, сколько против «закона христианского и интереса ее императорского величества». Согласно Пахомию, часть этих поступков носила попросту уголовный характер. По тексту видно, насколько кропотливо и дотошно собирал архимандрит обвинительный материал [С.223–228].

Выстраивая целую систему собственной защиты, Пахомий демонстрировал искусство методичного накопления предпосылок для создания перевеса мнений в свою пользу. Он делал вид, будто не замечает, что первым пунктом на повестке дня стоят не переговоры с осетинскими послами, а

следственные мероприятия. Архимандрит явно стремился сдвинуть акцент на главную, с его точки зрения, проблему: какой круг вопросов следует обсудить с осетинской делегацией и какими должны быть итоги визита. Он не преминул сообщить Московской синодальной канцелярии, что горцы приехали не только для «поклонения ее императорскому величеству», но и для того, чтобы «отдаться в вечное к России подданство». Помимо этого, они ходатайствовали о переселении на равнину [С.230–231].

Иными словами, Пахомий напоминал о политической важности осетинского вопроса, тем самым побуждая Синод переключить свое внимание. По существу, он как бы предлагал поскорее закончить следственную волокиту (в его, разумеется, пользу) и сосредоточиться на стратегической проблематике. Для этого, естественно, необходимо было как можно быстрее отправить осетинское посольство в Петербург.

Синод не спешил отпускать Пахомия из Москвы, поскольку требовалось еще время на то, чтобы основательно допросить братьев Махотеловых, сличить показания и вынести вердикт. Что касается осетинских старшин, то их переезд в Петербург поначалу решено было не задерживать. План Пахомия рушился: ему прямо давали понять о его статусе поднадзорного и отлучали от горских послов, тем самым лишая привилегии самолично представить их ко двору Елизаветы Петровны.

О том, какие контрмеры принял архимандрит, можно догадаться по докладу Московской сенатской конторы в Сенат (от 4 января 1750 г.). Там сообщалось, что осетины хотели бы поехать в Петербург вместе с Пахомием, «от которого они и святым крещением просвещены и имеют себе за отца и наставника». Хотя здесь, конечно, не обошлось без подделки, просьба старшин была искренней: они привыкли к Пахомию и рядом с ним чувствовали себя увереннее. Из уважения к послам русское правительство велело «отъездом обождать», что, впрочем, вовсе не гарантировало удовлетворения их ходатайства, поскольку в отношении архимандрита предстояло выяснить, «имеет ли (он. – *В.Д.*) быть свободен или не имеет». Мнение о нем осетинских послов, конечно, принималось во внимание, но решающей роли, похоже, не играло [С.232–234].

Отъезд в Петербург откладывался еще по одной причине. Один из старшин, схватив сильную простуду, пребывал «в горячке и в великой слабости». Оставлять его одного в Москве считалось нецелесообразным. К больному приставили высококвалифицированного доктора, на оплату услуг которого, как и на лекарства, приказано было выделить столько средств, «сколько потребно будет». Ни в чем не нуждались и другие члены делегации [С.222, 228–229, 231–234].

Между тем складывалось впечатление, что следствие по делу Пахомия–Махотеловых далеко от завершения. Братья и не думали сдаваться. На допросах они настаивали на своих прежних обвинениях, утверждали, что Пахомий давно был замешан в политических делах Грузии и служил ее интересам, а отнюдь не российским [С.235–236].

Несмотря на обилие следственных материалов, включая «распросные речи», ни Сенатской конторе, ни Синодальной канцелярии в Москве не удалось найти точный ответ на вопрос – кто прав и кто виноват. Видимо, потому, что в «чистом» виде такого ответа не существовало. Результаты расследования не позволяли с абсолютной уверенностью вынести обвинительный приговор одной стороне и оправдательный – другой. В связи с этим вновь все уперлось в необходимость вывести дело из сферы правосудия и рассмотреть его с точки зрения политического прагматизма.

Но это уже относилось к компетенции Петербурга. Поэтому в середине января 1750 года Сенат принял решение отправить осетинских послов вместе с Пахомием в российскую столицу [С.241, 471–472]<sup>6</sup>. Это означало две вещи: во-первых, начиналась главная часть визита горской делегации в Россию; во-вторых, следственное дело архимандрита, равно как и он сам, передавалось в самую высокую инстанцию.

Ситуация по-прежнему выглядела странно. Пахомий – фактически глава осетинского посольства, выполнявший важную политическую миссию, – направлялся в Петербург как неблагонадежный элемент, под «надлежащим присмотром» воинской команды во главе с унтер-офицером. Правда, инструкции приписывали этому унтер-офицеру оказывать архимандриту всяческое почтение, дабы не уронить его авторитет в глазах осетинских старшин. В сенатских документах также звучит мысль о том, что Пахомию дозволено «обще с теми осетинскими старшинами ехать» только для того, «чтоб они о проповеди его не возымели какого сумнения» и чтоб «здесь в России при первом случае не показать им какого огорчения» [С.238–247]<sup>7</sup>.

9 февраля 1750 года посольство прибыло в Петербург. В его распоряжение был предоставлен просторный особняк неподалеку от здания

---

<sup>6</sup> В Москве к посольству присоединился Прокофий Сидамонов – крещеный осетин, который, попав в плен к черкесам, был продан в Крым. Оттуда он бежал в Полтаву, затем – в Москву.

<sup>7</sup> Специальному человеку из группы сопровождения Московская сенатская контора дала секретное предписание – «смотреть, чтоб он, архимандрит Пахомий, в пути, а наипаче в бытность еще в Москве, никаким тайным образом куда скрыться и утечки учинить не мог».

Сената. Окунуться в повседневный комфорт такого уровня послам еще не доводилось. Однако события, связанные с деловой составляющей их визита, развивались очень медленно. Шла неделя за неделей. Послам показывали достопримечательности столицы, катали по Неве на «сенатском судне» (читай – для VIP-персон), щедро субсидировали, предупреждали все их желания [С.248–261]. Кроме одного и главного – начать переговоры в соответствии с наказами, полученными осетинскими старшинами от своего народа.

Между тем именно в этом пункте возникли сложности. Через несколько дней после приезда горской делегации Сенат составил доклад, в котором суммировалась короткая история русско-осетинских отношений и анализировались не столько их конфессиональные аспекты, сколько политическая составляющая. Из этого документа, между прочим, явствует, что отправке осетинского посольства в Петербург (с просьбой об «освящении христианским законом», «принятии в вечное подданство ее императорского величества» и переселении с гор на равнину «ближе к России») предшествовала серия социально значимых мероприятий, имевших сходство с общенародным «референдумом», который и явился бесспорным легитимным источником «дипломатических» полномочий горских делегатов [С.249–251].

В тексте сенатского доклада чувствовалось понимание как всей важности «преклонения (осетин. – *В.Д.*) к Российской стороне», так и всей проблематичности достижения этой цели при наличии ограничительных условий Белградского договора. Сенат велел Коллегии иностранных дел изучить вопрос и представить свои соображения. Это поручение имело бы практический смысл, если бы мнение Коллегии не было известно. В данном же случае осведомленность Сената не подлежала сомнению: в его докладе почти дословно цитируется коллежская рекомендация о необходимости воздержаться «от рановременного их, осетинцев ...к присяге (на подданство России. – *В.Д.*) привождения» [С.251–252].

Объяснение этой кажущейся несурезице, скорее всего, нужно искать в одном: Сенат тянул время, похоже, не зная точно, как ему действовать. Задача стояла действительно незавидная – по сути отказать осетинским послам, при этом не подав им «сомнения» и не доставив «огорчения».

Были, впрочем, и вполне законные резоны, чтобы не торопиться. Дело Пахомия–Махотеловых оставалось нерешенным. До вынесения архимандриту оправдательного приговора, если таковой вообще случится, не могло быть и речи об официальном отождествлении его с осетинской делегацией. А без него – человека, знающего положение дел в Осетии и

умеющего сформулировать суть проблемы в письменном и устном виде, – вести дипломатические переговоры по деликатным, запутанным сюжетам было бы затруднительно.

А тут еще возникло дополнительное препятствие к активизации переговорного процесса. Враги Пахомия, не желая признавать своего поражения, пошли в новое наступление. Один из братьев Махотеловых игумен Николай донес в Сенат, что архимандрит привез с собой в Петербург не знатных осетин, а «подлых», безродных крестьян, лишенных всяких политических полномочий. Мошеничество такого рода было ничем не лучше, чем повторенные игуменом в адрес Пахомия обвинения в государственной измене [С.253–254, 255–256].

Проблема «знатности» осетинских посланцев вышла едва ли не на первый план. В тогдашних реалиях русско-сеveroкавказских отношений эта проблема была наполнена прежде всего практическим смыслом. В Петербурге уже поняли, что *знатность* в России и *знатность* на Северном Кавказе – совершенно разные вещи, и научились не предъявлять слишком высоких требований к местной «знати», то есть готовы были искусственно занижать критерии социально-культурной идентификации этого общественного слоя. Сам по себе вопрос о степени родovitости того или иного владельца не интересовал русское правительство ни в малейшей мере. Многие генеалогические предания гроша ломаного не стоили даже в России, не говоря уже о Северном Кавказе, где письменные родословные, будучи большой редкостью, заменялись баснословными легендами, окутанными непроницаемой тьмой веков.

Петербург интересовало совсем другое – способность человека влиять на конкретную историческую общность людей, управлять ею и представлять ее интересы вовне. Иными словами, *знатность* имела ценность не как генеалогическое понятие, а как политически эффективная категория. С этой точки зрения, российским верховным властям было безразлично, насколько родовиты были те, кто приехал из Осетии. Главное – насколько они правомочны говорить и действовать от имени народа.

Это был весьма непростой вопрос, учитывая, что политическая история Северного Кавказа, ввиду непреодолимых объективных обстоятельств, вообще не отличалась богатством на имена собственные, а те немногие горские владельцы, которые были известны в Петербурге, не принадлежали к числу политиков крупного калибра с соответствующими масштабами личностных дарований. И если среди них имелось несколько персон, которые удостоивались переписки с кизлярскими властями, а иногда даже с Коллегией иностранных дел, то все они находи-

лись либо в Кабарде, либо в Северном Дагестане. Осетия в этом плане представляла собой «неведомую землю».

Отсюда повышенное внимание русского правительства к социальному положению осетинских делегатов, на которое Петербург не мог закрыть глаза по сугубо утилитарным соображениям. Он примирился бы с сомнительным происхождением послов, но не с их сомнительным общественным статусом. Кроме того, в этом необходимо было разобраться для того, чтобы подтвердить или опровергнуть обвинения в адрес Пахомия в подлоге.

На допросах, учиненных архимандриту, тот заявил под присягой, что прибывшие с ним осетинские старшины – «люди фамильные (знатные. – *В.Д.*) и послушных себе имеют более 6 тысяч человек». Зураба Елиханова Пахомий представлял как влиятельного политического лидера всенародного масштаба, а Елисея Хетагова (Лукина) как «главного полководца» осетин, повелениям которого они «покоряются». Как подчеркивал архимандрит, высокий общественный статус и властные прерогативы этих людей были признаны «по общесогласному того народа (осетин. – *В.Д.*) выбору». Вывод Пахомия – осетинская делегация обладает всеми полномочиями вести от имени народа переговоры по жизненно важным для него вопросам, а это прежде всего вопросы политические, связанные с твердым намерением «отдаться в вечное России подданство» [С.249, 252, 257–259].

Над Пахомием по-прежнему висела угроза неблагоприятного для него исхода следственного дела, и ему постоянно приходилось отбиваться от своих недругов, предъявлявших все новые обвинения, которые, правда, увеличивались лишь количественно, по содержанию почти дословно повторяя друг друга [С.261–264, 275–277].

Что касается оборонительно-наступательной стратегии и тактики архимандрита, то они были более изощренными. Защищаясь на одном фланге, Пахомий атаковал другой. Причем объектом атаки становились уже не только и не столько братья Махотеловы, чьи однообразные обвинительные выпады начинали утомлять следствие, сколько высшие органы власти России, уязвимость которых перед лицом проблем, поднимаемых осетинскими послами, была очевидной. И Пахомий, почувствовав это, твердо вознамерился выиграть судебное дело, подняв его с уровня грязной тяжбы частного характера до проблемы большого политического значения. Архимандрит опирался на простой посыл: братья Махотеловы, облыжно инкриминируя ему финансовые злоупотребления и государственную измену, на самом деле преследуют куда более крупную цель – во что бы то ни стало сорвать визит осетинского посольства



и не допустить сближения между Осетией и Россией. Это и есть настоящая государственная измена [С.270–272]<sup>8</sup>.

Избранная Пахомием линия поведения создавала для русского правительства немалые неудобства. С осетинскими представителями нужно было вести какую-то осязаемую дипломатическую работу, заменить которую предложенная им культурная программа – при всей ее изысканности – не могла. Между тем горцы хотели обсуждать именно то, чего Петербург избегал, – принципиальные политические вопросы. От Пахомия, постоянно об этом напоминавшего, отмахнуться было проще, чем от официальных представлений горской делегации, исполненной стремления выполнить народный наказ.

В одном из них, направленном в Сенат 9 марта 1750 года, старшины сетовали на отсутствие к ним всякого интереса со стороны правительственных органов. Послы не понимали, почему их до сих пор, по прошествии более чем трех месяцев с момента приезда в Россию, не допускали к императорскому двору. Нет никаких переговоров о предмете их визита, «живут они праздно» и «жалованье получают напрасно». Горцев беспокоило, что народ, доверивший им столь важную миссию, начнет испытывать «сумнения» в связи с «долговременным их житием» в Петербурге. Осетины просили отпустить их на родину «немедленно» [С.254–255].

Эта петиция заставила русское правительство скорректировать свою оценку ситуации. Стало ясно, что с Пахомием приехали не безропотные статисты, а люди, точно знавшие, чего они хотят, и полные решимости либо добиться своего, либо покинуть Россию, не теряя времени зря. Данное обстоятельство в глазах Петербурга было не менее, если не более, весомым, чем родословные осетинских гостей. Впервые русские власти услышали внятный и неожиданно требовательный голос посланников народа, голос, в котором звучала воля.

В несколько ином свете представала и реальная роль Пахомия: его притязания на статус фактического главы посольства теперь, когда заговорили прежде почти безмолвные осетинские старшины, выглядели небесспорными.

---

<sup>8</sup> Вместе с тем нужно, справедливости ради, сказать, что в своих донесениях в Сенат Пахомий тоже не пренебрегает возможностью изобличить своих врагов любым способом, в том числе с помощью мелких подробностей сутяжнического свойства.

<sup>9</sup> Намек на опасения, внушавшиеся кабардинскими князьями по поводу того, что послы будут взяты в заложники и не вернутся в Осетию.

Тем не менее немедленных радикальных изменений в поведении сенатских властей (а именно к ним целиком перешло кураторство над членами осетинского посольства) не произошло. Следствие по делу Пахомия–Махотеловых, которое отяготилось проблемой подлога, якобы допущенного архимандритом в стремлении выдать безродных осетин за представителей знати, затянулось до конца 1751 года [См.: С.255–309].

Вместе с тем этот период был заполнен не только следственными процедурами. Интерес Сената к осетинской делегации оживился. Послам предложили подготовить «доклад» конфиденциального характера «о состоянии тамошней земли» (Осетии). К ним приставили специального человека с функциями переводчика и координатора, через которого Сенат, помимо прочего, постоянно справлялся о том, «не имеют ли (послы. – В.Д.) в чем нужды» и довольны ли они условиями своего жителя в Петербурге [С.260].

Послы ответили, что они довольны всем, за исключением одного: их до сих пор «для земного преклонения ее императорскому величеству» не представили. В новом прошении Сенату (от 16 июля 1750 г.) они совершенно недвусмысленно ставили вопрос о «подданстве» и переселении на равнину, «ближе к России», чтобы находиться «в защищении от других народов», в частности от кабардинцев, чинящих «немалые препятствия в принятии святого крещения». Как уже отмечалось, посольство перед отъездом в Петербург обещало «объявить секреты», касающиеся внутренней ситуации в Осетии. Можно предположить, что к «секретной» категории относилась сообщаемая теперь в Сенат информация о военном потенциале осетинского общества, способного де выставить «военных людей... до 30 тысяч человек и более, все склонны к вере христианской» [С.260]<sup>10</sup>.

Старшины вновь делились с Сенатом опасениями о том, что их долговременное отсутствие может заставить осетинский народ поверить в распускаемые кабардинскими князьями слухи о намерении русских навсегда оставить послов в Петербурге в качестве заложников. Они просили отправить одного из них домой, чтобы развеять эти слухи и «известие дать», «что они обретаются здесь благополучно». Не отказываясь от своей прежней просьбы о возвращении их в Осетию, послы на этот раз были менее настойчивы, выразив понимание того, что у Петербурга может наличествовать веская причина, по которой «их всех в скорости отпустить невозможно» [С.261].

---

<sup>10</sup> На фоне сведений о таком внушительном войске просьба осетинских послов о «защитении», вполне вероятно, могла вызвать у Сената недоумение.

Из Сената ответили, что по всем поднятым вопросам «надлежащая резолюция учинена будет непродолжительно», а до этого осетинской делегации придется «некоторое время еще здесь обождать». Что касало злонамеренных козней кабардинских князей, то для их нейтрализации было обещано незамедлительно доставлять в Осетию все письма послов о пребывании в Петербурге. Старшин также уведомили о предоставленной им привилегии «допущенными быть невозбранно» к самым элитным и закрытым для широкой публики достопримечательностям российской столицы [С.261].

Так Сенат, похоже, намеревался умиротворить послов, рассеять их подозрения и выиграть время для сложных межведомственных бюрократических согласований дальнейшей тактики в отношении предложенной осетинами повестки дня.

И, кроме того, оставалось незавершенным следствие по делу Осетинской комиссии. Пахомию, несмотря на всю его изворотливость, никак не удавалось добиться решающего перевеса в свою пользу: уж слишком похожи были на правду обвинения в злоупотреблениях, выдвинутые против него. Утешало одно: в России это считалось не самым страшным преступлением. Архимандрит продолжал гнуть свою линию, по сути предлагая Сенату подняться над «мелочами», связанными с состоянием финансовой дисциплины в Осетинской комиссии, и решать крупные политические вопросы, ради которых он и привез горцев в Петербург.

Осетинские послы понимали, что их миссия под угрозой провала и причина тому – интриги врагов Пахомия. В ноябре 1750 года старшины обратились в Сенат с просьбой наказать Махотеловых за совершенные в Осетии против «христианского закона» и против добропорядочных людей преступления, которые «исчислить невозможно». Послы жаловались, что и в Петербурге им нет покоя от козней Кайхосро, грозившего «погноить» их всех и сделать так, что они больше никогда не увидят своих родных и близких. Осетинские делегаты повторили просьбу отпустить их на родину, поскольку обещанной Сенатом резолюции так и не последовало, уже почти 15 месяцев длится их «праздно времени пребывание», и «в том нашей земли (Осетии. – В.Д.) людям пользы никакой нет» [С.265–267.]

Через некоторое время (декабрь 1750 г.) большое письмо в Сенат послал Пахомий, собравший дополнительный компрометирующий материал на Махотеловых. Были представлены новые подробности «шельмовской» деятельности Кайхосро и его брата игумена Николая в Осетии. В обвинительной «колоде» архимандрита появился еще один ко-

зырь – известие о том, что Махотеловы, выдающие себя за «князей грузинских», на самом деле княжеские холопы и самозванцы. Подразумевалось: верить людям такого происхождения и с таким багажом злокозненных деяний нелепо. Как бы играя на контрасте, Пахомий вновь подтверждал, что главный осетинский посол Зураб Елиханов, напротив, из «великой фамилии и знатен», о чем имеются подлинные свидетельства. В заключение письма Пахомий, вслед за осетинскими старшинами, просил разрешить ему вернуться в Осетию для продолжения миссионерской работы [С.267–273].

На первый взгляд, это был достаточно сильный ход. Но на самом деле и без того непростая следственная интрига приняла еще более витиеватую форму. Теперь Сенату, вдобавок к уже имевшимся ребусам, предстояло разбираться с проблемой социального происхождения Махотеловых и к тому же выяснить, на законных ли основаниях находятся они в Петербурге [С.268]<sup>11</sup>.

При чтении сенатского протокола от 23 января 1751 г. может возникнуть впечатление, будто русскому правительству изрядно надоела следственная неразбериха и оно собирается не распутывать, а разрубить этот узел. Было принято постановление – выдать осетинским послам на обратную дорогу в Осетию «кормовые деньги... в самой скорости, дабы в отъезде их, старшин, отсюда не было нимало остановки» [С.274].

Однако истории горского посольства суждено было завершаться на более оптимистичной ноте. В каком-то смысле помогло вмешательство полуслучайных и почти бытовых обстоятельств, резко обостривших общую ситуацию вокруг осетинской делегации, что по логике вещей должно было ускорить развязку, и ускорило ее.

После доставки Махотеловых из Кизляра в Москву, где они продолжали находиться под стражей, один из братьев – Кайхосро – каким-то образом оказался в Петербурге, предоставленный самому себе и своему буйному нраву. Пользуясь полной свободой передвижения, он морально терроризировал осетинских представителей, регулярно появляясь у окон их апартаментов и выкрикивая в адрес обитателей – в первую очередь Пахомия – угрозы и оскорбления. Особым преследованиям подвергся посольский переводчик Вениамин Ахшарумов за то, что поддерживал архимандрита. Каждый присутственный день Кайхосро являлся в Синод и поносил переводчика «непотребными словами», доводя его до отчаянного решения отказаться от своей должности [С.266, 277–278].

---

<sup>11</sup> Пахомий утверждал, что после прибытия из Кизляра в Москву Кайхосро «из-под караула бежал» в Петербург, где живет незаконно.

Закончилось все тем, что в середине марта 1751 года Кайхосро вместе со своим сообщником – обретавшимся в Петербурге бывалым грузинским авантюристом с криминальным прошлым (Иваном Эрстовым) – напал на Ахшарумова «разбойническим образом» и избил его до полусмерти [С.280. – Об Иване Эрстове см.: Там же. С.295–296].

Дело дошло до Елизаветы Петровны, к которой пострадавший обратился с двумя челобитными (от 15 марта и от 1 июля 1751 г.), подробно описывавшими обстоятельства случившегося и призывавшими наказать виновных, прежде всего Кайхосро Махотелова [С.281–283, 291–293].

Ахшарумов не преминул представить это нападение как логическое продолжение планомерной и агрессивной деятельности, направленной против осетинского посольства. Он утверждал, что Кайхосро стремился посеять семена раскола и недоверия между горскими старшинами и отчасти это ему удалось [С.291–292]. Подобно Пахомию, Ахшарумов заявлял о «безродности» Кайхосро: «высокославной Российской империи, не страшась указов и государственных прав, пишется собою ложно князем» [С.282].

Челобитную на имя императрицы подал и Махотелов, опасавшийся самых плачевных для себя последствий. Примечательно, что он оправдывался не за историю с дебошем, о которой не было ни малейшего упоминания, а за свои и своего брата, игумена Николая, деяния «в бытность нашу в Осетинской стране». За ними, как заявлял Кайхосро, не числится тех «многих не порядков» и «богу противных дел», о которых сообщалось в доношениях Пахомия. Не исключая для себя худшего, челобитчик настаивал на необходимости опросить при нем членов осетинской делегации – «сколько человек пристойно для сыску истины», – чтобы он из-за такой злостной клеветы «бедного живота лишен напрасно не был» [С.290]. Столь смелое требование очной ставки косвенно свидетельствовало о том, что Махотелову в какой-то степени удалось заручиться поддержкой некоторых членов посольства.

Елизавета Петровна велела строго разобраться в данном инциденте, и это послужило толчком к более активному поиску ответа на вопрос, как дальше вести себя в отношении осетинских послов и поставленных ими проблем. Поэтому Сенат выяснял не только обстоятельства избияния Ахшарумова (которые, после медицинского освидетельствования потерпевшего, были установлены с достаточной достоверностью), но и весь комплекс факторов, связанных с делом Пахомия–Махотеловых [С.283–288, 295–302].

Сенатский протокол от 4 ноября 1751 года, наконец, поставил точку в почти четырехлетнем следствии по делу Осетинской духовной комис-

сии. Было вынесено заключение, что обвинения, предъявленные Кайхосро в адрес Пахомия, «явились неосновательными и ложными». Тем самым он якобы желал архимандрита «привести в напрасное подозрение». В весьма объемном тексте заключения бросается в глаза существенный нюанс: «неосновательными и ложными» названы лишь те показания Махотелова, которые касались незнатного происхождения горских послов, однако ни словом не было обмолвлено о других обвинениях – злоупотреблениях, допущенных Пахомием [С.307].

Видимо, оставшиеся у Сената подозрения относительно небезгрешности архимандрита послужили своеобразным смягчающим обстоятельством для Кайхосро. Такую же роль сыграл еще один факт. Следствие, в ответ на заявление Пахомия о «безродности» Махотеловых, установило: хотя они действительно не принадлежали к грузинскому княжескому сословию, отрицать их дворянское происхождение нельзя. Поэтому первоначально назначенное Кайхосро «наказание батогами» было заменено на более мягкое – принудительную отправку его рядовым в Грузинский гусарский полк. Кроме того, Махотеловым, под угрозой «жесточайшего истязания» в случае ослушания, впредь было запрещено именоваться князьями [С.307, 309, 324]. Таким образом, братья были исключены из Осетинской духовной комиссии, разлучены и лишены возможности чинить ей «помешательства».

Теперь, когда разрешилось столь темное и запутанное дело, препятствий к русско-осетинским переговорам, казалось, больше нет. Но казус заключался в том, что вместе с препятствиями исчез и удобный для многих повод уходить от конкретного обсуждения политических вопросов. Русскому правительству предстояло неизбежное и самое неприятное – назвать вещи своими именами, по возможности подсластив эту горькую необходимость. Петербургу пришлось прямо сказать, а осетинским посланцам ясно услышать, что помощи от России в том объеме, на который они рассчитывают, в ближайшем будущем не предвидится. Вдаваться в подробные объяснения считалось излишним. Между тем все по-прежнему сводилось к высоким внешнеполитическим соображениям: в международной обстановке вообще, и в русско-турецких отношениях в частности, ничто не изменилось столь радикально, чтобы смело можно было братья за решение осетинского вопроса. Иначе русское правительство, по крайней мере, не стало бы держать в тайне пребывание горских послов в Петербурге [С.261].

Уж в одном, однако, Сенату стоит отдать должное: чем дольше затягивалось следственное дело, а значит, отодвигалась перспектива русско-осетинских переговоров, тем обходительнее становилось обращение с

гостями. В июне 1751 года их вывозили за пределы столицы, на Сестрорецкие оружейные заводы, в сопровождении военного эскорта и переводчика [С.290–291].

С конца августа 1751 года Сенат начал рассматривать возможность представления послов Елизавете Петровне и «учинения им награждения» за их труды и терпение. Похоже, именно таким образом предполагалось компенсировать дефицит реальных результатов горской миссии. Просьба послов «о бытии в подданстве ее императорского величества и о переселении ближе к России» оставалась для русского правительства крайне щепетильным моментом, ибо дело, в конечном счете, шло о чести, достоинстве, престиже великой державы и перспективах ее влияния в стратегически важном регионе. А это ведь, как понимали в Петербурге, тоже подпадало под категорию «высокие внешнеполитические соображения». Посему не удостоить посланцев горского народа вообще каких-либо объяснений было неприлично и рискованно. Сенат оставил эту неблагодарную работу Коллегии иностранных дел, поручив ей нечто совершенно казуистическое, – придумать такой ответ на осетинские ходатайства, который можно было бы «объявить» послам «к удовольствию их» [С.294–295]. Если смотреть на вещи шире, то Петербург поставил перед собой задачу отказать горцам так, чтобы они не обиделись, не потеряли надежду и не сожалели о приезде в Россию. Отныне этой морально-компенсационной по своей сути задаче придавалось особое значение.

Однако желание грубо откупиться от осетинских послов было бы слишком примитивной целью, с точки зрения большой политики. Ни при каких обстоятельствах русское правительство просто не могло себе позволить вообще отвергнуть идею переговоров и тем самым упустить случай заложить на будущее плодотворную основу для сближения между Осетией и Россией.

### **ДОКТРИНА «ОБНАДЕЖИВАНИЯ И ПРИЛАСКАНИЯ»**

Эти переговоры начались 29 октября 1751 года. С российской стороны их вел статс-секретарь Коллегии иностранных дел В.М.Бакунин, заслуженно считавшийся экспертом по

Кавказу как человек, неоднократно там бывавший с важными миссиями разведывательно-информационного характера. Прежде всего, Бакунина интересовали точные географические данные о местах проживания того народа, который уполномочил послов выступать от его имени.

Осетинским старшинам показали составленную в 1744 году геодезистом Степаном Чичаговым карту Центрального Кавказа, и с ее помо-

щью они дали обстоятельные разъяснения. Затем послы перевели беседу с географической темы на политическую, заявив, что «они сюда (в Петербург. – *В.Д.*) приехали, паче всего для благодарения за приведение их, осетинцев, в святое крещение, и для отдания своего всенижайшего ее императорскому величеству поклону». С прежней внятностью прозвучал призыв о «принятии их в подданство». Старшины просили «от стороны российской призрения» с тем, чтобы осетины «для лучшего их простору и пашни» могли переселиться в «пристойные места» на равнине. В число таких мест в первую очередь попадали низовья рек Фиагдон и Ардон [С.303–304].

Судя по всему, 18-месячное пребывание осетинских послов в Петербурге не прошло для них даром. Научившись глубже разбираться в тонкостях большой политики, они догадались, что Россия, при всем к ним благоволении, вынуждена принимать во внимание не только интересы осетинского народа, но и серьезные помехи на пути их осуществления. Именно поэтому горские «дипломаты» при изложении своих аргументов старались нащупать такую тональность, которая убедила бы Коллегию иностранных дел в том, что препятствия не такие уж непреодолимые, как кажутся. Но далеко не всегда это получалось.

Послы хорошо осознавали наличие, по крайней мере, двух аспектов проблемы переселения. С одной стороны, могли возникнуть международно-правовые осложнения, связанные с турецким толкованием условий Белградского договора. С другой, – одним из главных становился вопрос обеспечения внешней безопасности переселенцев. Отсюда сделанный осетинской делегацией акцент на то обстоятельство, что выбранные для новых поселений места «к Кабарде не принадлежат», то есть не входят в «нейтральную» зону между Российской и Османской империями.

Что касается безопасности новоселов, то в ней послы различали два составных элемента – безопасность «от нападения крымских и кубанских войск» (иными словами, регулярных вооруженных сил иностранных государств) и от притязаний кабардинских князей, грозивших набегами, пленением людей, угоном скота. В том, как преподносилась эта проблема В.М.Бакунину, присутствовал спекулятивный момент. Согласно утверждениям старшин, они издавна имели с кабардинскими владельцами «дружбу и соседство». Князья отдавали (по обычаю аталычества) своих малолетних детей в Осетию на воспитание и туда же присылали их «для лучшего охранения... во время неприятельских на Кабарду приходоу». Но с принятием осетинами православия кабардинцы резко поменяли к ним свое отношение на враждебное, и поэтому



крещеные переселенцы нуждаются в русском «защищении», в том числе для свободного проезда на территорию России, в частности в Кизляр [С.304–305].

Явно апеллируя к единоверческой солидарности, послы в то же время пытались убедить Коллегию иностранных дел, что «защищение» не будет для России чересчур обременительным делом. Приведенные доводы, ввиду их противоречивости, отнюдь не способствовали усилению переговорных позиций осетинской делегации. Как ею было (почему-то) подчеркнуто, места, присмотренные для поселения, «весьма крепкие» и «безопасные». И тут же следовала просьба предоставить русские войска для охраны в связи с угрозой нападения кабардинцев.

В.М.Бакунин, тотчас заметив эту «нестыковку», поставил вопрос так: если осетины «в крепком месте поселятся», то почему бы «от обыкновенного кабардинского воровства (набегов. – *В.Д.*)» им самим себя не охранять? Задаться таким естественным вопросом статс-секретарь был вправе не только с точки зрения логики, но и в свете сделанного в свое время заявления послов о существовании 30-тысячного осетинского войска. Впрочем, Бакунин допускал возможность предоставить переселенцам русскую защиту пока они не «утвердятся» и не «усилятся» [С.304].

Теперь Коллегии следовало проанализировать, обобщить результаты переговоров и доложить в Сенат. Через полтора месяца доклад был готов. В нем чувствовался ведомственный дух, но в целом на тот момент он адекватно отражал те принципы стратегии и тактики России на Центральном Кавказе, которые определялись не только ее фундаментальными внешнеполитическими задачами, но и ограничительными обстоятельствами.

Прежде всего, Коллегия сообщала о точном выполнении указания Сената относительно повестки дня переговоров – «о рассмотрении по желанию осетинского народа о бытии в подданстве ее императорского величества и в защищении от других народов, и чтоб им (осетинам. – *В.Д.*) переселиться ближе к России». Далее суммировались и в какой-то степени интерпретировались сведения, полученные от горской делегации. К «интерпретационной» части относилось обозначенное под номером один сообщение о том, что гости и сами пока не знают, сколько из их соплеменников желает жить на равнине [С.311].

Затем следовала пространная рекомендательная часть. В ней говорилось, что эффективное использование осетин на императорской военной службе «едва ль возможно», ибо они сами нуждаются в защите [С.312]. Коллегия считала целесообразным придерживаться в отношении осетин курса на «приохочивание их» к России ввиду того, что, во-первых, они

тяготеют к православию, а во-вторых, через населенные ими земли пролегает главная дорога в Грузию. Предлагалось сделать все возможное на данный момент для того, чтобы у осетинских послов при отъезде из Петербурга не было ощущения безрезультатности их миссии. Особо указывалось на целесообразность удостоить делегацию приема у Елизаветы Петровны, где им будет объявлено, что «ее императорское величество обращение их к святому крещению приемлет к своей благоугодности и обнадеживает их высокомонаршескою своею милостью». «Потом во знак онаго дать тем старшинам платье, сделав по их маниру, кафтаны суконные красные, да полукафтаны из шелкового хорошего штофа, обложка по краям узким позументом, а служителям их по портишу красного сукна, и притом всем им на отпуск денег по сколько рассуждено будет» [С.312].

Картина возвращения в Осетию послов в роскошных одеяниях, как задумывалось, должна была символизировать успех миссии и произвести сильное впечатление на соплеменников. Чтобы дело не ограничилось внешним эффектом, Коллегия рекомендовала Сенату «обнадежить» осетин в переселенческом вопросе, в принципе предоставив им полное право выселяться на равнину, в том числе на облюбованные места (низовья Фиагодна и Ардона). Тут, однако, делалась оговорка: поскольку эти места соседствуют с Малой Кабардой<sup>12</sup>, то «надобно им, (осетинам. – В.Д.) по таковой к кабардинцам близости, жить с ними мирно и к ссорам никаких причин со своей стороны не задавать, ибо в противном случае войскам ее императорского величества охранять их неспособно, а паче и несправедливо» [С.312]. Те же, кто пожелает поселиться на Тереке «в самой близости к российским жилищам», реально могут рассчитывать на военную защиту «от всех их неприятелей». Но в любом случае осетины, направляющиеся в Кизляр и Астрахань с политическими («для дел их народа») и торговыми целями, будут на наиболее опасном участке пути обеспечиваться конвоем. Более того, Коллегия предлагала брать политических эмиссаров «в бытность их в тех городах» на императорское казенное содержание, а купцов «от обыкновенных пошлин уволить» [С.312–313].

По-видимому, Коллегия надеялась, что все эти обнадеживающие «объявления» и щедрые знаки внимания к горским послам затушуют отрицательную сущность ответа русского правительства на их главный

---

<sup>12</sup> Учитывая, что в документах такого уровня неточные или случайные слова маловероятны, обратим внимание на констатацию факта «соседства» этих мест с Малой Кабардой, а не их включенности в нее.

вопрос: готова ли Россия принять осетинский народ в подданство? Или, по крайней мере, смягчат неизбежную эмоциональную остроту реакции на отказ, пусть и замаскированный. Не случайно в анализируемом докладе Сенату лишь после перечисления конкретных мер «приласкания» осетин идет весьма неприятный для них текст: «о действительном их в подданство принятии кажется надобно умолчать, да и присягою... их не обязывать» [С.313].

Концептуально-смысловое ядро вышеприведенного документа дает возможность обозначить общие контуры той стратегии в отношении Осетии, к которой склонялся Петербург и которая была рассчитана на неопределенную перспективу. «Осторожность» и «выжидание» – пожалуй, наиболее подходящие слова для описания этой стратегии. Русское правительство отказывало осетинским послам в их просьбе о подданстве и брало курс на планомерное культивирование благоприятных предпосылок для решения проблемы присоединения Осетии к Российской империи. Если определять эту линию поведения, объединив понятия XVIII и XX веков, то можно сказать, что Петербург провозглашал «доктрину обнадеживания и приласкания». По большому, историческому счету, она являлась гибким, прагматическим, рассроченным во времени ответом на радикальные предложения осетинской стороны. В ближайшей перспективе это был отказ, в более отдаленной – нечто совершенно противоположное.

Заключительная часть доклада достойна отдельного внимания тем, что она позволяет историку наблюдать любопытные формы преломления общих принципов стратегии России в частных примерах. И еще раз убедиться в полной контрпродуктивности расхожего мифа о фундаментальной, непреходящей приверженности русского правительства политике «разделяй и властвуй». Уж более удобного повода для применения такого метода, чем тот, который давала просьба осетин о защите их от кабардинских князей (причем явно враждебных к России), трудно и сыскать. Но Коллегия иностранных дел категорически отказывается от искушения использовать пророссийские настроения осетин в борьбе против антироссийски ориентированной кабардинской знати.

В данном случае преувеличивать роль внешнеполитических ограничений не стоит. В конце концов, для чего тогда Петербург не только безоговорочно принял заявление осетин о том, что они народ «вольный и никому не принадлежащий», но и официально настаивал на этом в переговорах с Портой, которая, между прочим, особенно и не возражала? Стал бы он вести себя так, если бы отказ от конфронтации и даже войны с Турцией являлся для России абсолютным приоритетом?

Скорее всего – нет. Значит, дело в чем-то другом. В чем? Ответ нужно искать не в локальных, запутанных и порой молниеносно меняющихся обстоятельствах, а в общедоктринальной установке Петербурга в отношении северокавказских проблем, истоки которой восходят к XVI веку. Суть ее сводилась к принципу «примирай, объединяй и управляй», оказавшемуся в русском политическом арсенале в каком-то смысле стихийно, под влиянием жестких императивов безопасности южных рубежей Московского государства, а затем Российской империи. Со временем «стихийная» составляющая вытесняется осознанным, продуманным образом действий, принимающим вид системы, рассчитанной на перспективу.

Одним из многих примеров подобной трансформации служит анализируемый нами доклад Коллегии иностранных дел, в котором предлагается не углублять, а преодолевать разногласия между осетинами и кабардинскими князьями, создавая для последних такие условия, чтобы им было выгодно не препятствовать, а способствовать русско-осетинскому сближению.

Сенат целиком одобрил доклад, сделав соответствующие выводы и распоряжения. Чем ближе подходил к завершению срок пребывания осетинской делегации в Петербурге, тем щедрее становились знаки уважения к ней [С.308–310, 316, 319–320].

Едва ли не главным бенефициарием и в моральном, и в материальном плане оказался Пахомий. С него были сняты все обвинения и подозрения. Мало того, ему выплатили солидную сумму – «за прилежный им в просвещении осетинского народа труд, и что он по лжезатейным на него... доносам неповинно страдал». [С.315, 318, 324, 335]. Теперь ни одна его просьба или совет не оставались без внимания [С.314, 318, 324]. Врагов Пахомия – братьев Махотеловых – сослали подальше от Осетии, в такие места, откуда нельзя было «утечки учинить» [С.324, 330, 331].

Архимандрит мог торжествовать: его позиции в качестве главы Осетинской духовной комиссии и посредника в русско-осетинских отношениях были крепки, как никогда. Теперь он получил кредит доверия и большую свободу действий, быть может, на всю оставшуюся жизнь. Ведь психологически ситуация складывалась почти безнадежно для тех, кто рискнул бы повторить разоблачительную кампанию против Пахомия, даже если все улики будут налицо. Во-первых, желающие разделить судьбу братьев Махотеловых вряд ли найдутся. Во-вторых, Петербург не станет заниматься этим хлопотным делом еще раз, по причине политических и практических неудобств.

В декабре 1751 года осетинская делегация удостоилась аудиенции у Елизаветы Петровны. О подробностях этого приема исторические источники умалчивают, возможно, потому, что он ничем не примечателен. По-видимому, стоит согласиться с предположением, согласно которому императрица проявила скорее любопытство к экзотичному для нее облику горских посланников, чем желание вникать в их проблемы<sup>13</sup>. Правда, этого от Елизаветы Петровны и не требовалось. Важен был сам факт представления ко двору ее величества, что практически уравнивало осетинских эмиссаров с дипломатами «цивилизованных» государств.

Что касается содержательной стороны дела, то ею ведал канцлер А.П.Бестужев-Рюмин, опекавший горских послов и проявлявший заинтересованность в переговорах с ними. Именно он устроил этот прием, имевший большое символическое значение как выражение высочайшего благоволения к идее дальнейшего развития отношений между Россией и Осетией. Опытный царедворец прекрасно понимал, что уже само по себе согласие Елизаветы Петровны принять осетинских старшин – знаковое событие, демонстрирующее государеву добрую волю и дающее соответствующим ведомствам некий карт-бланш на ее практическую реализацию с учетом всех обстоятельств.

7 января 1752 года Сенат официально объявил осетинской делегации (список ее членов в сенатском журнале открывало имя Пахомия) о том, что ей разрешается вернуться на родину. С русской стороны подготовка к отъезду проходила почти в полном соответствии с рекомендациями Коллегии иностранных дел. Послам пошили дорогое платье из красного сукна, парчи и шелка, отделанное позументами (общей стоимостью в 800 рублей). Им также выплатили единовременную сумму в размере 1400 рублей – «в знак ее императорского величества высокомонаршей милости». Кроме того, из казны выделялись «кормовые» деньги на дорогу. Горцам разрешали потратить часть пожалованных средств на покупку дорогих товаров, в основном предметов роскоши (изготовленные с применением драгоценных металлов или исключительно из них ружья, сабли, седла, конная упряжь, элементы одежды, посуда и пр.). Все это освобождалось от таможенного досмотра и пошлин. В ходе столичных «шопингов» именитых гостей на всякий случай (разбой) охраняла команда солдат с унтер-офицером. Тот же конвой, но в усиленном варианте должен был сопровождать их до самой Осетии, а его

---

<sup>13</sup> См.: Блиев М.М. *Осетинское посольство в Петербурге 1749–1752 гг.* Орджоникидзе, 1961. С.77–78; Егo же. *Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.)*. Орджоникидзе, 1970. С.154.

начальнику надлежало не только проявить в отношении подопечных «всякое благодеяние» и «учтливое обхождение», но и, по возвращении в Петербург, отчитаться перед Сенатом о выполнении задания. В инструкции, данной командиру конвоя, подчеркивалась «тайность» его миссии, разглашение которой грозило «жестоким наказанием» [С.315, 317–323, 325–329, 333–334, 336].

Осетинским старшинам была также предоставлена привилегия купить в Астрахани и Кизляре породистых лошадей и беспошлинно вывезти их в Осетию [С.337–338].

В качестве особого и немаловажного вопроса Сенат рассматривал проблему обеспечения горской делегации удобным транспортом. Вначале, учитывая зимнее время, предлагалось выделить 15 саней с утепленными кибитками. Затем, по каким-то причинам, решено было отдать предпочтение подводам, которых понадобилось 16 штук: за время пребывания послов в Петербурге их скарб вырос до внушительных размеров<sup>14</sup>. Все это, естественно, оплачивалось из государственной казны и стоило недешево [С.320, 322, 328, 334].

Внимание<sup>15</sup>, оказанное осетинской делегации, было поистине беспрецедентным<sup>15</sup>. В какой-то мере оно, как и замышлялось, уравнесило куда более скромные политические итоги этого визита. И именно потому, что монаршие щедроты, которыми одарили представителей осетинского народа, имели не только стоимостное выражение, но и явный политический подтекст, ибо материальное и нематериальное в международных отношениях зачастую взаимоконвертируемы.

Вместе с тем нет нужды скрывать, что решение главной проблемы, поставленной осетинскими послами – о «подданстве ее императорскому величеству» (в более поздней научно-исторической терминологии – о «присоединении» или «вхождении»<sup>16</sup> в состав России), – было отложено на неопределенное будущее<sup>16</sup>.

Нет, однако, и каких-либо оснований считать более чем двухлетнее пребывание горской делегации в России безрезультатным. Все вышеизложенные рекомендации Коллегии иностранных дел нашли полное и почти дословное отражение в официальных напутствиях, которые Сенат дал послам перед отъездом. Там говорилось о благосклонном отноше-

---

<sup>14</sup> Заметим, что в российскую столицу они прибыли на трех экипажах.

<sup>15</sup> За два предыдущих века лишь кабардинское посольство в середине XVI столетия удостоивалось похожих почестей.

<sup>16</sup> В итоговой резолюции Сената, объявленной осетинским старшинам 7 января 1752 г., вообще нет ключевого для них слова «подданство».

нии Петербурга к переселению осетин как в низовья Фиагдона и Ардона, так и на российскую территорию вдоль Терека. В первом случае им обещали удерживать кабардинских князей от неспровоцированных нападений на новоселов. Во втором – прямую военную защиту. Подтверждалась готовность русских властей оказывать всяческие «милости» (включая предоставление казенного жалования и широких торговых привилегий) осетинам, приезжающим в Кизляр и Астрахань по политическим и коммерческим делам [С.317, 335].

Это было вполне конкретное приведение в действие «доктрины обнадеживания и приласкания», ориентированной на плодотворное и поступательное развитие русско-осетинских отношений и встраивания их в общую стратегию России на Центральном Кавказе. Последнее было совершенно необходимо, поскольку изолировать осетинский вопрос от всего комплекса региональных проблем не представлялось возможным. В этом комплексе болевой точкой оставались кабардинские дела. Обострять их принятием в российское подданство осетин, живших за кабардинским барьером, Петербург считал несвоевременным. Но лишать их помощи и надежды он тоже не хотел. Казалось, выход из положения, предложенный Коллегией иностранных дел и одобренный Сенатом, был, в отсутствие других вариантов, очень здравым компромиссом между желанием внушить доверие осетинам и нежеланием ссориться с кабардинцами.

Особое место в «доктрине обнадеживания и приласкания» занимала конфессионально-миссионерская составляющая. Ей, в каком-то смысле, были принесены в жертву высокие принципы Фемиды в том, что касалось выяснения полной правды в следственном деле Пахомия–Махотеловых. Архимандрит показал себя в Осетии полезным и пока еще незаменимым человеком для России. Поэтому *всё остальное* сочли за лучшее просто не замечать. Напротив, враги и соперники Пахомия поставили под угрозу всю работу и даже существование Осетинской комиссии, то есть российские державные интересы. А поскольку это как раз тот случай, когда *всё остальное* гораздо менее важно, то решили братьев Махотеловых наказать так, чтобы другим неповадно было чинить «помешательства» государеву делу и ответственным за него государевым людям.

По сути Пахомий получил пожизненную индульгенцию. Были подтверждены его должность и полномочия руководителя Осетинской духовной комиссии, о чем официально уведомили представителей всех ведомств, имевших касательство к политике России на Северном Кавказе и осведомленных о темной истории с участием архимандрита. Тексты указных документов Синода и Сената (от 20 и 21 января 1752 г. соот-

ветственно) предписывают всем, кому надлежит «о вышеописанном ведать», фактически не что иное, как забыть об этой истории.

В числе людей, обязанных выполнять данное указание, значился и Пахомий, которому было велено немедленно возвращаться в Осетию «для исправления тамо врученного ему дела» и «непрерывно с крайним своим усердием и старанием», чтобы это дело «с желаемую церковною и *государственною* (курсив мой. – В.Д.) пользою происходить могло» [С.331, 333]. Тут присутствовал намек (подтверждающийся последующей деятельностью Осетинской комиссии) на то, что круг обязанностей Пахомия теперь официально выходил за рамки сугубо конфессиональных вопросов. По большому счету, это делало архимандрита чем-то вроде главы российской дипломатической миссии (или отдаленного аналога папского нунция) не только в Осетии, но и на Центральном Кавказе.

В таком или почти в таком статусе Пахомий в июне 1752 года вернулся в Осетию, из которой два с лишним года назад он уезжал в качестве подследственного. Если по пути в Петербург архимандрит, как написано в документах, находился «при осетинских старшинах», то теперь скорее они находились при нем. Выполнив свою историческую миссию, насколько это позволяли тогдашние объективные и субъективные условия, Зураб Елиханов, Елисей Хетагов и Георгий Куртаулов сошли с большой политической сцены. Сложно сказать, *что* (или *кто*?) заставило их уйти в тень. Если это не Пахомий с его умом и макиавеллистскими талантами, лишь отточенными в Петербурге, то, похоже, дело в личных причинах драматического<sup>17</sup> свойства [С.474]. В таком случае тут есть какая-то печальная символика: людям, опередившим свое время, места в нем, в конце концов, не находится.

### **В ПРЕДЧУВСТВИИ БУДУЩЕГО**

Лишь через четверть века (в 1774 г.) после описанных событий будет решена главная политическая задача, которую от имени осетинского народа четко сформулировали его эмиссары в Петербурге, – присоединение Осетии к России. И в этом смысле непосредственные итоги посольского визита можно считать более чем скромными. Но суть дела гораздо глубже. И она даже не в том, что была, как принято говорить, заложена основа для успешного развития русско-осетинских отношений. Самое важное – уникальное содержание этих отношений и форм их воплощения в жизнь.

---

<sup>17</sup> Личные судьбы членов посольства по возвращении из России сложились трагически.



*Впервые в истории Северного Кавказа* вопрос о принятии российского подданства ставился столь настойчиво, последовательно и с полным чувством ответственности за сделанный выбор. Речь на этот раз шла отнюдь не о тех бесчисленных «клятвах верности», «присягах», «шертных грамотах» (и пр.), которые, начиная с XVI века, так легко и щедро давали Москве, а затем Петербургу различные горские владетели, племена, аулы, чтобы тут же забыть об этом. Речь шла о полноценном вхождении народа в состав Российской империи со всеми вытекающими отсюда правами, обязательствами, гарантиями.

*Впервые в истории Северного Кавказа* политические связи с Россией принимали системный, организованный и динамичный характер. Об этом свидетельствует факт учреждения и последующая деятельность Осетинской комиссии – единственного (хотя и далеко не безупречного) в своем роде института, фактически выполнявшего функции российского дипломатического представительства на Центральном Кавказе. Так же беспрецедентны обстоятельства, в которых возникла и была реализована идея проведения в Петербурге русско-осетинских переговоров с широкой повесткой. Отдавая должное инициативе архимандрита Пахомия в этом вопросе, следует иметь в виду, что проявлена она была с учетом настроений осетин и с надеждой на их ответный энтузиазм, целиком оправдавшейся. Отбор кандидатов для поездки в Петербург проходил параллельно с всенародным обсуждением цели их миссии и персонального состава делегации. Отсутствие принципиальных расхождений во мнениях говорило о весьма высокой степени этнополитического, духовного и морального единства осетинского общества. А также о легитимности «дипломатических» полномочий его избранников.

*Впервые в истории Северного Кавказа* процесс подготовки и осуществления визита представителей горского народа в Россию становится предметом особого внимания высших органов российской власти. За предшествующие два века политического присутствия России на Северном Кавказе ни один сюжет, связанный с «международно-дипломатическими» аспектами этого присутствия, не обрастал таким количеством (более полутора сотен) официальных документов, значительная часть которых отличалась, говоря сегодняшним языком, высоким уровнем аналитичности и концептуализма. Между прочим, даже визиты в Москву и Петербург посольств некоторых великих держав (к примеру, Персии) не оставили столь внушительного документального наследства.

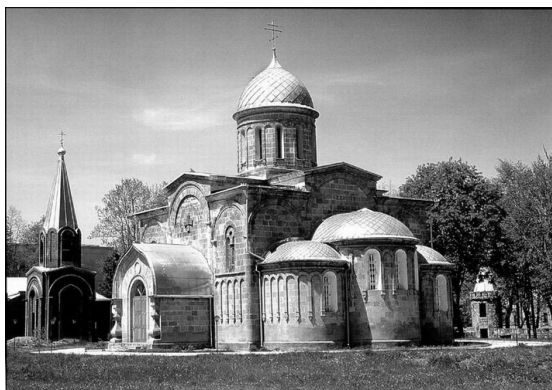
И, наконец, *впервые в истории Северного Кавказа* Россия начинает последовательно и целенаправленно встраивать в свою политику православно-миссионерскую, духовную составляющую. По большому счету, это

## СБЛИЖЕНИЕ ПО СЛОЖНОЙ ТРАЕКТОРИИ

---

свидетельство готовности Петербурга осваивать имперский образ мыслей и имперский образ действий, предполагающий не только грубую силу и изощренную дипломатию, но и культурную экспансию. Стать одним из ее инструментов была призвана Осетинская комиссия – опытный образец института, использовавшего принцип «мягкой силы». На этом направлении, к сожалению, изначально укоренились некоторые порочные подходы, порожденные недостаточно глубоким пониманием духовной миссии империи. Отсюда – крупные неудачи в конкурентной идеологической борьбе с другими конфессиональными системами. Позже на преодоление последствий этих неудач будут потрачены чрезмерные усилия, в том числе военные, чего, вероятно, можно было бы избежать при более масштабной, тщательной и ответственной организации миссионерской деятельности, имея в виду едва ли не в первую очередь «подбор и расстановку кадров», предназначенных для решения фундаментальных задач. Сам процесс формирования персонального состава Осетинской комиссии нес в себе дух эксперимента, поспешности и недооценки очень важных субъективных факторов, что создало внутри ее нездоровую атмосферу, негативно сказавшуюся на эффективности миссионерской работы.

Конечно, среди стратегических приоритетов России на Северном Кавказе в середине XVIII века осетинский вопрос не был главным. Но при этом именно осетины, запертые в богом забытых горных ущельях, предложили Петербургу, к его немалому удивлению, такой уровень обсуждения политических проблем и такое видение перспектив взаимоотношений, которые послужили для российского руководства своеобразным вызовом «снизу» и мощным моральным стимулом к последующей активизации и концептуализации своих действий на Кавказе в целом.



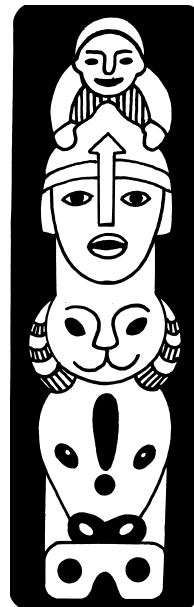
Осетия. Свято-Вознесенский собор в Алагире

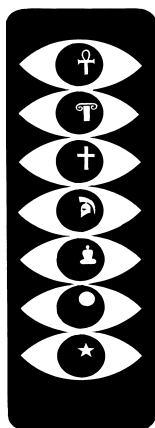
## **ЯРЛЫКИ И МИФЫ**

Тексты, не соответствующие ... легенде, из рассмотрения выпадают, объявляются несуществующими. Этот легендарный портрет передается потомкам. Он облагорожен, очищен, лишен противоречий и создает иллюзию присутствия в историческом материале строго логических закономерностей. Однако потомство получает и другую легенду. Тот средний, упрощенный образ культуры, который создается в результате отражения ее норм в сознании массового потребителя, тоже мифологичен. Это легенда о культуре, создаваемая за ее пределами, то, какой она выглядит

«со стороны». Эта легенда будет  
воссоздавать грубо упрощенный,  
освобожденный от нюансов образ.  
При этом многое, что сама культура  
считает в себе наиболее  
существенным, вообще исчезает  
при переводе ее текстов...

*Ю.М. Лотман*





Сергей Эрлих

## НА КАКУЮ ПЛОЩАДЬ ВЫХОДИЛИ ДЕКАБРИСТЫ?<sup>1</sup>

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК  
93/94

*Analysis of historical sources demonstrates that in the Decembrists' time the square where they staged their uprising was called in three different ways: it was referred to as the Senate square, St. Isaac's square and Petrovskaya square. Name 'the Senate square' has never been the official name. However the historical facts are irrelevant for those who live with and by a myth of historical memory. The struggle for historical memory is a way of the struggle for power. The recent renaming of Decembrists' square in Saint-Petersburg is a vivid episode of this struggle. "Restoration" of historical name is a terminological special operation aimed at discrediting of the Decembrists' metaphor of uprising which the intransigent opposition tries on itself. The Confucian "correction of names" has brought about only emphasizing of the rebellious symbolism ingrained in the memorial place around the Copper Horseman. For a long time the Senate square is not just an urban place-name. It is one of the most important cross-points of national historical time and space. The time is stopped there. The Senate square mentioning within any context revitalizes the glorious day of 14 December 1825, in the Russian people's memory.*

**Ключевые слова:** декабристы; Сенатская площадь; переименования.

**Key words:** the Decembrists; the Senate square; renaming.

**E-mail:** ehrllich@mail.ru

<sup>1</sup> Сохранена оригинальная орфография и пунктуация документов.

## ИСПРАВЛЕНИЕ ИМЕН

Историческая память нации не может быть представлена в качестве наивного (вульгарного, примитивного, дилетантского) аналога научных реконструкций прошлого. Циклы «вечного возвращения» *круглых* дат структурированы в пространстве *мест* памяти и не имеют ничего общего с линейным хронологическим принципом исторической науки. Историческая память не приемлет фактологического «тоталитаризма» научного понимания истории. Память нации – это всегда хрестоматия (греч. *полезная учеба*), сборник тщательно отредактированных «исторических примеров». Инженеров исторической памяти, в отличие от ученых-историков, не волнует не только «как оно в сущности было», но даже было ли оно в сущности. Из «реки времен» в случае необходимости извлекаются русалки, водяные и прочие продукты историзированного воображения, полезные в учебе народных масс. Приведенные соображения позволяют рассматривать историческую память нации по аналогии с компиляциями античных мифографов как собрание священных примеров для подражания, периодически оживляемых в святых для нации местах.

Каким образом формируется пантеон национальных героев?

У различных общественных сил наличествуют несхожие списки «Имени Россия». Способность продвинуть своих номинантов в хрестоматию национальной памяти является зримым доказательством политической мощи конкурирующих социальных групп. Борьба *во имя* «непредсказуемого прошлого» составляет существенную часть публицистики. «Имена большевиков, пламенных революционеров до сих пор воспитывают людей своим присутствием на улице, и тем самым общество дает меседж современным подросткам: дерзайте, ребята, идите на баррикады, бейте витрины, убивайте городских и отнимайте у них оружие, грабьте банки. Нужна дегероизация героев революции, начиная с декабристов, по меньшей мере, а может быть, и со Стеньки Разина. Дегероизация должна произойти не только в названиях улиц, но и в учебниках истории, потому что учебник истории, особенно школьный, – это не объективное всестороннее историческое исследование, а набор оценок плюсов и минусов, формулируемый правящей партией для ее будущих членов или избирателей. В этом смысле Россия всегда была страной с непредсказуемым прошлым: каждая новая партия, придя к

власти, переписывала прошлое страны», – проповедует пламенный реакционер диакон Андрей Кураев<sup>2</sup>.

Победа удостоверяется санкцией (т.е. освящением) государства. Она овеществляется «под двумя видами»: в памятных именах (сосюровских произвольных знаках) – топонимах, названиях учреждений и т.п.; в местах памяти (иконических знаках-символах) – памятниках, музеях, выставках.

Одним из ярких примеров борьбы за историческую память явилось недавнее переименование площади Декабристов в Санкт-Петербурге в Сенатскую площадь. Анализ перипетий этого переименования с точки зрения технологии власти позволит выяснить, «из чего сделана» историческая память, подобраться к «приводным ремням» ее механизма.

Обращение к фактам необходимо предварить определением места декабристов в исторической памяти.

Они делегированы в общенациональную хрестоматию усилиями оппозиционной интеллигенции. Для прослойки «мыслящего тростника» люди 14 декабря выступают в роли созидательной жертвы – залога грядущих побед:

*Известно мне: погибель ждет  
Того, кто первый восстает  
На утеснителей народа, –  
Судьба меня уж обрекла.  
Но где, скажи, когда была  
Без жертв искуплена свобода?*

*К.Ф.Рылеев*

До победы интеллигентов-большевиков «дворянские революционеры» были кумирами лишь одной общественной группы. Благодаря знаменитой ленинской цитате о «трех поколениях» они, несмотря на сомнительное социальное происхождение, были возведены в статус национальных героев наряду с благонадежными «крестьянскими» и «пролетарскими» революционерами. Советская власть увековечила память о святых предках большевиков в знаках (именах улиц и площадей) и символах (в памятниках и музейных экспозициях).

Крушение коммунистического режима привело к взаимопереходу противоположностей исторической памяти. Чернильная гидра контрреволюции перевоплотилась в рыцарей белого дела, а прежние святые воины в богатырских «пыльных шлемах» обернулись кровавыми чудовищами. Это верное в целом описание метаморфоз исторической памя-

---

<sup>2</sup> Кураев А. *Держайте, ребята, идите на баррикады, бейте витрины, грабьте банки.*  
URL: <http://www.apn-spb.ru/opinions/article3597.htm>

## НА КАКУЮ ПЛОЩАДЬ ВЫХОДИЛИ ДЕКАБРИСТЫ?

---

ти ельцинской эпохи не распространяется на аристократических предтеч большевиков. Декабристы не были включены в проскрипционные списки демократической России. Такая терпимость либералов к революционерам объясняется архетипичностью «мятежных реформаторов» (Я.А.Гордин) для русской интеллигенции. Декабристы – вечная метафора мятежа против несправедливой власти. Профили пяти повешенных служили путеводной звездой не только борцам с царизмом, но и «смевающимся выйти на площадь» советским диссидентам.

Когда в начале третьего тысячелетия интеллигентные «ходоки во власть» (А.В.Собчак) были отлучены от нее, они опять вернулись к заветам своих святых предков. Едва ли не в каждом случае сопротивления путинской вертикали власти (достаточно вспомнить читинского декабриста Ходорковского и тридцать девять нацболов-декабристов) в публичной полемике широко использовалась «метафора мятежа»: «Исполком коалиции "Другая Россия" принял решение о проведении Маршей несогласных в Москве и в Санкт-Петербурге 14 декабря. <...> 14 декабря – день восстания декабристов, одним из требований которых было введение в России конституции. Участники Маршей намерены потребовать соблюдения конституции от действующих властей России и отказа от продления полномочий президента и Государственной Думы»<sup>3</sup>. «14 декабря прошел совершенно нормальный Марш, судя по тому, как на это отреагировали власти города: они испугались и нагнали семь тысяч сотрудников правоохранительных органов со всего Северо-Запада. Это уже большая победа. Для меня лично не так важно 100 или 10 000 человек пришли на акцию. Понятно, что мы сильно ограничены в средствах на агитацию, и это подрывает протестную базу. Пусть нас было мало, но декабристов тоже было немного. Для нас важен резонанс, а это – страх власти», – считает лидер движения «Народ» Сергей Гуляев<sup>4</sup>.

Задачи правительственной пропаганды потребовали исключения рыцарей, «кованных из чистой стали», из списка положительных героев русской истории. Переименование площади Декабристов – зримое проявление государственного переписывания исторической памяти нации: «Я считаю, что это целесообразно (переименование площади Декабристов в Сенатскую). Во-первых, потому, что эта площадь и была Сенатской изначально, а во-вторых, потому, что декабристы ничего хорошего для России не сделали, и незачем их прославлять в

---

<sup>3</sup> «Марши несогласных» в Москве и в Петербурге перенесены на 14 декабря.

URL: <http://www.apn-spb.ru/news/print4456.htm>

<sup>4</sup> Дни несогласных вместо Маршей? URL: <http://www.apn-spb.ru/publications/article4645.htm>



веках», – утверждает депутат питерского законодательного собрания от партии «Единая Россия»<sup>5</sup>.

Представитель партии власти заблуждается. За свою историю одна из крупнейших площадей Санкт-Петербурга имела много имен. В царское время она называлась по ассоциации с тремя расположенными на ней объектами: собором (Исаакиевская, с 1707), государственным учреждением (Сенатская, с 1763)<sup>6</sup>, памятником (Петровская, с 1768, когда было определено место установки будущего монумента)<sup>7</sup>.

Первое имя площади «Исаакиевская» официально было закреплено 20 апреля 1738 года «Высочайшей резолюцией на доклады комиссии о С. Петербургском строении». В этом документе содержится реестр «Адмиралтейского острова улицам, каналам, мостам, эллингам, площадям и лугам, как оныя по комиссскому разсуждению впредь именовать», где указано, что площадь «У Исакиевской церкви» приказано именовать «Исакиевской»<sup>8</sup>.

Эффективному менеджеру Медного всадника императрице Екатерине II хотелось официально связать имя площади со своим детищем.

---

<sup>5</sup> Сергеев О. *Декабристы ничего хорошего для России не сделали*  
URL: <http://www.apn-spb.ru/opinions/comments3740.htm#comments>

<sup>6</sup> До тех пор «Сенатской площадью» именовалось пространство на Васильевском острове к востоку от здания Двенадцати коллегий, в котором располагался с петровских времен Сенат (Морозова А. *Творение пяти великих зодчих. Здание Двенадцати коллегий в ансамбле «Первой Сенатской площади»*).

URL: <http://www.d-c.spb.ru/archiv/33/70-71/70-71.htm>

<sup>7</sup> На изготовленном «Новом плане столичного города и крепости Санктпетербурга» (1776) площадь вокруг «места предназначенного для сооружения конной статуи Петра великого», именуется «Петровской». А площадь к югу от стройки нового Исаакиевского собора именуется «Новая Исаакиевская» (Рот Х.М. *Новый план столичного города и крепости Санктпетербурга. Оригинальный чертеж сего плана находится в архиве главной полиции*. – 1776; [Санкт-Петербург]. – 1 л. Гравюра на меди. Раскрашена от руки; 44,5x52 см. URL: <http://leb.nlr.ru/edoc/5804/Новый-план-столичного-города-и-крепости-Санктпетербурга-Оригинальный-чертеж-сего-плана-находится-в-архиве-главной>)

<sup>8</sup> Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание 1649–1825. Т.10 (1737–1739). №7563. С.459–475. URL: [http://www.nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php). – На «Плане столичного города Санкт-Петербурга» 1753 года площадь вокруг собора именуется «Исакиевской» (План столичного города Санкт-Петербурга с изображением значнейших оного проспектов, изд. трудами имп. Акад. Наук и художеств. 1753; Санкт-Петербург: Академия наук. 1 т.: Гравюра на меди; 53x38 см.

URL: <http://leb.nlr.ru/edoc/262186/План-столичного-города-Санкт-Петербурга-с-изображением-значнейших-оного-проспектов-изд-трусами-имп-Акад-Наук>).

Кроме того, ей резала слух просторечная форма «Петровская площадь». Через два дня после торжественного открытия памятника (7 августа 1782 г.) государыня особым указом «О именовании площади перед Сенатом площадью Петра I» повелела называть ее «не Петровскою, но площадью Петра Первого»<sup>9</sup>. Официальное название не прижилось. В бытовом употреблении оно постепенно вытесняется наименованием «Сенатская площадь». Его популярность доказывается, в частности, тем, что в 1851 году оно не раз упоминается в путеводителе по столице Российской империи в качестве синонима: «Петровская площадь (называемая и Сенатскою) <...> простирается между берегом Большой Невы, где идет от нея Исакиевский мост, и Исакиевским собором», «Сенатская площадь. Так называется Площадь Петровская (см. с.435)», «Правительствующий сенат помещается в принадлежащем ему доме, на берегу Невы, на углу Английского проспекта и Петровской (Сенатской) площади»<sup>10</sup>. В 1875 году «Сенатская площадь» появляется даже на плане города<sup>11</sup>. Самодержавная власть не могла допустить такого попрания памяти «революционера на троне». Александр III был вынужден выпустить 15 августа 1890 года указ, повелевающий «именовать оную площадью Петра Первого», т.е. повторно утвердить «екатерининское» название площади<sup>12</sup>. Большинство известных планов города конца XIX – начала XX века воспроизводят официальную терминологию.

Однако разговорное наименование не раз, вопреки воле царя-мироотворца, фиксируется на бумаге. В «План-адресе С. Петербурга» (1893) официальный топоним дублируется «бытовым»: «Петровская (Сенатск.)»<sup>13</sup>. Необходимость приведения второго названия диктовалась, скорее всего, тем, что оно было гораздо более употребительным. Дальнейшее развитие процесса вытеснения наименования «Петровская площадь» фиксируется в издании «План г. С. Петербурга» (1906). В «Алфавитном списке улиц» приводится только официальное название. Но при указании адресов «Правительствующего сената» и памятника «Петру Великому» называется только Сенатская площадь<sup>14</sup>. А «Фарус-план»<sup>15</sup>

<sup>9</sup> ПСЗРИ. Собрание 1649–1825. Т.21 (1781–1783). №15490. С.651–652.

URL: [http://www.nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php)

<sup>10</sup> Греч А. Справочная книжка для столичных жителей и приезжих с планами Санкт-Петербурга и четырех театров. СПб., 1851. С.435, 458, 490. URL: <http://books.google.com>

<sup>11</sup> Сенатская площадь. URL: [http://peshehod.su/piter\\_street/s/1105-Senatskaya-Ploshhad.html](http://peshehod.su/piter_street/s/1105-Senatskaya-Ploshhad.html)

<sup>12</sup> Там же.

<sup>13</sup> План-адрес С. Петербурга. СПб.: Изд. Федотова, 1893. С.15.

URL: <http://leb.nlr.ru/edoc/262110/План-адрес-С-Петербурга>

<sup>14</sup> План г. С. Петербурга, исправленный по 1909 г. СПб. (Лит. т-во Екатерин. печат.

С. Петербурга» (1912) и в перечне городских площадей, и при указании местоположения «Медного всадника» оперирует исключительно топонимом «Сенатская площадь»<sup>16</sup>.

После большевистской революции новая власть достаточно оперативно (1923) сменила самодержавное имя площади именем людей, вышедших на нее с целью ликвидировать институт самодержавия<sup>17</sup>.

85-летняя история площади Декабристов была прервана на наших глазах. Власти, в полном соответствии с латинской пословицей «глас народа – глас божий», оперативно отреагировали на письмо «маленького человека»: «Я, честно говоря, не ожидала, что мое обращение будет так быстро рассмотрено, – удивляется 38-летняя бухгалтер коммерческой фирмы Елена Белоусова. – И что к мнению простой горожанки прислушаются. Письмо я отправила в феврале, а уже все почти решено. Я вообще за возврат всех старых названий. У меня вся семья интересуется историей Петербурга, топонимикой. И, когда начался переезд Конституционного суда, я задумалась о переименовании площади Декабристов. Это ведь прекрасный повод для возвращения имени одной из самых прекрасных площадей города. К тому же название "Сенатская" не является мертвым или забытым, оно живет, его до сих пор часто используют в речи»<sup>18</sup>.

29 июля 2008 года постановлением №916 губернатора Санкт-Петербурга В.И.Матвиенко «О возвращении исторического названия пл. Декабристов» предписано: «Вернуть пл. Декабристов в Адмиралтейском районе Санкт-Петербурга историческое название Сенатская пл.»<sup>19</sup>. Привязка переименования к дате переезда в бывшее здание Сената Конституционного суда РФ («Мы вернули на это место высший орган судебной власти, – сказала Матвиенко. – И, наверное, было бы логично, чтобы площадь снова стала называться Сенатской»<sup>20</sup>) представляется дымовой завесой терминологической спецоперации. Реальная причина заключается в ином. Слишком много смутянов стало в по-

---

дело): Маяк, [1909]. – 1 л. Литография; 59x46 см. С.21, 7, 13.

URL: <http://leb.nlr.ru/edoc/262085/План-г-С-Петербурга-исправленный-по-1909-г.>

<sup>15</sup> План города с «трехмерным» изображением важнейших сооружений.

<sup>16</sup> Фарус-план С. Петербурга. СПб.; М.: Т-во М.О.Вольф, 1912. С.13.

URL: <http://leb.nlr.ru/edoc/262099/Фарус-план-С-Петербурга>

<sup>17</sup> Сенатская площадь. URL: [http://peshehod.su/piter\\_street/s/1105-Senatskaya-Ploshhad.html](http://peshehod.su/piter_street/s/1105-Senatskaya-Ploshhad.html)

<sup>18</sup> Площадь Декабристов снова станет Сенатской // Комсомольская правда (Беларусь). 2008. 6 мая. URL: <http://kp.by/daily/24093/322795/>

<sup>19</sup> О возвращении исторического названия пл. Декабристов. URL: <http://www.gov.spb.ru>

<sup>20</sup> Площадь Декабристов снова станет Сенатской. URL: <http://kp.by/daily/24093/322795/>

## НА КАКУЮ ПЛОЩАДЬ ВЫХОДИЛИ ДЕКАБРИСТЫ?

---

следнее время выходить в день 14 декабря на площадь с антиправительственными призывами. Назвать площадь именем не благородных мятежников прошлого, а декоративного правительственного учреждения – значит лишить разных «несогласных» символической опоры.

Знакомство Валентины Ивановны с государственной мудростью Конфуция представляется невероятным. Предпринятое ее администрацией исправление имен свидетельствует о единой логике, присущей вертикалям власти всех времен и народов.

Стараясь забыть декабристов, инициаторы переименования добились противоположного эффекта. Стояние героев-мучеников на Сенатской площади является кульминацией декабристского мифа. По этой причине понятие «Сенатская площадь» нагружено мятежным содержанием. Это не топоним, но хронотоп. Для большинства русских людей время в этом месте остановилось 14 декабря 1825 года. При упоминании площади в любом контексте русский человек вычитывает или «вчитывает» декабристские смыслы. Не случайно в пресс-релизе «непримиримой оппозиции», опубликованном 27 ноября 2008 года, т.е. уже после переименования площади, сообщается: «"Другая Россия" планирует провести "Марш несогласных" в Москве и Санкт-Петербурге 14 декабря. Акция приурочена к дате восстания декабристов на Сенатской площади, которое произошло 14 декабря 1825 года. <...> В Санкт-Петербурге [проведение] "Марша несогласных" планируется в виде митинга на Сенатской площади»<sup>21</sup>.

### **ТРИЕДИНАЯ, ЕДИНОСУЩНАЯ, НЕРАЗДЕЛЕННАЯ И НЕСЛИЯННАЯ**

Для воссоздания мятежных смыслов («Смеешь выйти на площадь?») необходимо вначале выяснить, на какую площадь выходили декабристы.

Большинству наших современников этот вопрос покажется риторическим. Сенатская площадь давно стала синонимом «восстания декабристов». Но у самих декабристов не было однозначного ответа на вопрос, на какой площади они «дышали свободой». В своих показаниях на следствии они именовали площадь тремя способами: «Исакиевской», «Исаковской» (13 раз, 9,85%), «Петровской» (69 раз, 52,27%), «Сенатской» (50 раз, 37,88%). Необходимо выяснить эволюцию имен мятежной площади.

---

<sup>21</sup> «Несогласные» выступают против кризиса и самодержавия 14 декабря. 2008. 27 ноября.  
URL: <http://www.liberty.ru/layout/set/print/events/Nesoglasnye-vystupyat-protiv-krizisa-i-samoderzhaviya-14-dekabrya>

Появление комплекса просторных площадей (Дворцовая, Адмиралтейская, Исаакиевская) по соседству с Адмиралтейством объясняется тем, что последнее изначально было окружено Адмиралтейской крепостью. По правилам фортификации пространство (гласис) перед крепостью должно быть открытым для дальнего обстрела приближающегося противника.

Огромная площадь между Невой и Мойкой к западу от Адмиралтейства первоначально получила название Исаакиевской, по имени деревянной церкви, переделанной (1707) из чертежного амбара, стоявшего против западного входа в Адмиралтейскую верфь (архитектор шпиля Х. ван Болес). Церковь была посвящена преподобному Исаакию Далматскому, день памяти которого (30 мая) приходился на день рождения Петра Великого.

В 1717 году примерно на месте нынешнего Медного всадника был заложен второй уже каменный Исаакиевский собор (архитектор Г.И.Маттарнови). Но и этот собор не был долговечным. Подпочвенные воды разрушали его фундамент. По стенам пошли трещины. Удар молнии в 1735 году привел к пожару. Для обследования состояния собора Сенат направил архитектора С.И.Чевакинского, который констатировал невозможность сохранения здания. Собор решили разобрать и построить новый дальше от берега.

Третий Исаакиевский собор строился посреди площади на протяжении трех царствий: заложен при Екатерине II (1768, архитектор А.Ринальди), достроен при Павле I (архитектор В.Бренна), освящен при Александре I (1802). Замысел мраморного собора А.Ринальди был изуродован по приказу императора Павла. Дефицитный мрамор, отправленный на строительство Михайловского замка, заменили кирпичом. Безобразный симбиоз несочетаемых материалов отмечен эпитафией современника:

*Се памятник двух царств,  
Обоим столь приличный:  
Основа его мраморна,  
А верх его кирпичный.*

Александр I приказал перестроить собор-мутант. В 1819 году состоялась торжественная закладка (архитектор О.Монферран). Строительство четвертого Исаакиевского собора растянулось почти на четыре десятилетия. Нынешний красавец-храм был освящен в 1858 году.

Легко заметить, что с 1768 года – начала строительства третьего Исаакиевского собора – площадь фактически была разделена на две половины. Это не могло не отразиться в топонимике.

## НА КАКУЮ ПЛОЩАДЬ ВЫХОДИЛИ ДЕКАБРИСТЫ?



Памятник Петру. Из книги «Mornay. A picture of St. Petersburg, representing a collection of twenty interesting views of the city, the sledges, and the people taken on the spot at the twelve different months of the year, and accompanied with an historical and descriptive account». (Лондон, книга не имеет даты. На гравюрах дата 1815, на водяных знаках текста – 1825, на водяных знаках изображений – 1831).

До 1825 года мы располагаем единичными упоминаниями площади. Второе после «Высочайшей резолюции» 20 апреля 1738 года упоминание принадлежит В.Г.Рубану (1770) и представляет «Надписи к камню, находящемуся в Санкт-Петербурге на Петровской площади, в подножии конного вылитого лицеподобия достопамятного императора Петра Великого»<sup>22</sup>. В «Новом и полном географическом словаре» (1789) указаны пределы и даже размеры площади: «Площадь в середине коей воздвигнуто изваяние получила название Петровской площади. Ширина ее от Сената до Адмиралтейства содержит 67, а длина от Невы реки до Адмиралтейского канала 120 сажень»<sup>23</sup>.

А.И.Клушин в журнале «Зритель» (июнь 1792 г.), описывая «Монумент», также называет имя площади: «Великолепная Петровская площадь, набережная – какое величественное зрелище! – На сей-то площади воздвигнут монумент Петру Первому, государю мудрому, великому»<sup>24</sup>. Неиз-

<sup>22</sup> *Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии.* СПб.: Наука, 2006.

URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=6025>

<sup>23</sup> *Полунин Ф.А. Миллер Г.Ф. Новый и полный географический словарь Российского государства или лексикон...* М., 1789. Ч.5. С–Т. С.61.

<sup>24</sup> *Петр I в русской литературе XVIII века.*

URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=6031>

вестный автор «Санктпетербургских ведомостей» пишет 4 октября 1782 года: «Посреди пространной площади, Петра Перваго наименованной, между Сената и Адмиралтейства против моста чрез Неву, сооружен сей великолепный монумент, достойное приношение герою от Екатерины Вторыя»<sup>25</sup>. «Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга...» (1794), сделанное И.Г.Георги, четко разделяет две площади по южную и северную стороны «Исаакиевской церкви»: «К северной стороне находится Петровская, а к южной нерегулярная, однако ж более треугольная, весьма хорошо обстроенная Исаакиевская площадь. Обе сии площади простираются от Невы до Мойки»<sup>26</sup>. В 1814 году были опубликованы походные «Записки» будущего декабриста В.И.Штейнгейля, в которых сообщается, что Санкт-Петербургское ополчение перед походом «было собрано на Дворцовую, Исакиевскую и Петровскую площади и в 10 часов удостоилось зреть обожаемого своего МОНАРХА на защиту коего сердцами и мышцами имело счастье ополчиться»<sup>27</sup>. Мы видим, что автор различает две соседние площади.

Однако все эти свидетельства не позволяют сделать вывод, что деление пространства «от Невы до Мойки» на две площади – Петровскую и

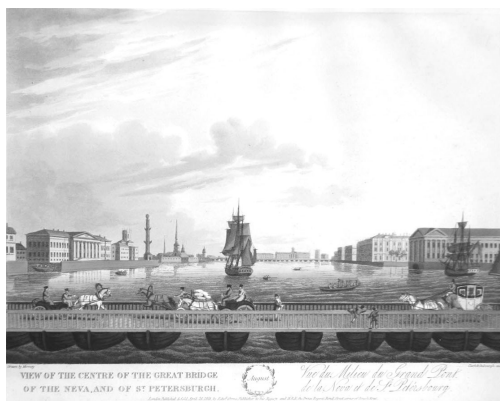
<sup>25</sup> Там же. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=6033>.

<sup>26</sup> Там же. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=6030>. – Ср.: «Исакиевская площадь, ныне по большей части занятая временными постройками, для помещения мастерских и складов материала для воздвигаемого собора, простирается от Исакиевского собора до Синяго моста, перед Маринским дворцом» (Греч А. Указ. соч. С.264. URL: <http://books.google.com>). На плане, датированном 1796–1800 годами, под «Исаакиевской площадью» понимается все пространство между Мойкой и собором, а также часть пространства к северу от собора вплоть до засыпанного впоследствии Адмиралтейского канала (АксонOMETрический план Исаакиевской площади. СПб., [1796–1800]. – 1 л. Рукопись. Перо, тушь, акварель; 60x81 см. URL: <http://leb.nlr.ru/edoc/5578/АксонOMETрический-план-Исаакиевской-площади>). Аналогичную картину представляют «План г. С. Петербурга» (1909) и «План Петрограда» (1916). Но в данном случае северной границей служит Адмиралтейский проспект, расположенный на месте засыпанного одноименного канала (План г. С. Петербурга исправленный по 1909 г. URL: <http://leb.nlr.ru/edoc/262085/План-г-С-Петербурга-исправленный-по-1909-г;> План Петрограда с ближайшими окрестностями. Исправлен по 1916 г. Пг.: Издание т-ва «А.С.Суворина-Новое Время» (Картографическое заведение Соколова), 1916. – 99,5x70 (119,5x78) см, 1 л. Цв. URL: <http://leb.nlr.ru/edoc/262185/План-Петрограда-с-ближайшими-окрестностями-Исправлен-по-1916-г>)

<sup>27</sup> Штейнгейль В.И. Записки касательно составления и самого похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов отечества в 1812 и 1813 года. СПб., 1814. Ч.1. С.62.

## НА КАКУЮ ПЛОЩАДЬ ВЫХОДИЛИ ДЕКАБРИСТЫ?

Исаакиевскую – стало общеупотребительным уже в конце XVIII века. Тексты первой четверти XIX столетия демонстрируют, что представление о единой Исаакиевской площади также было свойственно части современников. И.М.Долгоруков в своих «Записках» (1788–1818) пишет: «На этой-то природной скале, поставленной на Исаакиевской площади против Невы, верфи и Сената воздвигнут бронзовый истукан Петра Великого, в естественную величину»<sup>28</sup>. Ж. де Местр в знаменитых «Петербуржских вечерах» (1821) размещает «конную статую Петра I <...> на краю необъятной Исаакиевской площади»<sup>29</sup>.



Исаакиевский понтонный мост. Гравюра из книги «Mornay. A picture of St. Petersburg...»

Инерционное представление об единой Исаакиевской площади, несомненно, поддерживалось существованием наплавного Исаакиевского моста, который с 1727 года соединял Васильевский остров с площадью<sup>30</sup>. Достаточно трудно, согласитесь, представить, что Исаакиевский мост упирается в площадь другого имени.

Удалось обнаружить упоминание Сенатской площади в период, предшествующий 1825 году. Героиня сатирической повести П.П.Свиньина «Торжество воспитания» (1821) – провинциальная помещица – в

<sup>28</sup> *Петр I в русской литературе XVIII века.*

URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=6030>

<sup>29</sup> *Цит. по: Алексеев М.П. Пушкин и проблема «вечного мира» // Алексеев М.П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. С.204.*

URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/a72/a72-160.htm>

<sup>30</sup> *Ср.: «Исаакиевский мост, ведущий через Неву с Петровской Площади на Васильевский остров» (Греч А. Указ. соч. С.264. URL: <http://books.google.com>).*



письме к подруге делится впечатлениями от посещения столицы. В частности, она восклицает: «А как царь-то на коне, на Сенатской площади, весь медной, точно живой, ин я ужаснулась!»<sup>31</sup>

Рассмотренные упоминания позволяют сформулировать следующие гипотезы. Со времени начала строительства третьего Исаакиевского собора посреди площади ее часть, прилегающая к Неве, постепенно стала именоваться Сенатской или Петровской. Площадь между собором и Мойкой сохранила имя Исаакиевской. Вместе с тем продолжала действовать инерция исторической памяти. Согласно ей все пространство между Невой и Мойкой именовалось Исаакиевской площадью. Примечательно, что даже в 1858 году существовало представление, что «Сенатская площадь (часть Исаакиевской) в середине которой монумент Петру Великому»<sup>32</sup>. Следовательно, топоним «Исаакиевская площадь» имел два значения. Изначальное (с 1707) «расширенное»: между Невой и Мойкой к западу от Адмиралтейства. Более позднее (с 1768) «суженное»: к югу от Исаакиевского собора. Топоним «Сенатская (Петровская) площадь» всегда однозначно указывал на пространство к северу от Исаакия.

Показания декабристов на следствии позволяют рассмотреть проблему тройного именованя одной площади на многообразном материале.

В многотомном издании «Восстание декабристов» опубликована значительная часть следственных дел и другие материалы следствия над декабристами. Естественно, что в этих документах название площади мятежа упоминается неоднократно.

<sup>31</sup> Картины шведского художника Б.Патерсена «Исаакиевский понтонный мост и Сенатская площадь с Васильевского острова» (1794) и «Исаакиевский понтонный мост и Сенатская площадь в дни празднования столетия Петербурга» (1803), хранящиеся в собрании Государственного Эрмитажа, не могут служить надежным свидетельством в пользу употребления этого топонима на рубеже XVIII–XIX веков. Подписи к обеим картинам могут быть и более позднего времени. Косвенно об этом свидетельствует подпись под гравированной копией с одного из произведений Патерсена – «Вид на площадь Петра Великого и Сенат в Петербурге» (Mornay. A picture of St. Petersburg, representing a collection of twenty interesting views of the city, the sledges, and the people taken on the spot at the twelve different months of the year, and accompanied with an historical and descriptive account. L.: Edward Orme... printed by J.F.Dove. URL: [http://tertiaspb.ru/magazin?mode=product&product\\_id=252598](http://tertiaspb.ru/magazin?mode=product&product_id=252598)). В пояснительном тексте к этому альбому гравированных видов Петербурга также утверждается, что «Большой мост соединяет Васильевский остров с площадью Петра Великого» (URL: <http://dreamlife.org.ua/index/0-23>).

<sup>32</sup> Исаакиевский собор (в С. Петербурге) // Русский художественный листок, издаваемый В. Тиммом. 1858. №16. 1 июня.

## НА КАКУЮ ПЛОЩАДЬ ВЫХОДИЛИ ДЕКАБРИСТЫ?

*Таблица №1*

### Упоминание площади декабристами и следователями

	Исаакиевская	%	Петровская	%	Сенатская	%	ВСЕГО
<b>Декабристы</b>	13	9,85	69	52,27	50	37,88	132
<b>Следствие</b>	7	2,99	140	59,83	87	37,18	234
<b>Всего</b>	20	5,46	209	57,10	137	37,43	366

Глядя на эту таблицу, можно предположить следующее:

1. Официальное название «Петровская площадь» преобладает в силу официального характера документов.
2. Значительное число упоминаний неофициального названия «Сенатская площадь» в следственных делах доказывает высокую популярность такого именованя.
3. Минимальное количество употреблений наименования «Исаакиевская площадь» не стоит объяснять тем, что старейшее имя площади к 1825 году стало выходить из употребления. Для следствия важно было точно определить место происхождения. Поэтому широкое – от Невы до Мойки – понятие «Исаакиевская площадь» для этого не подходило.

*Таблица №2*

### Динамика именованя площади в период следствия

	декабрь	январь	февраль	март	апрель	май
<b>Декабристы</b>						
Исаакиевская	10	3	0	0	0	0
Петровская	13	16	11	8	10	10
Сенатская	22	13	7	4	4	0
Соотношение (Петровская/Сенатская)	<b>0,59</b>	<b>1,23</b>	<b>1,57</b>	<b>2,00</b>	<b>2,50</b>	<b>не делится</b>
<b>Следствие</b>						
Исаакиевская	1	1	1	0	0	4
Петровская	5	31	19	17	5	45
Сенатская	11	13	4	7	4	36
Соотношение (Петровская/Сенатская)	<b>0,45</b>	<b>2,38</b>	<b>4,75</b>	<b>2,43</b>	<b>1,25</b>	<b>1,25</b>

Анализируя Таблицу №2, мы видим, что в показаниях декабристов слишком «широкое» понятие «Исаакиевская площадь» исчезает с фев-

раля, а в документах, созданных следователями, – с марта. Вероятно, обе стороны следствия постепенно приходят к соглашению, что в данной ситуации этот расширительный топоним «не работает».

Правда, в мае следователи вновь 4 раза упоминают «Исаакиевскую площадь». Но это легко объясняется тем, что в то время они уточняли более ранние показания, готовили выписки из следственных документов и составляли резюме следственных дел. Не только выписки и резюме, но во многих случаях и вопросы «конструировались» из собственно-ручных показаний декабристов, в том числе за декабрь–январь, когда термин «Исаакиевская площадь» употреблялся неоднократно. Преобразуя письменный ответ в письменный вопрос (выписку, резюме), следователи не всегда «вырубали» написанное пером.

Достаточно сравнить первое показание П.А.Бестужева от 15 декабря с выпиской из этого документа, сделанной в мае и помещенной в дело А.А.Бестужева. Давая показание, Петр Бестужев пишет: «Проходя через Исаакиевскую площадь, увидел толпу неустроенную и посреди оной моего брата; я бросился в оную, склонял брата опомниться, но в ответ получил, что он на все решился»<sup>33</sup>. Следствие преобразует показание из первого лица в третье, оставляя сам текст без существенных изменений и не меняя имени площади, избранного П.А.Бестужевым: «Проходя чрез Исаакиевскую площадь, увидел толпу народа, и посреди брата своего, уговаривал чтобы опомнился, но он решился на все»<sup>34</sup>.

На примере общения П.А.Бестужева со следователями мы также видим, как широкое название площади заменялось более узким. 8 января ему был задан следующий вопрос: «При первом допросе вы показали, что причиною присоединения вашего на Петровской площади 14 декабря в толпе мятежников была встреча брата своего, которого вы бесполезно упрашивали опомниться»<sup>35</sup>. Задавая этот вопрос, представители следствия, несомненно, заглядывали при этом в цитированное показание П.А.Бестужева от 15 декабря, где площадь братской встречи имено-

---

<sup>33</sup> Восстание декабристов (далее – ВД). М., 1976. Т.14. С.316.

<sup>34</sup> ВД. М.;Л., 1925. Т.1. С.468. – Но вполне возможно, что Петр Бестужев беседовал на площади не с Александром, а Михаилом Бестужевым. В недатированном показании, данном между 11 января и 3 февраля, П.А.Бестужев пишет следующее: «Я поехал на Исаакиевскую площадь и там увидел брата моего Михаила и Московский полк, стоящий в каре. "Брат, что вы делаете! – сказал я ему. – Зачем вышли вы из казарм?" "Ничего, мой милый, – отвечал он мне, – мы вышли, воротиться поздно!"» (ВД. Т.14. С.320). В контексте данной статьи важно не уточнение вопроса, с кем из своих братьев беседовал мичман Бестужев, а устойчивая привычка последнего именовать площадь Исаакиевской.

<sup>35</sup> ВД. Т.14. С.316.

валась «Исаакиевской». Тем самым подследственному указывалось, что использование расширительного топонима неприемлемо. Мичман Бестужев «намек понял» и отвечал на поставленный вопрос «правильным» образом: «Причиной присоединения моего на Петровской площади 14 декабря к толпе мятежников была действительно встреча брата моего, которого я тщетно уговаривал опомниться. На площади находился я не во все время беспорядка, но с тех пор, как пришел экипаж гвардии на оную»<sup>36</sup>. Правда, вскоре после этого в показании, данном между 11 января и 4 февраля и не спровоцированном вопросными пунктами, П.А.Бестужев, описывая в очередной раз встречу с братом Михаилом 14 декабря на площади, опять именуется «Исаакиевской»<sup>37</sup>.

С П.А.Бестужевым связано еще одно упоминание Исаакиевской площади в майских выписках следствия. В показании Н.А.Чижова (5 января) сказано: «Дни за три или за четыре до возмущения Петр Бестужев сказал мне, что его высочество великий князь Константин Павлович отрекается от престола и что общество решилось начать действовать открыто при долженствующей произойти от сего перемене. Поутру же 14 числа зашел ко мне брат его капитан-лейтенант Бестужев и уведомил меня, что гвардейские полки присягать не будут, причем сказал, чтобы я находился на Исакиевской площади, куда возмутившиеся съедутся»<sup>38</sup>.

Выписка из показания Н.А.Чижова получила следующий вид в деле капитан-лейтенанта Н.А.Бестужева: «14-го числа поутру был у него Капитан Лейтенант Бестужев, и уведомил, что Гвардейские полки присягать не будут, причем сказал чтобы он находился на Исакиевской площади куда возмутившие сберутся»<sup>39</sup>.

Правда, в одной из выписок, сделанных в заключительный период следствия, Исаакиевская площадь появляется не в результате механического переписывания, а в качестве самостоятельной интерпретации показания подследственного. В деле Н.А.Бестужева приведена выписка из показаний его брата Александра: «В распоряжении сделанном быть на Исакиевской площади Н.Бестужеву и Рылееву назначено быть при Гвардейском Екипаже»<sup>40</sup>.

---

<sup>36</sup> Там же. С.317.

<sup>37</sup> Там же. С.320.

<sup>38</sup> ВД. М., 1979. Т.15. С.262.

<sup>39</sup> ВД. М.;Л., 1926. Т.2. С.92.

<sup>40</sup> Там же. С.91.

Но А.А.Бестужев ни разу не именуется площадь данным образом. Отвечая на вопросные пункты от 14 марта, он так описывает диспозицию мятежников: «Овладеть дворцом прежде успеха не было и в виду, и как некоторые спрашивали не собираться ли лучше на дворцовскую площадь, то я настоял что бы не туда а на Сенатскую. Распорядок был следующий. – Якубовичу с Арбузовым вывести Экипаж – идти поднимать Измайловский полк, и потом спустится по Вознесенской на площадь. Пушину вести с ними Эскадрон. *Брату Николаю и Рылееву находится при Экипаже.* Мне поднять Московский полк и идти по Гороховой. Сутгофу вывести свою роту, а если можно и другия по льду на мост и на площадь. (Панов повел ошибкою по набережной). Финляндскому полку через Неву. Полковник Булатов должен был ждать Лейб Гренадеров а Кн. Трубецкой все войска чтобы ими командовать и там сделать дальнейшия распоряжения. Прочие члены собираются на площадь»<sup>41</sup>.

Почему переписчик заменил Сенатскую площадь на Исаакиевскую? Вполне возможно, что к такому изменению вел контекст высказывания, связанный с упоминанием Вознесенской улицы, проходящей через Мойку и далее по краю нынешней Исаакиевской площади, в пассаже, предваряющем фразу «брату Николаю и Рылееву находится при Экипаже». Т.е. чиновник, делавший выписку, полагал, что место первоначального сбора мятежных войск намечалось не между Невой и Исаакиевским собором, а между Исаакиевским собором и Мойкой. Можно допустить, что его предположение не лишено оснований. Во всяком случае, известный декабристолог М.М.Сафонов считает, что таковой была диспозиция заговорщиков. Мятежные роты Московского полка, выполняя ее, какое-то время действительно стояли на Исаакиевской площади, т.е. к югу от строящегося собора<sup>42</sup>. Допустимо, что именно там состоялась встреча Петра Бестужева с братом Михаилом.

Очень любопытно проследить, как изменяется соотношение количества именований «Петровская»/«Сенатская» площадь. Мы видим, что в декабре последственные и, в еще большей мере, следователи предпочитают неофициальное именование «Сенатская площадь». Причем даже в рамках одного допроса порой употребляются разные имена площади. Например, Б.А.Бодиско на первом допросе 14 декабря, отвечая на один из вопросов, завершил ответ словами «полки собираются на Петров-

---

<sup>41</sup> ВД. Т.1. С.452.

<sup>42</sup> Сафонов М.М. Зимний дворец в планах выступления 14 декабря 1825 г. // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С.283–284, 290–291.

## НА КАКУЮ ПЛОЩАДЬ ВЫХОДИЛИ ДЕКАБРИСТЫ?

---

скую площадь». Следующий вопрос к нему был: «Кто повел баталион на Сенатскую площадь?» В своем ответе Бодиско предпочитает придерживаться принятого им именованья: «Будучи у бригадного командира в казарме и, сходя вниз, увидели, что баталион со знаменем тронулся с криками "Ура!" в ворота, будучи предводим капитан-лейтенантом Бестужевым и лейтенант[ом] Арбузовым. Полковник Качалов и прочие офицеры пошли все вместе за баталионом, которого удержать хотели, но не могли, и таким образом баталион со всеми офицерами прибыл на Петровскую площадь, где уже был Московс[кий] полк»<sup>43</sup>.

Частое употребление официальными лицами неофициального названия площади позволяет предположить, что в бытовом употреблении это именованье превосходило «официоз».

Но с января следователи словно вспоминают официальный топоним. В январе–марте доля именованья «Петровская площадь» в созданных ими документах возрастает. Тот же процесс, но с опозданием происходит у декабристов. Видно, что следователи постепенно «приучают» другую сторону процесса к «правильному» именованию. «Ученики»-декабристы настолько усвоили урок, что в мае ни разу не употребили просторечного именованья «Сенатская площадь».

В то же время у самих следователей с апреля начинается «ренессанс» Сенатской площади, приведший к заметному росту ее упоминаний в заключительный месяц следствия. Этот феномен легко объясним теми же причинами, что и «второе пришествие» Исаакиевской площади.

Тенденции января–мая наиболее ярко проявились в деле А.П.Арбузова. 19 января ему был задан список из 18 вопросов, в двух из которых (14-м и 16-м) упомянута Петровская площадь: «Объясните все ваши действия относительно склонения офицеров и поощрения солдат не принимать присяги и выходить на Петровскую площадь, сказав кто именно содействовал вам в том? кто привел баталион на сию площадь и кто побуждал стрелять по кавалерии?» «Справедливо ли то что Лейтенант Бодиско в ответ на слова ваши, вечером 13 Декабря сказанья, коими вы склоняли его вести в наступавший день роту его на Петровскую площадь, решительно отвечал вам, что он еще не сошел с ума и ни куда не поведет свою роту; что сие самое повторял он утром 14 числа в ответ на возобновление настояний ваших о том же, и что он не принимал никакого участия в ваших действиях?»

---

<sup>43</sup> ВД. Т.15. С.18.

Отвечая на вопросы под номерами 13, 14, 16, А.П.Арбузов также назвал площадь мятежа «Петровской»<sup>44</sup>.

15 февраля датируется документ «Сведения О поступках Гвардейского Екипажа Лейтенанта Арбузова, во время произшествия бывшего прошлого 14 Декабря 1825 года, собранныя по следствию произведенному наряженною при Екипаже следственной Коммисиєю». В этом документе, подписанном капитан-лейтенантом Лермантовым, площадь опять именуется неофициальным образом: «Еще 12-го Числа того Декабря, призывал к себе Лейтенант Арбузов, в то время командуемой им 7-й роты фельдфебеля Василья Боброва, как сей ныне показывает, и говорил ему в квартире своей следующее: Любит ли меня рота, и пойдет ли туда со мною куда я ей буду командовать – Ответ фельдфебеля был что сие ему неизвестно, но вероятно что естли ротной Командир будет командовать то как не исполнить по его команде; а когда исполнят сказал сей последней то я поведу роту в Измайловской полк, Сей полк и Московской пойдут на Сенатскую Площадь, там встретят нас Гренадеры и Финляндцы, и мы все вместе возьмем завещание Покойнаго Государя; Имея оное в руках мы предпишем свои Законы»<sup>45</sup>.

13 апреля Арбузову опять предлагается ответить на список из 19 вопросов. В вопросах 14, 15, 16, 18 следователи именуют площадь Сенатской. Отвечая на эти вопросы, дисциплинированный мятежник придерживается этого же именованя. Но в ответе на вопрос номер 19, в котором его топонимические привычки не были скованы, Арбузов трижды возвращается к имени Петровской площади: «Кроме Рылеева и Оболенскаго на совещаниях небыл у последняго один раз 13-го Декабря 1825-го года где были Рылеев, Щепин, Судгов других фамилию незнаю и первой их видел Судя по наружности полагаю что должны быть все молодые афицеры Где положено было выходить на Петровскую площадь, слова рылеева и оболенскаго показаны мной при первом показании При мне у рылеева исключая всегдашняго либеральнаго разговора было говорено Батенковым показанное мной выше 13-го или 12-го Якубовичь воспламенительную говорил речь как должно солдат приуготовлять и мнение его было чтоб фельдфебеля были жестоки а ротныя командиры делали бы послабления. На щот мнений Трубецково, Оболенскаго, Рылеева, Пущина, Штенгеля, Батенкова, Якубовича и Коховскаго и Бестужевых ничего немогу в особенности сказать ибо оне столь были осторожны в словах что я сколько ни припоминаю и с сердечным

---

<sup>44</sup> ВД. Т.2. С.10, 13.

<sup>45</sup> Там же. С.46.

## НА КАКУЮ ПЛОЩАДЬ ВЫХОДИЛИ ДЕКАБРИСТЫ?

---

желанием ничего немогу сказать. При мне не говорили ничего о востании противу Царствующей Фамилии и о принесении оной на жертву как необходимости, равно незнаю назначался ли кто для совершения сего злодеяния. Незнаю было ли общее положение как увлечь солдат и сводить их на площадь; когда 13-го числа в 4-ре часа у Абаленского положено было 14-го собратся на Петровскую Площадь то я давши согласие нетребовал каким манером исполнить и в преступной решительности в неприменность себе поставил ежели небуду арестован быть на Петровской Площади»<sup>46</sup>.

12 мая Арбузову предлагается очередной «вопросный пункт». Словно соглашаясь с Арбузовым, следователи возвращаются к официальному топониму: «Наконец Комитет требует от Вас положительного показания: братья Бодиски и Мичман Шпеер, могли ли из слов ваших, произнесенных пред ними, Беляевыми и Гудимовым в то время, когда вы приглашали их не присягать Государю Императору и вывести роты на Петровскую площадь, – понять: с какою именно целью действовало Тайное Общество? т. е. могли ли видеть из слов Ваших, что все сие склонится к изменению Правления, или могли считать это последствием убеждены в Святости однажды принесенной присяги»<sup>47</sup>.

Но в выписке из показаний, озаглавленной «Об Арбузове (видели на совещаниях)», приводятся в том числе показания К.Ф.Рылеева, где площадь дважды именуется Сенатской<sup>48</sup>.

Еще в одном своде выписок об Арбузове, представляющем свидетельства сослуживцев по Гвардейскому экипажу, площадь четыре раза именуется Петровской<sup>49</sup>.

Но и на этой метаморфозе перемена имен площади в деле А.П.Арбузова не заканчивается. В итоговом заключении, которое подготавливал А.Д.Боровков, площадь дважды именуется Сенатской<sup>50</sup>.

Эта легкость взаимной замены топонимов свидетельствует об их полной синонимичности.

Именование площади встречается в показаниях 43 членов тайных обществ. 8 из них упомянули Исаакиевскую площадь, 21 – Сенатскую, 29 – Петровскую. 3 декабриста называли площадь исключительно Исаакиевской, 9 – только Сенатской, 17 придерживались официального на-

---

<sup>46</sup> Там же. С.30–33.

<sup>47</sup> Там же. С.39.

<sup>48</sup> Там же. С.44, 45.

<sup>49</sup> Там же. С.48, 49.

<sup>50</sup> Там же. С.51.



именования «Петровская площадь». 14 человек, т.е. почти 1/3, называли площадь разными именами. 9 – то Петровской, то Сенатской; 2 – Исаакиевской и Сенатской; 2 – Исаакиевской и Петровской. А.О.Корнилович использовал в своих показаниях все три имени площади.

Пространственные и временные «реперы», содержащиеся в следственных документах, в ряде случаев позволяют зафиксировать различия в представлениях о границах, прежде всего, Исаакиевской площади.

А.М.Булатов говорит об Исаакиевской площади вне контекста событий 14 декабря: «Мачеха моя, купя дом на Исаакиевской площади у девиц Пуговишниковых и заплатя частью наличные деньги, часть должна была платить в Государственный банк»<sup>51</sup>. Речь идет о доме, расположенном на нынешней Исаакиевской площади на углу Почтамтской улицы, т.е. между Исаакием и Мойкой. В то же время, давая показания о мятеже, Булатов четырежды называет площадь «Петровской»<sup>52</sup>. Очевидно, что под Исаакиевской площадью он понимает только пространство между собором и Мойкой.

Булатов – единственный, в чьих показаниях отразились представления о «суженном» понимании границ Исаакиевской площади. Целый ряд показаний отражает бытование расширенного представления о пространстве Исаакиевской площади.

Так, А.Е.Розен в первом своем показании (15 декабря) явно понимает Исаакиевскую площадь в расширительном смысле: «Тогда мы пошли с ген[ерал]-ад[ъютантом] Комаровским к Исаакиевской площади и остановились на Исаакиевском мосту, где приказано было зарядить ружья»<sup>53</sup>. А 8 января он пересказывает это же факт, именуя площадь «Сенатской»: «Генерал-адъютант Комаровский и бригадный командир генерал-майор Головин повели его (батальон. – С.Э.) к Сенатской площади. Взойдя на мост, выстроили взводы, на половине одного остановились в сомкнутых ротных колоннах, и там приказано было заряжать ружья»<sup>54</sup>. Примечательно, что название моста во втором случае не приводится. Действительно, нелогично, чтобы Исаакиевский мост вел на Сенатскую площадь. Это умолчание подтверждает предположение, что наличие Исаакиевского моста через Неву поддерживало бытование представлений о единой площади между Невой и Мойкой.

---

<sup>51</sup> ВД. М., 1984. Т.18. С.307.

<sup>52</sup> Там же. С.294, 298.

<sup>53</sup> ВД. Т.15. С.207.

<sup>54</sup> Там же. С.210.

## НА КАКУЮ ПЛОЩАДЬ ВЫХОДИЛИ ДЕКАБРИСТЫ?

Если А.Е.Розен приводит разные имена площади в различных показаниях, то А.О.Корнилович в показаниях от 14 декабря делает то же самое не только в рамках одного показания, но даже на протяжении двух соседних предложений: «В 11 часов 14 числа заехал я из любопытства в Измайловские казармы, чтобы видеть, как присягают, чего я никогда прежде не видал. Побыв тут несколько минут, я приехал на Невский проспект и встретил на Семеновском мосту баталион Московского полка; я вышел из саней и спросил у проходящих о причине крика; слышал восклицание: "Константина!" и поехал далее в штаб; часа чрез два я вышел на *Исаакиевскую* площадь, чтобы видеть, чем это кончится, и, могу сказать, что находился в 10 шагах от того места, где ранили ген[ерала] Милорадовича. После сего, не дождавшись конца, поехал я на Васильевский остров к Гастферу, не застав их дома, отправился в штаб, где меня видел п[олковник] Галямин, писал письма к родным и потом отправился *опять на Сенатскую* площадь, подошел к адъютанту Бестужеву и к морским офицерам и сказал им, что лучше покориться и тем получить прощение, чем без пользы против такого многочисленного войска защищаться»<sup>55</sup>.

А.И.Одоевский, кстати, нанимавший комнаты в «исаакиевском доме» А.М.Булатова<sup>56</sup>, в своих показаниях пишет, что подъехал к мосту со стороны Васильевского острова и увидел на противоположном берегу Невы «Московский полк на Исакиевской площади, вокруг *монумента*»<sup>57</sup>. «Монумент» – это, без сомнения, Медный всадник. Кроме

<sup>55</sup> ВД. М., 1969. Т.12. С.322. – *Следователи не отставали от Корниловича, именуя площадь по-разному в пределах одного документа. «1825 года, декабря 29 дня, в присутствии высочайше учрежденного тайного Комитета квартирмейстерской части штабс-капитан Корнилович при священническом увещании в пояснение прежних его ответов на вопросы» был задан уточняющий вопрос под номером 3: «Вы показали, что в день возмущения на Сенатской площади в 10 шагах были от графа Милорадовича, следственно знаете, кто его ранил. Объясните сие» (ВД. Т.12. С.324). Т.е. в вопросе следствия Исаакиевская площадь, указанная Корниловичем в качестве места ранения Милорадовича, была заменена Сенатской. А в вопросе под номером 14 площадь именуется «Петровской». Отвечая на него, Корнилович приводит то же имя площади: «Обвинение, делаемое мне в сем пункте, несправедливо. Ссылаюсь на старшего адъютанта Главного штаба Яковлева и адъютанта г[осподина] дежурного генерала Борцева, которые, стоя на тротуаре подле Гвардейского штаба, видели меня проходившего из Главного штаба на Петровскую площадь, когда Московский полк там стоял» (Там же. С.329).*

<sup>56</sup> ВД. Т.18. С.293.

<sup>57</sup> ВД. Т.2. С.253–255.

А.И.Одоевского, П.А.Бестужев и Ф.Г.Вишневецкий также упомянули, что Московский полк стоял именно на Исаакиевской площади<sup>58</sup>.

Описывая события, несомненно, происходившие между Исаакием и Невой: смертельное ранение генерала Милорадовича<sup>59</sup>; ранение свитского офицера Гастфера, «у которого по галстуку текла кровь»<sup>60</sup>; «увещание от митрополита»<sup>61</sup>; «пальбу» в «вечеру часу в 6-м»<sup>62</sup>, – подследственные и следователи также именуют площадь Исаакиевской.

Можно предположить, что расширительное понимание Исаакиевской площади имело достаточно широкое бытование в то время. Но его «нефункциональность» в связи с задачами следствия уменьшила частоту его использования.

Два высказывания, зафиксированные в документах следствия, позволяют предположить, что расширенное понимание Исаакиевской площади влияло и на представления о границах ее «синонимов» – Петровской и Сенатской.

29 декабря следствие потребовало у А.О.Корниловича разъяснений по нескольким поводам. В одном из вопросов фигурировало имя площади: «Вы показали, что не были соучастником действовавших 14 декабря. Напротив, вас видели шедшего мимо дома Мятлева на Петровской площади впереди рот Московского полка. Объясните сие»<sup>63</sup>.

Дом Мятлева расположен на углу Почтамской и нынешней Исаакиевской площади, т.е. между Исаакиевским собором и Мойкой. Следовательно, «Петровская площадь» также могла пониматься в расширительном смысле, как все пространство от Невы до Мойки.

12 мая А.И.Якубовичу был задан следующий вопрос: «На Вас с Арбузовым возложено было вывести Гвардейский Экипаж, идти поднять Измайловский полк, который именно Вы обещали увлечь, и потом (положено было) спуститься вам по Вознесенской улице на Сенатскую площадь»<sup>64</sup>. Вознесенский проспект, как известно, проходит по краю Исаакиевской площади. Значит, и Сенатская площадь могла пониматься в расширительном смысле.

Поскольку эти примеры единичны, то расширительные представления о границах Петровской и Сенатской площадей могут быть приняты

---

<sup>58</sup> ВД. Т.14. С.319–320; Т.15. С.62.

<sup>59</sup> ВД. Т.12. С.322.

<sup>60</sup> ВД. Т.1. С.460.

<sup>61</sup> ВД. Т.15. С.37.

<sup>62</sup> ВД. Т.2. С.137.

<sup>63</sup> ВД. Т.12. С.325.

<sup>64</sup> ВД. Т.2. С.293.

#### НА КАКУЮ ПЛОЩАДЬ ВЫХОДИЛИ ДЕКАБРИСТЫ?

---

только гипотетически. В первом случае могла быть простая оговорка. Во втором – следователи могли «опустить» очевидный промежуточный пункт маршрута.

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что в 1825–1826 годах использовались три наименования площади вокруг «Медного всадника». Старое официальное название «Исаакиевская площадь» (1738–1782) продолжало использоваться в расширительном смысле для обозначения всего пространства к западу от Адмиралтейства между Мойкой и Невой. Новое официальное название пространства к северу от Исаакия «площадь Петра Первого» (с 1782) употреблялось только в разговорной форме «Петровская площадь». Оно конкурировало с неофициальным (до 2008) топонимом «Сенатская площадь». Для того, чтобы выяснить, каким образом неофициальное имя площади декабристского мятежа вытеснило в памяти потомков два официальных названия, необходимо специальное исследование бытования этого термина на протяжении всего XIX века.

Рассмотренный эпизод свидетельствует, что многоцветье истории сложнее черно-белого мифа. Для людей практических цветущая сложность исторической науки не имеет значения. И они по-своему правы. Ведь история – политика, обращенная в прошлое. А миф – политика, устремленная в будущее.

Человечество в целом можно рассматривать как одного человека, который непрерывно учится и припоминает.

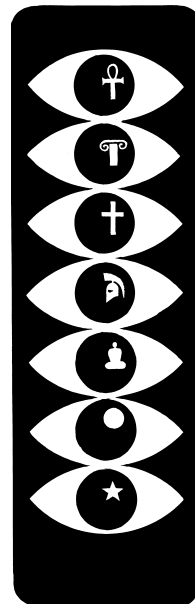
*Блез Паскаль*

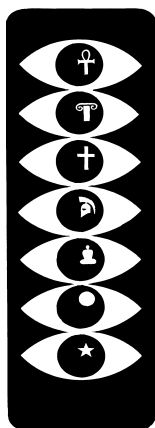
Культура есть память, или, иначе говоря, запись в памяти уже пережитого коллективом, она неизбежно связана с прошлым историческим опытом. Следовательно, в момент возникновения культура не может быть констатирована как таковая, она осознается лишь post factum.

*Ю.М. Лотман*

Каждая система возникает, таким образом, как объясняемая, как затребованная определенной вдохновившей ее ситуацией; но одновременно вскрывается ее недостаточность – там, где берет начало система-преемница. Эта новая система, хотя и *другая* по отношению к прежней, в определенном смысле все еще прежняя, поскольку сохраняет ее форму, по крайней мере считается с ней, имеет ее в виду, преодолевает ее «недостатки», исправляет ее «ошибки».

*Хосе Ортега-и-Гассет*





Клаудио Серджио нун Ингерфлом

## НОВОЕВРОПЕЙСКАЯ ПАРАДИГМА «ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ»:

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ  
И  
КОГНИТИВНЫЕ НЕСООТВЕТВИЯ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК  
323.2

*The article is devoted to the new European paradigm of “statehood” in that its peculiar form in which it was assimilated by prominent Russian historians. In this respect the author examines works of S.M.Soloviev, K.D.Kavelin and B.N.Chicherin. Thus the concept of “statehood” is being developed and defined within proper theoretical context and has to facilitate understanding of the Russian history all over its continuity. However the author emphasizes that theoretical assumptions of historians should be analyzed very attentively and require a profound understanding. For experience of new European interpretation of the “state” and “statehood” concepts are very different from what one can find in the Russian sources of the pre-Peter I times.*

**Ключевые слова:** государственность; государство; новоевропейская парадигма «государственность»; С.Соловьев; К.Кавелин; Б.Чичерин; русские источники допетровского времени.

**Key words:** statehood; state; new European paradigm of “statehood”; S.Soloviev, K.Kavelin; B.Chicherin; Russian sources of the pre-Peter I times.

**E-mail:** claudio.ingerfлом@gmail.com

**Западная телеологическая конструкция**

Представление об истории той или иной страны как о процессе государственного строительства и эволюции отношений между государством<sup>1</sup> и обществом возникло в первой поло-

вине XIX века в Западной Европе. Оно отвечало политическому состоянию и политическим нуждам европейских стран. Многие западные историки были членами своего правительства, парламента или состояли в других институтах, занимаясь политической деятельностью. По утверждению Стефана Скальвейта (Skalweit), выражение «*moderne staat*» появилось между 1830 и 1840 годами и обозначало, прежде всего, *конституционное Государство*<sup>2</sup>. Построение и укрепление либерального Государства мыслилось как апогей исторического движения. Стараясь это доказать, историки вычленяли из первоначальных структур прошлого многочисленные факторы и телеологически ставили их в ряд как *предпосылки* Государства. Иначе говоря, в деяниях прошлого виделось якобы присущее им самим намерение осуществить то, что получилось позже. Путь от ранней новой истории к современной эпохе был представлен в виде некоей эволюции. Революция при таком видении не казалась необходимой. Так возникла аккумулятивная история, которая оправдывала настоящее как единственно возможное на основе «исторических прецедентов» прошлого. История с большой буквы реализовывалась на Западе и достигала своей кульминации в Государстве<sup>3</sup>. Больше того, интеллектуалы, живущие на периферии Запада, могли прочесть у своего любимого философа Ф.Гегеля, что «в мировую историю вошли только те народы, которые создавали государства»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Я буду пользоваться термином *Государство* с большой буквы, чтобы говорить о *понятии / категории*, употребляемой историками с первой половины XIX века; и с маленькой, чтобы отметить слово *государство*, которое мы встречаем в источниках более раннего времени.

<sup>2</sup> Skalweit S. Der «*moderne Staat*». Ein historischer Begriff und seine Problematik // Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften, Vorträge G 203, Opladen, 1975. P.17–18.

<sup>3</sup> Iggers G.G. *The German Conception of History / Revised edition*. New Hampshire: [Wesleyan University Press, 1968]; University Press of New England, 1988.

<sup>4</sup> Hegel W.F. *The Philosophy of History / Trans. J.Sibree*. N.Y.: Dover Books, 1956. P.39. См. также: Медушевский А. Гегель и государственная школа русской историографии // Вопросы философии. 1988. №3. С.103–115; Siljak A. *Between East and West: Hegel and the origins of the Russian dilemma* // Journal of the History of Ideas. 2001. №62 (2). P.335–358).



**Понятие «Государство»  
в России**

Европейское понимание Государства было парадигмально усвоено в России представителями «государственной школы», называемой также «юридической» (С.М.Соловьев,

К.Д.Кавелин и Б.Н.Чичерин в первую очередь)<sup>5</sup>.

С тех пор большинство исследований по политической истории ведутся в рамках этой парадигмы «государство – общество»<sup>6</sup>. То государству, то обществу присваивается значение движущей силы истории. Однако до сих пор никто не ставил под сомнение ни саму эту оппозицию, ни основательность категорий анализа, ни пригодность всей парадигмы для современной исторической науки.

Место Гегеля в концепции, которую предлагали основатели «государственной школы», известно<sup>7</sup>. Вслед за Гегелем Чичерин утверждает, что Государство должно находиться выше частных интересов сословий

<sup>5</sup> Термин *государство* стал предметом для полемики еще до появления трудов этих историков, но он использовался в смысле централизованной власти и независимой территории. Для Н.А.Полевого *государство* существует только после монгольского ига. Он дает название своей книге «*История русского народа*», в отличие от «*Истории русского государства*» у Н.М.Карамзина (См.: Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913. С.301–302). Кавелин упрекает Погодина и Карамзина в поверхностной политической истории *государства*, которая игнорирует его внутреннюю структуру, и у Погодина он находит смешение между политикой и историей, что делает эту последнюю гарантом существующего порядка (Кавелин К.Д. Исторические труды М.П.Погодина // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб., 1897. Т.1. С.231, 235). Об отношениях между Карамзиным и государственной школой см.: Black J.L. *The «State School» Interpretation of Russian History: a Re-Appraisal of Its Genetic Origins* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1973. Band 21. Heft 4. S.509–530.

<sup>6</sup> Об актуальности парадигмы «государственной школы» см., среди многих: Кутаев В.А. *От Фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века*. М., 1972; Его же. *Государственная школа в русской историографии: время переоценки?* // *Вопросы истории*. 1995. №3. С.161–164; Beyerly E. *The Europecentric historiography of Russia*. The Hague; Paris: Mouton, 1973; Kollmann N. *Kinship and Politics. The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547*. Stanford: University Press, 1987. P.9–11; Kivelson V. *Autocracy in the Provinces. The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century*. Stanford: University Press, 1996. P.XV; Bushkovitch P. *Peter the Great. The Struggle for Power, 1671–1725*. Cambridge: University Press, 2001. P.1–2.

<sup>7</sup> Медушевский А.Н. Указ. соч. С.103–113.

и эгоизма *homo economicus*<sup>8</sup>. Государство существует только в том случае, если его можно четко отличить от гражданского общества, оно завершает собой свободы и права индивида<sup>9</sup>.

По мнению Чичерина, Государство отсутствует там, где часть населения страны подчиняется другой части по особому договору, т.е. там, где формы господства не те, которые определены современным (ново-европейским) правом. Напротив, Государство есть там, где все граждане подчиняются общим законам и если эти законы не меняются при каждой частной ситуации в зависимости от места или заинтересованных лиц. Государственная политическая система подразумевает общество, сознающее свое социальное единство, а не конгломерат из индивидов, статус которых определяется по происхождению. «Чтобы понизить сильных и поднять угнетенных, необходимо, чтоб над теми и другими возникла высшая власть, чтобы общий элемент, подчинив себе частные, заставил их служить общей цели и привел их к гармоническому единству. Этот общий элемент и есть государство»<sup>10</sup>.

### **В поисках «русского Государства»**

#### ***а) предпосылки парадигмы***

Едва история обрела в России статус научной дисциплины, как практикующие ее специалисты отправились на поиски Государства в русском прошлом. При этом они вооружились аналитическим понятием / категорией Государство, которое синтезировало радикально новую для Запада структуру, исторически возникшую – и это важно подчеркнуть – против Старого порядка (вспомним, в частности, о суверенитете народа, противопоставленном суверену-королю).

---

<sup>8</sup> Hamburg G.M. *Boris Chicherin and Early Russian Liberalism 1828–1866*. Stanford: University press, 1992. P.101.

<sup>9</sup> Университетский курс Чичерина о Гегеле позволяет видеть, какие элементы историк предпочитал в **Философии Права** и как он их представлял (в частности, §182–262) (См.: Чичерин Б.Н. *История политических учений*. М., 1877. Т.4. С.573–609).

<sup>10</sup> Чичерин Б.Н. *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей; Его же. Опыты по истории русского права*. М., 1858. С.234, 236, 369; *Его же. Промышленность и государство в Англии // Атеней*. 1858. №12. С.213 (цит. в: Кутаев В.А. *От Фронды... С.100*). См. также: Skinner Q. *From the state of princes to the person of state* // Skinner Q. *Visions of Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. Vol.2. *Renaissance Virtues*. P.386. №236; P.407, 409–410, 413.

Повсюду в источниках они находили слово «государство». Они знали, какой смысл имело это слово в Московской Руси<sup>11</sup>. Они знали, что это слово в источниках радикально отличалось по своему значению от понятия государство, которое служило им аналитической категорией. За этим словом они видели идею, имеющую сердцевину постоянного смысла, но идею, претерпевающую эволюцию во времени и отражающую таким образом эволюцию вещей. Исследователь должен был восстановить эту эволюцию, что в свою очередь подтверждало значение слова для всего периода, истекшего со времени централизации вокруг Москвы. Слово и понятие сливались воедино. Отсюда вполне реальный риск подмены одного другим. Однако историки государственной школы сознавали, что Россия их времени, с крепостничеством, отсутствием свобод и разделением на сословия, практически не имела главных компонентов, включенных в понятие Государство. Почему же они пытались выстроить русскую историю сквозь призму истории Государства?<sup>12</sup> Именно здесь предпосылки парадигмы дали себя знать в полной мере.

Если эти историки интерпретировали историю России через историю построения Государства, то это было, прежде всего, потому, что они думали, что Россия следовала за Западом, хотя и с опозданием. Их точками отсчета были «системы, исходящие из уважения к приобретенному праву», как в Англии, и «государственная мысль», как во Франции<sup>13</sup>. Таким образом, с самого начала исключалась любая воз-

<sup>11</sup> Напомним, что *государство*, первичная форма которого – *господарство*, употреблялось в двух смыслах: достоинства *государя (dominus)* и земли, ему принадлежащие. Оно обозначало территорию по польской модели *панства*, которое было калькой с латинских слов *dominum* и *dominatio* (См.: András Z. Fejezetek az orosz szókincs történetéből / Из истории русской лексики. Budapest, 1987). Это была также власть государя над всем, что ему принадлежало, откуда смысл «правление», а также владения государя, прежде всего земли и люди, которые на них жили (Толстиков А.В. Представления о Государе и Государстве в России второй половины XVI века // Одиссей. М.: Наука, 2002. С.296). Оно могло также обозначать «трон» (Кром М.М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века / Под ред. Н.Копосова. СПб.: Алетэя, 2006. С.60–61).

<sup>12</sup> Между этими историками существовали разногласия. Но, поскольку они все разделяют предпосылки парадигмы, я на них не останавливаюсь.

<sup>13</sup> Чичерин Б.Н. О развитии древнерусской администрации: Речь, произнесенная при публичном зачитании диссертации «Об областных учреждениях России в XVII веке // Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. С.385.

возможность предполагать инаковость. Например, достаточно было допустить, что Россия шла по пути Запада, чтобы не считать ее «восточной деспотией», как думали «западные европейцы»<sup>14</sup>. Затем, поскольку Государство, «неуклонно идущее по предначертанному пути», представляет собой реализацию Истории, русские ученые подогнали прошлое под этот *telos*: «Развитие государства составляло главную задачу древней России». Все эпохи русской истории «имеют одну цель, одну задачу – устройство государства. Вот главная характерная черта русской истории с XV века»<sup>15</sup>.

Таким образом, все три теоретические предпосылки парадигмы налицо: европоцентризм, эволюционизм и телеологизм.

**в) смысловое различие между современным и древнерусским понятием государства**

С XV века, пишет Кавелин, отмечается «появление государства», существует «государственная сфера». Речь идет о Государстве, которое уже обрело свое место в истории России, однако впереди – процесс его построения. «Получается не история Государства, а его богоявление (эпифания)»<sup>16</sup>. Общество и Государство уже существуют – пусть зачаточные, но свойственные Московии. Их осталось лишь *дополнить* новыми формами. К концу XVII века «к московскому государству уже не шли

---

<sup>14</sup> «Совершенно понятно недоумение западных европейцев перед таким типом государственной власти, ключ к которому у них потерян. Не зная, что она собой выражает, они были бы готовы подвести ее под известный шаблон восточных деспотий, если б царская власть не была в России деятельным органом развития и прогресса в европейском смысле» (Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России (1846) // Собрание сочинений. Т. I. С. 637–638).

<sup>15</sup> Чичерин Б.Н. О развитии древнерусской администрации. С. 386, 377. – См. также: «Образование государства – вот поворотная точка русской истории. Отсюда она неудержимым потоком, в стройном развитии, движется до нашего времени. Направления более или менее изменяются, встречаются и отклонения в сторону, но общий характер движения один. Каждая позднейшая эпоха является последовательным развитием предыдущей, представляет ответ на сделанный ею вопрос» (Там же. С. 380–381, подчеркнуто мной).

<sup>16</sup> Эти слова, написанные по поводу традиционной историографии Современного Государства на Западе, характеризуют парадигму во всей полноте (Clavero B. De un estado, el de Osuna, y un concepto, el de Estado // Anuario de Historia del derecho español. T. 57. Madrid, 1987. P. 963).

формы вотчины и дедины [...] это чувствовали уже Иван III и еще более Иван Грозный [...] общество и государство уже переросли старые формы»<sup>17</sup>.

Государство и общество даны априорно, и их «глубокий смысл» в России заключался в изоморфизме между частным и политическим<sup>18</sup>. Между тем в других текстах той же школы различие между частным и политическим было представлено как одна из отличительных черт Государства<sup>19</sup>. Тем не менее идея Государства «едва видима под старыми устоявшимися формами» («кровные, семейные начала, тип вотчинного владения»). Эта ситуация сохраняется в течение двух веков, до Петра Великого, когда прошлое было «поколеблено», но не «разрушено»<sup>20</sup>.

Описывая XVII век, Кавелин говорит о «Государстве» (в смысле понятия, разработанного между XVIII и XIX вв.) и в то же время старается показать, что *никто в эту эпоху не мог представить себе* это Государство и что в XVII веке под государством подразумевалось имение/хозяйство государя<sup>21</sup>. Ведомый своим профессиональным инстинктом, Кавелин описывает систему XVII века, по отношению к которой Государство – это чуждый институт, а не какая-то высшая стадия. Однако зная, что грядут преобразования Петра, он ретроспективно организует материал прошлого: «Из-под великокняжеской вотчины прогляды-

---

<sup>17</sup> Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории (1866) // Собрание сочинений. С.651–652.

<sup>18</sup> «Глубокий смысл московских государственных и общественных порядков тот, что в них осуществилось государство, в формах вполне доступных и понятных великорусскому народу. Как был устроен частный быт, точно так же было устроено и все государственное здание» (Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории. С.637).

<sup>19</sup> Чичерин Б.Н. Духовные и договорные грамоты. С.234.

<sup>20</sup> Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Собрание сочинений. Т.1. С.45.

<sup>21</sup> «В XVII веке [...] все государство представляет колоссальный дом или двор, подвластный московскому царю, который заведует им посредством своих слуг [...] Домашняя дисциплина послужила образцом для дисциплины общественной и государственной. [...] Царь, по представлениям великорусского народа, есть воплощение государства. [...] Русский царь по народным понятиям не начальник войска, не избранник народа, не глава государства или представитель административной власти, даже не сентиментальный *Landesvater* или добрый батюшка, хотя в двух последних типах и есть кое-что, напоминающее великорусский идеал царя. Царь – это само государство» (Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории. С.636–637).

вает государство [...] в московском государстве под старыми формами развилось уже новое содержание»<sup>22</sup>. Это «новое содержание» воплотилось в лице Петра и в его деяниях, открывая эпоху преобразований, которые *только что* завершились, отмечал Кавелин в 1846 году.

Несоответствие между значениями, вписанными в понятие Государство, главенствующее при анализе, и описанием системы московской монархии, чужеродной Государству, вполне эксплицитно у Кавелина. Он старается убрать несоответствие, дробя систему на части: так, он относит некоторые элементы московской системы к пережиткам, обреченным на исчезновение, а другие факторы – к зародышам Государства на пути развития. Историк полагал, что он смог ухватить таким образом то, что он считал предварением будущего. На самом деле, несоответствие выявляет трудность в концептуализации инаковости прошлого, своего рода аналитический недостаток, возмещенный использованием слов Государство и общество в их бытовом смысле. В любом случае, сопротивление блестящего ученого, каковым был Кавелин, собственной априорной интерпретации пронизывает его текст. Например: «Московское государство к концу XVII века находилось в ненормальном состоянии»<sup>23</sup>. Это несоответствие фиксируется постоянно: исследование ученого восстанавливает систему, чуждую той, которая вписана в понятие «Государство», в то время, как предпосылки обязывают к ретроспективному употреблению этого понятия. Но это несоответствие заметно лишь в том случае, если читатель осознает различие между историческими структурами, синтетически представленными *понятием* Государство, присущим парадигме, и реалиями, означенными *словом* «государство» в прошлом.

Итак, историки государственной школы утверждали, в соответствии со своей телеологией, что русское государство возникает в XV веке. Для изучаемого периода они не принимали в расчет то, что по их представлениям не вписывалось в *будущее* самой Истории, сводя все к пережиткам, которые были обречены на исчезновение. В конце концов, из каждой эпохи они брали лишь то, что им казалось предвестием будущего. Историки выставляли избранные ими факты (и факторы) как прогрессивные и нагромождающиеся один на другой, поступательным путем, в соответствии с их эволюционистским видением истории. Предполага-

---

<sup>22</sup> Кавелин К.Д. *Взгляд на юридический быт древней России*. С.46.

<sup>23</sup> Кавелин К.Д. *Мысли и заметки о русской истории*. С.651.

лось, что эта эволюция достигает своей зрелости, конституируясь в Государство при Николае I.

В момент концептуализации тяжба между конкретным знанием историка и предпосылками хода его исследования заканчивается тем, что эти предпосылки берут верх. Сама идея инаковости истории становится невозможной в мыслительной деятельности историков.

**1878: «Россия – не Государство»**

То ли потому, что Б.Н.Чичерин был, прежде всего, историком права, то ли потому, что он дал себе труд разъяснить, что именно подразумевалось под Государством в западных

научных кругах, или потому, что его пристрастие к либерализму заставляло его не упускать фактор свободы в качестве *составляющего* понятия Государство, а, скорее всего, все эти причины вместе плюс его профессиональное отношение к источникам привели к тому, что несоответствие между этими последними и предпосылками парадигмы нашло у него другое разрешение, чем у Кавелина.

Б.Н.Чичерин, один из основателей государственной школы, является также одним из первых ее могильщиков. Во многих своих трудах Чичерин ставил акцент на различии между неограниченной властью, которую приписывал себе царь, и реальностью, в которой слишком многое ускользало от его власти, реальностью, в которой меры, принятые монархом по борьбе с дезорганизацией, коррупцией и несправедливостью, оставались безрезультатными<sup>24</sup>. Ни центральная, ни местная администрация не покрывали всей территории, на которую хотели распространить свою власть; администрация и право не были унифицированы; противоречивые институты сосуществовали...<sup>25</sup>

---

<sup>24</sup> Чичерин Б.Н. *О развитии древнерусской администрации*. С.383–385.

<sup>25</sup> «Одним округом управляли воеводы, другим городовые приказчики, третьим губные старосты, в четвертом были одни земские власти [...] законодательство не составляло системы, исходящей из общего начала и проникающей во все частности. По мере появления случайной практической потребности делалось в одном месте одно распоряжение, в другом иное; прежние учреждения оставались подле новых, которые часто им противоречили, и все это вместе составляло беспорядочную массу самых разнородных и отрывочных распоряжений» (Чичерин Б.Н. *Областные учреждения России в XVII веке // Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права*. С.577–578).

В XVII веке древние средства администрирования существуют рядом с новыми; отношения между администрацией и служилыми не подчиняются единой норме, регулируются в каждом случае по-своему, в результате чего администрирование районов не унифицировано. Заключение Чичерина безапелляционно: «Развитое государство, устанавливая общественный порядок, уравнивает все явления общественной жизни и подводит их под общие категории, определяемые государственными потребностями. Но таких общих категорий [...] не было в Московском государстве»<sup>26</sup>. Его заключение логично: «в областном управлении Московского государства видно [...] отсутствие государственной системы»<sup>27</sup>. Здесь существительное *государство* отсылает к его значению в древней России, в то время как прилагательное *государственный* относится к соответствующим атрибутам понятия уже современного для историка.

Однако Чичерин остается пленником телеологического подхода, он думает о ситуации под углом зрения «недостатков» Государства<sup>28</sup>, которое когда-нибудь станет «развитым». Он указывает на различие между патриархальной Московией, в которой политические отношения вписываются, по его мнению, в отношения «частные», и современной системой, где существование общества, *осознающего себя таковым*, отвечает возможности существования Государства<sup>29</sup>.

Это различие частично отменяет предпосылки, но не исключает их полностью. Чичерин по-прежнему рассматривает Государство как

---

<sup>26</sup> Чичерин Б.Н. *Областные учреждения России в XVII веке*. С.579.

<sup>27</sup> Там же. С.585.

<sup>28</sup> Чичерин Б.Н. *О развитии древнерусской администрации*. С.385.

<sup>29</sup> «...общества, в которых сильно развито сознание общественного единства, и вследствие этого преобладает государственная форма. В других, напротив, нет такого сознания: верховная власть, а равно и земля, на которой живет общество, делятся и дробятся по наследству, как частное имущество; отношения верховной власти к подчиненным определяются либо частными обязательствами, либо личной зависимостью; сословия или разряды лиц, существующих в обществе, основаны на понятии о наследственной знатности [...]; одним словом, гражданское право определяет все отношения, как общественные, так и частные. Очевидно, что мы не можем смешивать эти две совершенно различные формы общественной жизни. Если мы первую, в которой мы видим учреждения, исходящие из сознания об общественном единстве, назвали государством, то вторую [...] так как в ней господствует гражданское право, назовем гражданским обществом» (Чичерин Б.Н. *Духовные и договорные грамоты*. С.236).



«ключ» для свода под названием История и разрешает несоответствие между историческими предпосылками и правовой эрудицией в пользу этой последней. Действительно, в рукописи 1878 года, опубликованной только в 1906 году, Чичерин считал, что провал с установлением «конституционной монархии» означал и провал Государства, этого «нового здания, естественным завершением которого представляется свобода политическая»<sup>30</sup>.

Он остается оптимистом («не теряем надежды»), потому что, может быть, император решится «призвать подданных к участию в Государственном управлении», но единственное средство гарантировать это участие – установить народное представительство, пусть даже ограниченное<sup>31</sup>. В 1878 году Чичерин еще не считал Россию Государством. Чтобы им стать, России не хватает не технической модернизации правительственного устройства, а двух основных черт современной политики: народного представительства во власти и политической свободы<sup>32</sup>.

---

<sup>30</sup> Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России (Рукопись 1878 года). СПб., 1906. С.9. – Политическая свобода для либерала Чичерина – фактор, без которого историческая новизна, представленная Государством, не может установиться. И наоборот: «Только в государстве может развиваться и разумная свобода, и нравственная личность» (Чичерин Б.Н. Духовные и договорные грамоты. С.368). Примечательно, что в противовес Кавелину он в своих воспоминаниях считает Николая I и его правление «деспотическим» (Цит. по: Hamburg G.M. Boris Chicherin. P.95).

<sup>31</sup> Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос... С.9, 11, 33, 26. – Такое «представительство» не было в намерениях Александра II, и это – задолго до терроризма Народной Воли. В 1861 году он говорил Отто фон Бисмарку, в то время занимавшему пост прусского министра в Петербурге, который так сообщает об этом в Берлин: «Идея совещаться не только с властью имущими, но и с другими подданными сама по себе не встречала возражений: более активное участие уважаемых и знатных людей в государственных делах могло принести только пользу. Сложность или даже невозможность воплотить такой замысел в жизнь заключалась лишь в историческом опыте: либерализм никогда не удавалось сдержать в тех границах, которые ему не следовало бы переходить. (...) Отречься от самовластия, которым облечен мой монарший венец, значило бы подорвать сам дух власти, правящий народом. Я бы безоговорочно уменьшил полномочия правительства, если бы решил пустить в него представителей от знати». (Lieven D. Nicholas II. Twilight of the Empire. N.Y., 1996. P.142).

<sup>32</sup> В то же время Чичерин утверждает, что не видит политического персонала, пригодного для действия в качестве государственного (Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос... С.27–29). Во избежание путаницы нужно учесть то, что в общепринятом языке «политической модерностью» («modernité politique») называется то, что было все-таки

---

## НОВОЕВРОПЕЙСКАЯ ПАРАДИГМА «ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ»

---

Иначе говоря, институционный и юридический корпус, отличный от личности царя и его подданных, – это еще не Государство, даже если заявленная цель – стремиться к общему благу. Не достает политических условий, чтобы общее благо было определено демократическим путем (реальная степень демократии – это отдельная проблема) самим народом<sup>33</sup>. Обезличивание власти необходимо, но недостаточно, чтобы институционный и юридический корпус стал Государством. Нужен еще *суверенитет народа*. Чичерин наводит на мысль, что демократия является составляющим фактором Государства, тогда как Государство исторически появилось в результате Французской революции...

### **Когнитивные несоответствия**

То, о чем пойдет речь, возвращает нас к одному высказыванию историка С.М.Соловьева о проявлениях Государства в новых условиях, установленных Петром, и, как следствие, в коллективных представлениях о высшей власти. Я взял этот пример, потому что он иллюстрирует одновременно и континуитет в исто-

---

завоевано в современную эпоху, называемую по-русски «Новейшая история».

<sup>33</sup> Наличие формулы «общее благо» («common good») в русском дискурсе с XVII века сбилось с толку тех историков, которые делают из нее доказательство секуляризации и модерности («modernity»), забывая о религиозных и этических корнях, т.е. неполитических корнях этой идеи. При этом не ставится задача выяснить, в какой мере «общее благо» все еще носило религиозный и этический характер или уже приобрело тот политический смысл, который характерен для «modernité». Также упускается из виду соотношение между «общим благом» и реальной политикой самодержавия. Отсутствие социальной и политической базы для перевода этой формулы на русские реалии отмечено в работе: Kleimola A.M. *Up Through Servitude: The changing Condition of the Muscovite Elite in the Sixteenth and Seventeenth Centuries* // *Russian history / Histoire Russe*, 6, Pt 2 (1979), 229; и у LeDonne J. *Ruling Russia. Politics and Administration in the Age of Absolutism 1762–1796*. Princeton, 1984. P.12, 17; *Idem. Absolutism and the Ruling Class: the Formation of the Russian Political Order, 1700–182*. Oxford University Press, 1991. P.350. – По поводу дискурса власти О.Хархордин ввел уточнение. Комментируя «Правду воли монаршей» Феофана Прокоповича, он заключает: «Самодержавная воля – это главная движущая сила в Российском государстве. Неважно, сколько говорится о государственном благе, к которому стремятся и царь, и народ: общая "отчизна" создается только волей царя, которому необходимо подчиняться, так как он обладает потомственной властью над своей землей». (Kharkhordin O. *Main Concepts of Russian Politics*. University Press of America. Oxford, 2005. P.14–15).

риографии со времен государственной школы до наших дней, и когнитивное несоответствие, присущее некритическому использованию понятия Государство. Под когнитивным несоответствием я подразумеваю постепенное удаление историка от источников до полной потери связи с ними.

По мнению Соловьева, «о настоящем значении [государства] русские люди услышали в первый раз теперь, когда должны были присягнуть государству» при Петре Великом<sup>34</sup>.

Обращаю внимание на полисемию слова *настоящее*: оно порождает двусмысленность в круге таких значений: а) присущий, налицо, б) нынешний, теперешний, с) подлинный, истинный.

Теперь рассмотрим факты.

22 февраля 1711 года Петр создает Сенат и назначает девять его членов. Он собирается в поход (названный затем Прутским), понимая опасность, которую эта военная кампания для него представляет, и составляет тогда присягу, которую сенаторы, призванные управлять страной в отсутствие монарха, должны принести. Это *единственная* присяга среди тех, которые я нашел, где фигурирует формула «верность государству»: каждый сенатор присягает на «верность моему государю и всему государству», а также всему, «чего государя моего и государства сего интересы требуют»<sup>35</sup>.

---

<sup>34</sup> «Коллегиальное устройство [...] Петр употреблял его всюду как могущественное средство приучить русских людей к общему, несестенному действию. Из-за отдельных лиц выдвинулись учреждения, и над всеми ими поднялось государство, о настоящем значении которого русские люди услышали в первый раз теперь, когда должны были присягнуть государству. Мы не остановимся на этой картине, как на оконченной; мы очень хорошо знаем, что при Петре и после него было сильное противодействие его системе, что привычка служить лицам при известных благоприятных обстоятельствах брала верх, что выражение господина Сенат немедленно же стало заменяться выражением господина сенаты; но идеи, раз введенные в жизни и закрепленные учреждениями, целой системой государственного строя, не исчезают, несмотря на все желания отделаться от них» (Соловьев С.М. История России с древних времен. М., 1963. Кн. IX. Т.17–18. С.546).

<sup>35</sup> Законодательство периода становления абсолютизма / Под ред. А.Г.Манькова. М., 1986 (Российское Законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общей ред. О.И.Чистякова. Т.4). С.157. См. также: Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 г. (далее – ПСЗ). СПб., 1830. Т.4. С.643, №2329. – Борис Мионов ссылается на этот источник, чтобы утверждать: «в 1711г. Петр I ввел новую

В своей записной книжке Петр так объяснил причину этой присяги: напугать сенаторов, чтобы помешать им воровать из казны или брать взятки<sup>36</sup>. Действительно, за первые шесть лет действия Сената шесть из девяти сенаторов были привлечены к ответственности за тяжкие преступления и двое оправданы<sup>37</sup>.

Позволим себе усомниться в том, что в эпоху Петра Великого смысл «государства» понимали точно так же, как историки, писавшие о нем в XIX веке, и потому трудно согласиться с заключением Соловьева, согласно которому русские люди готовы были присягать не Петру, а Государству.

Принимая во внимание девять присяг в его царствование, которые мною обнаружены, можно заключить, что

- 1) нет никакой отдельной присяги на верность Государству;
- 2) только в одной присяге 1711 года сенаторы присягают на верность Государю и Государству одновременно в одной фразе;
- 3) во всех присягах присягают на верность Государю;
- 4) в четырех присягах, между 1710 и 1722 гг., слово «государство» вообще отсутствует<sup>38</sup>;

---

*форму присяги на имя не только государя, как было прежде, но и государства» (Миронов Б.Н. Социальная история России. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 1999. Т.2. С.128). Верно, что текст присяги не уточняет, что он предназначен только для сенаторов. Однако он датирован 2 марта, т.е. днем, когда сенаторы присягали. Все указывает на то, что присяга предназначалась не для администрации вообще, а специально для сенаторов. Глагол «ввел», использованный Мироновым, побудил в английском переводе написать «Henceforth, subjects swore fealty not only to the tsar but also to the state» («Следовательно, подданные присягали не только государю, но и государству»). Т.е. перевод позволяет думать, что после 1711 года такая присяга стала нормой (Mironov B.N., Eklof B. The Social History of Imperial Russia 1700–1917. Colorado: Westview press, 2000. V.2. P.14). Насколько мне известно, текст больше не использовался. Выражение «польза государственная», что уже было отмечено со ссылкой на источники, сформулировано по случаю защиты «прав и преимуществ» самодержца (Плотников А.Б. Ограничение самодержавия в России в 1730 году: идеи и формы // Вопросы истории. 2001. №1).*

<sup>36</sup> Анисимов Е.А. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С.30.

<sup>37</sup> Законодательство Петра I / Под ред. А.А.Преображенского, Т.Е.Новицкой. М.: Юридическая литература, 1997. С.63.

<sup>38</sup> ПСЗ. Т.4. №2267; СПб., 1830. Т.6. №4047; Реформы Петра I / Под ред. В.И.Лебедева. М., 1937. С.109–110; Lentin A. Peter the Great. His law on the imperial succession in Russia,

5) в четырех других присягах, между 1716 и 1721 гг., после слов о верности монарху следуют слова о долге каждого сражаться с врагами земель и государства Царя и служить интересам государства<sup>39</sup>;

6) таким образом, нет никакой систематизации включения в формулу «верности Государству»<sup>40</sup>.

Упомянутая выше фраза С.М.Соловьева была в скором времени воспроизведена В.О.Ключевским в следующем виде: «*Введением* присяги не только государю, но и государству впервые дано народу понятие о *настоящем* значении государства». Соловьев между тем писал: «...когда должны были присягнуть государству». Он уточнял, что речь не идет о завершенной ситуации, потому что как при Петре, так и после него оставалась привычка служить именно лицам у власти, а не государству. Ключевский же использует слово «*введение*», придавая ему нормативный смысл (присяга государству сейчас и навсегда), отсутствующий у Соловьева.

Затем Ключевский дает свою собственную интерпретацию: «Петр разделил эти понятия [*государство – государь*], узаконив присягать *раздельно* государю и государству»<sup>41</sup>. Утверждая нормативный характер присяги, он еще больше отделился от Соловьева, *не указав* между тем *источник*, позволяющий ему утверждать, что Петр ввел норму присяги *государству*.

Западные историки часто ссылались на книгу Ключевского о Петре, опираясь на переводы. Русская фраза «Петр разделил эти понятия» оправдывалась тем, что Петр велел присягать *государю и государству*, но сделаем необходимое уточнение – в пределах *одной* и той же присяги и, насколько я знаю, в *одной* присяге. *Разделять* значит, прежде всего, «делить на части» («различать/отделять части») целое; различие может быть сделано внутри этого самого целого. Однако французские и английские переводы книги Ключевского заставляют его сказать то, что он

---

1722. *The official commentary*. Witney: *Headstart History*, 1996. P.132–133 (*Манифест о наследовании*).

<sup>39</sup> Законодательство периода становления абсолютизма. С.328; ПСЗ. Т.4. №2267; Т.6. №3708, 3778.

<sup>40</sup> *Предшествующие строки синтезируют детальный анализ присяг и значение слова государство в XVIII веке: Ingerflom C.S.Nun. «Loyalty to the State» under Peter the Great? Return to the sources and the historicity of concepts» (в печати).*

<sup>41</sup> Ключевский В.О. *Сочинения в девяти томах*. М.: Мысль, 1989. Т.IV. *Курс русской истории*. Ч.IV. С.187, 193.

не говорил, и тем увеличивают несоответствие с утверждением Соловьева. Во французском издании читаем: «Pierre divisa ces notions par une loi exigeant des serments séparés pour l'Etat et pour le souverain (Петр разделил эти понятия законом, требующим отдельной присяги Государству и суверену)»<sup>42</sup>. Слово «отдельной» дает читателю право думать, что речь идет о двух разных присягах. В этом смысле английская версия идет еще дальше: «Peter insisted on two oaths, one to the State, and one to the Monarch»<sup>43</sup>. («Петр настоял на двух присягах: одна Государству, и одна – Монарху»). От «верности *государю* и *государству*» внутри *одной* фразы и в *одной* присяге переходят к утверждению о существовании *двух типов* присяги.

В то же время перевод слова «государство» словом «Etat» / «State» завершает сокрытие от сегодняшнего читателя разницы между значениями *слова* государство в эпоху Петра и *понятием* Государство, которое Соловьев и Ключевский употребляли вслед за западной историографией<sup>44</sup>.

<sup>42</sup> Kliutchevski V. *Pierre le Grand*. Paris: Payot, 1991. P.248–249.

<sup>43</sup> Klyuchevsky V. *Peter the Great*. L.: Beacon Press, 1984. P.259.

<sup>44</sup> В XVIII веке первое значение слова *государство* – это Империя, или Kingdom (царство), или «country» (страна). Так, например, в немецком официальном переводе «Присяги иностранцев на вечное подданство» (27 августа 1747 г.) читаем: «Rusischen Reiche führen» (ПСЗ. СПб., 1830. Т.12. С.749). См. также Манифест от 7 ноября 1742 года о провозглашении Петра III, где термин *государство* отсутствует, но где есть «Империя» (ПСЗ. СПб., 1830. Т.11. №8658). В ту же эпоху немцы использовали термин **Reich**, говоря об их Империи, состоявшей из тысячи разных единиц, как Herrschaften, эквиваленты *государств* с их князьями, или Reichsstädte, бывших независимыми городами. Я благодарю профессора Михаэля Столлея (Michael Stolleis) за эту информацию. *Государство* означало также часть страны, какой-нибудь отдельный район или провинцию русской Империи; например, «Сибирское государство» (Письма и Бумаги императора Петра Великого / Под ред. Б.Б.Кафенгауза. М., 1952. Т.IX. Кн.1. С.291). В этом смысле перевод словом «états» правильный, и сам Петр Первый пользовался им, выражаясь по-французски (Lentin A. *Peter the Great. His law on the imperial succession in Russia, 1722. The official commentary*. Witney: Headstart History, 1996. P.285, footnote 28). Употребление слова «états» для обозначения части королевства не является специфически русским. Ганноверский посол в Петербурге Фридрих Кристиан Вебер (Friedrich Christian Weber) пишет по поводу новой полиции Петра «la police de ses états» (Bushkovitch P. *Op. cit.* P427). Кодекс Пруссии (1794) назывался «Allgemeines Landrecht für die preußischen Staaten» («Общее земское право прусских провинций»):

Переход от одной присяги к двум разным, а также утрата значений *слова* государство – результат смешения в русском языке слова и понятия, усугубленного затем переводами на иностранные языки, – были усвоены современной историографией. Можно тогда читать, что Петр «разрушил модель, в рамках которой царь отождествлялся с его царством, и настоял на том, что подданные должны приносить две отдельные присяги: одну государю, вторую – государству»<sup>45</sup>.

Эта традиция приводит сегодня к утверждению, которое не подтверждается источниками и согласно которому отдельная присяга Государству стала законом при Петре. Ошибка повторяется в исследованиях западноевропейских ученых о русском Государстве<sup>46</sup>.

### Заключение

Мы проследили серию историографических отклонений от источников, вызванных приверженностью к государственной парадигме и опирающихся на убеждение, что *слово* государство, о котором говорит Петр, – это *понятие* Государство. Отсутствие критического взгляда на употребление *слова* государство приводит к цепочке реинтерпретаций, которые не обращаются к источникам и не задаются вопросом об историчности понятия. Так, осторожная фраза Соловьева преобразуется в утверждение чего-то, о чем он не пи-

---

*«états» здесь во множественном числе; можно сослаться также на «Король Пруссии и его государства», или «его провинции». В русских источниках: вся Земля русская просила «с великим молением и воплем, что всемилостивый Бог дал нам... на все государства Российского царства государем, царем и великим князем всея Руси...» (Грамота, провозглашающая выборы Михаила Романова. – Цит. по: Поздеева И.В. Первые Романовы и царистская идея (XVII век) // Вопросы истории. 1996. №1. С.48). Формулировка, которую я выделил в цитате, была официальной и встречается часто (Другие примеры: ПСЗ. СПб., 1830. Т.1. Док. №69. С.114; Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого. М.: НЛЮ, 2004. С.82, прим.5 (Грамота Алексея Михайловича, 1677).*

<sup>45</sup> Whittaker C.H. *The Reforming Tsar: The Redefinition of Autocratic Duty in Eighteenth-Century Russia* // *Slavic Review*. 1992. Vol.51. №1, 82, 84.

<sup>46</sup> Shennan J.H. *The Origins of the Modern European State 1450–1725*. L., 1974. P.65; Dyson K. *The State tradition in Western Europe: a Study of an Idea and Institution*. N.Y.: Oxford University Press, 1980. P.31.

сал. Одновременно *понятие* Государство подменяет собой *слово* государство в его историческом значении.

Верность прежде всего Государю и иногда, по обстоятельствам, интересам Империи, которая ему принадлежит<sup>47</sup>, находится в соответствии с внутренней логикой системы, отличительной чертой которой эта верность и является. Эта система одновременно и органична, и чужда государственному порядку, свойственному современной эпохе. Изолируя формулу «верность на Государство» и делая из нее первый знак современного государственного менталитета, исследователи не только впадают в анахронизм, но и проходят мимо внутренней гармоничности, присущей самодержавию эпохи Петра Великого. Придание солидного возраста «политической модернизации» порождает явное непонимание, иногда не лишённое политической преднамеренности, революционных преобразований, с которыми столкнется Россия два века спустя.

Мне кажется, что сегодня одна из самых увлекательных задач историка, – это проведение научных реконструкций с целью определить, когда и как древние слова (полисемантические в своей основе) преобразуются в понятия.

Такое преобразование – признак перехода к Новому времени.

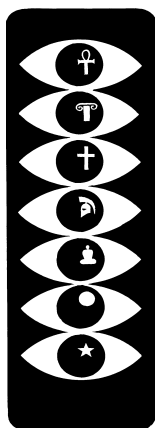
В этом смысле понятие принадлежит своей эпохе. Слова имеют историю, в то время как «понятия не имеют истории, они содержат историю, но не имеют никакой истории»<sup>48</sup>.

---

<sup>47</sup> О соответствии между «интересом империи» в официальном дискурсе и интересом самодержца, см.: Плотников А.Б. Указ. соч. С.63.

<sup>48</sup> «Begriffe als solche haben keine Geschichte. Sie enthalten Geschichte, haben aber keine» (Koselleck R. *Begriffsgeschichtliche Probleme der Verfassungsgeschichtsschreibung // Theorie der Geschichtswissenschaft und Praxis des Geschichtsunterrichts*, hrsg. von W.Conze. Stuttgart, Klett, 1972. P.14).





**Кира Янкелевич**

**КАК  
ЗАКАЛЯЛСЯ  
СТАЛИНИЗМ<sup>1</sup>**

**СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ**

**УДК**  
172.1, 93/94

*The author deals with emergence of Stalinism as a phenomenon and elaboration of its principal, universal concepts. The new socio-political and legal doctrine was discussed and put into turnover by members of the Marxists-supporters of the statehood Society. Until recently virtually nothing has been known about activities of this entity. Due to use of unique archive materials (retrieved from the Academy of sciences archive and its Saint-Petersburg branch) the author succeeded in tracing genesis of principal ideological constructs of Stalinism. The author focuses on minutes and verbatim of presentations delivered by the Society's members at the First All-Union congress of Marxists supporters of the statehood and at the First All-Union plenum of the Societies of Marxists-supporters of statehood societies.*

**Ключевые слова:** феномен сталинизма; общество марксистов-государственников; генезис идеологических конструкций сталинизма; И.В.Сталин; Н.В.Крыленко; П.И.Стучка; Н.А.Скряпник.

**Key words:** phenomenon of Stalinism; the Society of Marxists-supporters; genesis of ideological constructs of Stalinism; I.Stalin; N.Krylenko; P.Stuchka; N.Skrypnik.

**E-mail:** bouclette@inbox.ru

<sup>1</sup>Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Историческая наука и партийно-государственная идеология в эпоху сталинизма. 1929–1955 гг.», ФЦП «Научные и педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг.».

Явление сталинизма изучается во всех подробностях, начиная с биографии Сталина и заканчивая бытом рядового советского человека. При внешнем изобилии литературы может создаться впечатление, что все документы исследованы и нет больше белых пятен в истории сталинизма. Однако это не так. И прежде всего потому, что исследованы далеко не все архивные документы и не на все вопросы даны ответы. Один из самых трудных вопросов в современной науке – как возникла идеология сталинизма – нуждается в глубоком понимании, ибо не раскрыты еще в полной мере общепринятые мотивации тех, кто активно вовлекался в обсуждение важнейших внутривластных проблем советской власти конца 20-х – начала 30-х годов XX века. Что делать, если, согласно теоретическим установкам марксизма, пролетарское государство должно медленно умирать в результате победы мировой революции, а, согласно оперативной обстановке (при отсутствии мировой революции), его надо укреплять, в том числе средствами идеологии? Без введения в научный оборот новых документов на этот вопрос не ответить.

Фонд Общества марксистов-государственников, хранящийся в архиве Академии наук и его Филиале (Санкт-Петербург), представляет собой большой массив практически неизвестных науке документов, отражающих процесс возникновения идеологии сталинизма. Архивные материалы Общества марксистов-государственников до недавнего времени почти не привлекали внимания и исследователей, занимающихся историей государственных учреждений<sup>2</sup>.

Общество марксистов-государственников (ОМГ) было создано при Коммунистической Академии ЦИК Союза ССР, о чем официально объявили на съезде учредителей Общества 17 мая 1930 г. Тогда же было принято решение о созыве I съезда Общества для выработки устава организации, определения основных задач и избрания руководящих органов. Деятельностью Общества марксистов-государственников руководил Институт советского строительства и права, входивший в состав Комакадемии<sup>3</sup>.

---

<sup>2</sup> Юрганов А.Л. *Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма*. М., 2011. С.67–68.

<sup>3</sup> В этот период название Общества еще не устоялось. Видимо, по аналогии с соответствующим институтом Коммунистической академии в документах можно встретить и такое официальное название, как «Общество марксистов – работников в области советского строительства и права РСФСР».

Правление ОМГ выпустило Обращение ко всем работникам в области советского строительства и права, где разъяснялось «текущее положение дел на фронте советского строительства и права». В Обращении декларировалось, что в связи с обострением классовой борьбы сторонники юридического, то есть буржуазного, права все больше проникают в ряды марксистов, и вредят своей буржуазной идеологией. Документ должен был обосновать необходимость создания Общества марксистов-государственников, провозглашавшего своей целью борьбу против всех «оппортунистических» учений. Необходимость борьбы с оппортунистическими теориями была сформулирована И.В.Сталиным еще в 1929 году на конференции аграрников-марксистов<sup>4</sup>.

Общество марксистов-государственников должно было заниматься также уничтожением остатков «контрреволюционной троцкистской идеологии» в вопросах советского строительства и права. «Практика», как ее понимал Сталин, не отличавшийся фанатичной преданностью теоретическим постулатам, показывала всем: никакой мировой революции не будет, никакого отмирания государства ждать не приходится. Значит, надо думать об обосновании *своего* пролетарского государства, не забывая о главном враге марксистов в области права – юридической школе, в постулатах которой *всегда содержалось* обоснование *исторически важной функции государственной* власти в России. Ситуация амбивалентности не пугала Сталина. Напротив: чем непонятнее задача, чем туманнее цель, чем больше неопределенности в задачах построения «своего» государства, тем больше маневра у диктатора. Ему мистическим образом открывалась истина (в виде «практики», которая всегда выше любой теории), не доступная никому другому (и теоретикам в том числе, поскольку их «теории» определялись как безнадежно устаревшие в сравнении с непостижимой «практикой» социалистического строительства в отдельно взятой стране)<sup>5</sup>.

Общество марксистов-государственников должно было обратить внимание на теорию «перманентной» революции, из которой вытекали рассуждения о принципиальной враждебности всего крестьянства интересам рабочего класса. С этого момента решающую роль приобретали задачи советского строительства и права – в частности, организации массовой работы Советов. В Обращении отмечалось, что в центре вни-

---

<sup>4</sup> «К вопросам аграрной политики в СССР». Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 года.

<sup>5</sup> Юрганов А.Л. Указ. соч. С.673–705.

мания должна стоять как решительная борьба с правым уклоном – главной опасностью реконструктивного периода, так и с «левыми загибами», представляющими остатки троцкизма. Сторонники правого уклона обвинялись в недооценке революционной роли советского государства. А представителям левых теорий, троцкистам, ставилась в вину подмена административными приказами систематической борьбы за уничтожение классов, что являлось прямым препятствием в деле построения социалистического общества<sup>6</sup>.

Выполнение всех задач, стоящих перед ОМГ, было возможно, по мнению Правления организации, только на базе неразрывной связи теории с практикой советского строительства. И хотя провозглашалось, что работа государственного аппарата должна проверяться и освещаться марксистско-ленинской теорией, многим было очевидно, что политическую «практику» осуществляет лично товарищ Сталин. Теория должна была указать правильный путь работе по реконструкции государственного аппарата, «вооружить» практиков в их повседневной работе по советскому строительству<sup>7</sup>.

Это следовало помнить при «отставании» теории от практики. Ведь, по словам Ленина, именно чистая теория, не связанная с практикой, воспроизводит черту буржуазного общества – отрыв теории от практики. ОМГ должно было включать в свои ряды и объединять в коллективной борьбе с извращениями марксизма в области строительства государства и права как теоретиков, так и практических работников (от рабочих до сотрудников высшего госаппарата).

Наряду с теоретической разработкой вопросов советского строительства и права, Общество ставило своей задачей популяризаторскую и пропагандистскую деятельность, а также активное содействие в подготовке и переподготовке научных работников и преподавателей, в разработке программ и учебных планов, в создании «действительно марксистской» учебной литературы.

Особое внимание уделялось подготовке квалифицированных кадров из коренного населения в национальных республиках и отсталых окраинах. В документе говорилось, что в данный реконструктивный период очень важна «борьба с всякими извращениями национальной политики» в советском строительстве – как в теории, так и на практике. Практическая работа Общества в национальных республиках и районах

---

<sup>6</sup> АРАН. Ф.1852. Оп.1. Д.2. Л.6.

<sup>7</sup> Там же. Д.5. Д.29.

предполагала пробуждение активности рабочих многочисленных национальностей и (одновременно) борьбу с великодержавным и местным шовинизмом.

В уставе Общества была определена структура организации: управление Обществом возлагалось на съезд, конференцию, правление и Бюро правления, которые, в свою очередь, избирались съездом. Были созданы местные отделения и самостоятельные ячейки ОМГ. Параллельно с созданием Общества марксистов-государственников была организована Всесоюзная ассоциация марксистов-государственников (ВАМГ). Естественно, что идеологическая платформа у Ассоциации и Общества совпадала и представляла собой марксистско-ленинское учение.

Большое влияние на деятельность Общества марксистов-государственников оказал XVI съезд партии<sup>8</sup>. Поднятые там вопросы, такие как реконструкция, рационализация государственного аппарата, перевыборы Советов, реформа кодексов, стали основными для Общества и требовали его непосредственного участия в их разрешении.

Научно-исследовательская работа в ОМГ не была абстрактно теоретической. Стержнем работы Общества стали доклады на политические темы и издание популярных брошюр по ним. Эти доклады зачитывались не только в сугубо научных аудиториях, но и на предприятиях и на массовых собраниях. К массовой и пропагандистской работе, в первую очередь, относилось вовлечение рабочих в строительство советского государства и права, для чего издавались методики правовой пропаганды. Большая работа была развернута по разоблачению «буржуазных и псевдомарксистских» теорий права и государства.

Еще один вид деятельности членов Общества, который являлся важным этапом в создании советского государства и права, – это создание законов и кодексов. Общество принимало активное участие в законодательных реформах. Пересматривалось и дорабатывалось уголовное и трудовое право, шел процесс упрощения законодательства в порядке систематической работы по отдельным законодательным мероприятиям. Как уже говорилось, много внимания уделялось подготовке работников советского строительства и права, которая сопровождалась проверкой преподавательского состава в смысле его идеологической выдержанности и следования учебным планам.

Учредителями Общества, и Ассоциации были одни и те же люди, которые на момент создания организации (1930) занимали высокие по-

---

<sup>8</sup> XVI съезд партии проходил с 26 июня по 13 июля 1930 г.

сты в советском государстве, а многие из них начинали свою революционную деятельность вместе с В.И.Лениным и И.В.Сталиным. В списках учредителей организации значились такие люди, как П.И.Стучка, Е.В.Пашуканис, Н.В.Крыленко, Н.А.Скрыпник, М.И.Калинин, Л.М.Каганович, А.С.Енукидзе, С.М.Диманштейн, Г.К.Орджоникидзе, П.И.Красиков и многие другие.

Основными теоретиками, разрабатывающими все ключевые вопросы советского государства и права, были такие авторитетные юристы, как П.И.Стучка, Н.В.Крыленко, Е.В.Пашуканис и др.

П.И.Стучка сразу после Октябрьской революции стал Народным комиссаром юстиции, а в 1918–1920 гг. был председателем Советского правительства Латвии. Он вместе с Е.В.Пашуканисом организовал секцию права в Коммунистической академии и был ее членом. С 1923 года Стучка занимал должность председателя Верховного суда РСФСР.

Н.В.Крыленко, вступивший в партию в 1904 г., закончил свою карьеру на посту народного комиссара юстиции СССР. Крыленко активно участвовал в создании уголовного кодекса, но также и в политических репрессиях, необходимость которых он обосновал в выступлениях на I Всесоюзном съезде марксистов-государственников. Он был одним из теоретиков будущего террора и идеологии сталинизма в целом. С начала 20-х годов Крыленко занимал высокие посты в Наркомате юстиции. До 1929 г. он был заместителем наркома юстиции РСФСР, но с момента, когда Сталин обрел всю полноту власти, Крыленко становится прокурором РСФСР, затем народным комиссаром юстиции РСФСР, а затем и СССР. В 1938 году Н.В.Крыленко был обвинен в шпионаже и расстрелян.

Еще одним видным деятелем советской юстиции, а также членом Правления ОГП был Е.В.Пашуканис, который значился не только учредителем секции права Комакадемии, но и членом президиума, а затем и вице-президентом. С 1931 года возглавлял Институт советского строительства и права, а с 1936 года находился на должности заместителя наркома юстиции СССР. Он утверждал в своей теории, что существование социалистического права невозможно, так как это противоречит теории Маркса и Ленина об отмирании государства. Е.В.Пашуканис был расстрелян в 1937 году по обвинению в контрреволюционной деятельности.

В правление Общества также входил Н.А.Скрыпник, занимавший в то время пост наркома просвещения УССР и председателя Совета на-

циональностей ЦИК СССР. После того, как в 1933 году его обвинили в украинском национализме, Скрыпник застрелился.

С.М.Диманштейн, директор Института национальностей при ЦИК СССР, также входил в состав Правления ОМГ и подвергался на съезде Общества жесточайшей критике, так как был заподозрен в несогласии по национальному вопросу со Сталиным. Он считал, что не стоит давать права на выход из СССР национальным республикам, так как это приведет к разьединению, а следовательно, помешает построению бесклассового и наднационального советского общества. Диманштейн был расстрелян (1938) по обвинению в принадлежности к троцкистской оппозиции и за написание статей, «противоречащих генеральной линии партии».

Еще один член правления, А.С.Енукидзе, в то время секретарь Президиума ЦИК СССР, был одновременно и членом ЦК ВКП (б). В 1937 году Енукидзе был осужден «за активное участие в антисоветском правотроцкистском центре» и расстрелян.

Учредителями Общества марксистов-государственников и членами его правления были также Л.М.Каганович, находившийся в начале 30-х годов на должности первого секретаря Московского комитета ВКП (б) и сделавший немало для утверждения культа Сталина; П.А.Красиков, прокурор Верховного суда; М.И.Калинин, член Политбюро ЦК ВКП (б) и Председатель ЦИК СССР; Г.К.Орджоникидзе, занимавший с 1930 года пост председателя ВСНХ, и другие, многие из которых были членами ЦК, занимали высокие должности в СНК и Верховном суде СССР.

Большинство членов Правления ОМГ пострадали от сталинских репрессий и были реабилитированы посмертно только в конце 50-х годов. Режим, создателями и поборниками которого они являлись, не сделал для своих основателей исключения и истребил их наравне с остальными.

Анализ анкетных данных участников ОМГ показал, что большинство членов иркутского, саратовского, казанского отделений Общества вступили в партию уже после Октябрьской революции. Образование, которое они получили до революции, в анкетах чаще всего не указывалось, но практически все члены имели высшее образование, полученное в государственных университетах Казани, Ленинграда, Иркутска, Москвы; Институте советского строительства и права. Стоит отметить, что среди членов Общества было всего несколько женщин.

Письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция»<sup>9</sup> явилось для деятельности Общества новым этапом в деле борьбы за партийность во всей науке. Основным лозунгом, принятым на вооружение членами ОМГ, был лозунг – преодолеть отставание теории от практики. Он должен был быть внедрен на всех уровнях развития теоретической мысли и воплощен в жизнь всеми работниками в области советского государства и права. Параллельно с этим особое внимание уделялось изучению марксистско-ленинского наследия в области государства и права. Данные задачи обсуждались на I Всесоюзном съезде марксистов-государственников (январь 1931 г.) и Всесоюзном пленуме ассоциации марксистов-государственников<sup>10</sup>, прошедшем после съезда и подытожившем итоги съезда и его решения.

Впервые о недопустимости отставания теории от практики Сталин сказал еще на конференции аграрников-марксистов (декабрь 1929 г.), отметив, что практические успехи социалистического строительства не дают основания гордиться тем же в области теоретической работы. Сталин указал на то, что теория не успевает за практическими успехами, то есть получается разрыв между практикой и теорией. Теория, по словам Сталина, должна давать практикам силу ориентировки, ясность перспектив, уверенность в работе и в достижении конечных целей. Он говорил:

Между тем необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма<sup>11</sup>.

Решение проблемы Сталин видел в борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными теориями, так как именно они мешают теоретической разработке вопросов. Только борьба с буржуазными предрассудками в теории должна была привести к укреплению позиций марксизма-ленинизма. Постановка новых вопросов о НЭПе, о классах, темпах

---

<sup>9</sup> Статья И.В.Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» была опубликована в журнале «Пролетарская революция» (26 октября 1931 г.). Статья затем появилась в осенних номерах всех основных периодических журналов (Большевик. 1931. №19–20; Коммунистическое просвещение. 1931. №23; Борьба классов. 1931. №8–9).

<sup>10</sup> Проводился с 11 по 13 августа 1931 года в Москве в Институте советского строительства и права.

<sup>11</sup> К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 года // Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1947. С.275–276.



строительства, о политике партии и разработка этих проблем с учетом новой обстановки давала возможность связать теоретическую мысль и практическую работу. Данные идеи легли в основу деятельности общества марксистов-государственников. Борьба с юридическим, то есть буржуазным, мировоззрением, а также провозглашение необходимости преодоления отставания теории от практики в сфере советского строительства и права стали основными задачами Общества. Следовательно, ОМГ было изначально создано для утверждения сталинской идеологии. Основные решения XVI съезда ВКП (б), речь Сталина на конференции аграрников-марксистов послужили основой для создания Общества и выполнения им задач, поставленных Сталиным. Стоит отметить, что до этого времени Сталина не считали и не воспринимали в качестве теоретика<sup>12</sup>. Активное признание Сталина великим знатоком и теоретиком марксистско-ленинского учения началось в 1929 году, когда Каганович высказал мнение, что истинным вождем партии теперь стал Сталин. После разгрома оппозиции Бухарина, Томского и Рыкова это означало, что Сталин, наконец-то, взял всю власть в свои руки, а следовательно, стал и великим теоретиком, знатоком истории, философии и т.д.

На XVI съезде партии Сталин сформулировал задачи, вставшие на новом этапе перед партией (и в частности перед работниками советского строительства и права). Речь шла о переходе к полной ликвидации кулачества. Этот класс объявлялся источником, подпитывавшим, благодаря своему существованию, элементы капитализма. Следуя таким указаниям, правление Общества заострило внимание на необходимости мобилизации широких масс трудящихся для борьбы с кулачеством. На I Всесоюзном съезде ОМГ рассматривалась возможность привлечь рабочих к участию в работе госаппарата. Это был этап, на котором стиралась грань между массовой работой и оперативным управлением, т.е. аппарат был управлением *для* трудящихся. Управление должно было в перспективе осуществляться только *через волю* трудящихся. Стержнем государственных органов пролетарской диктатуры признавались Советы, и массам предстояло участвовать в управлении, опираясь на Советы. Борьба с бюрократизмом была признана частью «линии партии» по укреплению Советов. Эти органы должны были способствовать организации массового рабочего советского актива.

Что касается кадров, то этот, не менее важный вопрос, который поднимался на съезде и пленуме ОМГ, был рассмотрен с разных сторон. На

---

<sup>12</sup> Юрганов А.Л. Указ. соч. С.62–154.

съезде проблема кадров обсуждалась как проблема всего административного аппарата РСФСР. Члены Общества предложили решения, заключавшиеся в новых методах обучения будущих работников советского строительства и права, а также определили их непосредственные функции и обязанности. Была рассмотрена возможность перехода рабочей молодежи на службу в государственный аппарат и обмена опытом разного рода служащих. Пленум обратил особое внимание членов Общества на данную проблему, но детально обсуждался довольно узкий ее аспект, а именно: подготовка кадров для работы в ОМГ и Институте советского строительства и права. Цели, которые преследовало Общество, набирая опытных работников, верных марксистско-ленинской теории, выразил член Азербайджанского отделения ОМГ П.В.Беляев:

Организуя сегодня общество марксистов – работников права и государства, тем самым берем под свое руководство и под свой контроль всех работников советской юриспруденции и всех работников наших советских учреждений. Мы будем руководить ими в смысле их квалифицирования, в смысле выдержанности их идеологии<sup>13</sup>.

И на съезде, и на пленуме была высказана критика по поводу того, что среди работников в области советского строительства не хватает опытных практиков, которые могли бы помочь преодолению отставания теории от практики. Член ленинградского общества марксистов-государственников С.М.Либерман несколько раз обращал внимание на то, что необходимо развивать как практическую, так и теоретическую деятельность. «Работа общества сможет проходить успешно только тогда, когда практики будут принимать в работе общества активное участие»<sup>14</sup>.

Какой должна быть национальная политика, чем будет РСФСР: федерацией, конфедерацией или унитарным государством? Это был еще один вопрос, поднятый членами Общества на обоих заседаниях.

Старые большевики (С.М.Диманштейн, П.И.Стучка, Н.В.Крыленко) высказывались против дарования большого количества прав национальным республикам и опасались, что данное решение помешает скорейшему объединению всех национальностей, проживающих на территории СССР, и, в конечном итоге, замедлит строительство социализма.

---

<sup>13</sup> АРАН. Ф.1852. Оп.1. Д.11. Л.43.

<sup>14</sup> Санкт-Петербургский филиал АРАН. Ф.271. Оп.1. Д.21. Л.12.

Их оппонентами являлись такие члены общества, как Н.А.Скрыпник, Я.Л.Берман, Ф.П.Крючков и многие другие, считавшие мнение Диманштейна и его приверженцев противоречащим сталинскому определению *нации*, а также ленинским взглядам на национальную политику – основе проведения политики на национальных окраинах. Они руководствовались высказываниями Сталина на XVI съезде ЦК ВКП (б):

Ленин иногда изображал тезис о национальном самоопределении в виде простой формулы: «разъединение для объединения». Вы только подумайте – разъединение для объединения. Это отдает даже парадоксом. А между тем эта «противоречивая» формула отражает ту жизненную правду Марксовой диалектики, которая дает большевикам возможность брать самые неприступные крепости в области национального вопроса<sup>15</sup>.

К I Всесоюзному съезду марксистов-государственников в Обществе созрела мысль, высказанная сначала Е.Б.Пашуканисом, а затем и Г.В.Беляевым, членом татарского отделения Общества. А именно: право есть система общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса, следовательно, оно является исторической категорией, что доказывают работы Маркса, Энгельса и Ленина.

П.И.Стучка<sup>16</sup> выступал против идеалистических концепций права, которое он рассматривал, прежде всего, как систему общественных отношений, ставившую классовую теорию права на более твердые позиции. Ибо классовость права объяснялась уже не только тем, что закон выражает волю господствующего класса, но классовый характер права выводился также и из самих общественных отношений, подчеркивая тесную связь права и государства.

Другим основным лозунгом строительства социалистического государства оставался лозунг революционной законности, обоснованием которого занимались такие столпы революционной и правовой деятельности, как Н.В.Крыленко и П.И.Стучка. Тезис о революционной законности должен был лечь в основу советского права и неукоснительно соблюдаться. Он напрямую был связан с тезисом об «отставании теории

---

<sup>15</sup> Сталин И.В. Сочинения. М., 1949. Т.12. С.370.

<sup>16</sup> Он являлся председателем Верховного суда РСФСР и признанным авторитетом в советской юридической науке; опубликовал такие работы, как «Классовое государство и гражданское право», «Учение о государстве и Конституции РСФСР».

от практики». Сталин был тем практиком, который должен был определять теорию. Этот синтез теории и практики представлял собой сущность идеологии сталинизма. Революционная законность признавалась единственно возможным методом строительства советского государства и права. Она была именно тем инструментом, который был необходим в управлении и построении государства в период диктатуры<sup>17</sup>.

Подводя итоги съезда ОМГ, Н.А.Скрыпник высказал мнение, что основные задачи съезда были выполнены. Главный же результат съезда – решительный поворот в сторону преодоления «отставания» теории от практики. Съезд обосновал идеологию сталинизма, заключающуюся в постулате: только «И.В.Сталин говорит и знает, как правильно»<sup>18</sup>.

Процесс утверждения власти Сталина, начавшийся на I Всесоюзном съезде ОМГ, был окончательно завершён на Всесоюзном пленуме ассоциации Общества марксистов-государственников<sup>19</sup>. Цель пленума состояла в подведении итогов Съезда (т.е. в теоретическом и политическом обосновании принятых там решений) и утверждении планов работы Общества на будущее. На пленуме было подчеркнуто, что Общество марксистов-государственников должно стать широкой массовой организацией, объединённой на основе платформы марксистской теории и деятельности работников государственного аппарата с участием широких слоёв трудящихся, а именно: советского актива. Пленум рассмотрел задачи, связанные с ячейками общества на местах и планированием их работы. Предлагалось организовывать на предприятиях Ленинграда, Харькова, Москвы обсуждение тех законопроектов, которые разрабатывало Общество. На пленуме был поставлен вопрос о борьбе с недооценкой значения теории в практике и проведении «классовой работы». Последняя представляла собой обобщение опыта строительства развернутых новых форм советской демократии.

Проблемы советского строительства и второе выступление И.В.Сталина на совещании хозяйственников, которое поставило целый ряд совершенно новых задач перед ОМГ, стали основным объектом докладов и прений участников на пленуме. В частности, проблема «обезлички» в аппарате, в управлении производством и в организации

---

<sup>17</sup> АРАН. Ф.1852. Оп.1. Д.11. Л.17.

<sup>18</sup> Там же. Д.19. Л.23.

<sup>19</sup> В комиссию пленума входили Е.Б.Пашуканис, Я.Л.Берман, О.П.Дзенис, В.С.Ундревич, М.Г.Климов, А.Б.Трублаевич, их обязанностью была подготовка докладов по основным вопросам.

производственного процесса. Функциональная система, по словам Пашуканиса, была разрушена, и дело доходило до того, что человек часто не знал своих обязанностей и как следствие тормозил работу всего аппарата:

Перед нами стоит первая задача – надо идти впереди практики, при выработке плана необходимо поставить задачу – больше ориентироваться на практику. Наш институт должен идти по той линии, что все больше и больше становится рабочим аппаратом ЦК партии<sup>20</sup>.

Члены Общества признали Сталина единственным человеком в государстве, который определял и теорию, и практику. ОМГ стремилось стать главной организацией, пропагандирующей в своих докладах, резолюциях, выступлениях идеологию сталинизма и ее основные постулаты. Основной своей задачей члены Общества считали претворение в жизнь слов вождя, которые являлись ключевыми во всех государственных вопросах. Своими выступлениями члены организации добились того, что Сталин стал мыслиться членами партии и обществом в целом как классик марксистско-ленинской теории, который единственный в стране знал, как правильно строить социалистическое государство.

Выступления членов ОМГ о социалистическом государстве дают возможность исследовать их представления о том, каким оно должно было быть. Эти идеи отразились практически во всех выступлениях и докладах на I Всесоюзном съезде марксистов-государственников и Всесоюзном пленуме. В них были заключены мысли о будущем, к которому шло советское общество под руководством партии и лично И.В.Сталина. Эти идеи включали в себя разработку «идеального» репрессивного аппарата, воспитание пролетариата и крестьянства, а также создание достойных социалистического государства методов борьбы с классовыми врагами. Основанием для развития вопроса о социалистическом государстве послужил Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП (б), который был прочитан И.В.Сталиным 27 июня 1930 года. На этом совещании прозвучали слова Сталина, ставшие точкой опоры для разработки двух совершенно противоположных идей – об отмирании государства и об усилении диктатуры пролетариата:

---

<sup>20</sup> АРАН. Ф.1852. Оп.1. Д.23. Л.34.

Мы за отмирание государства, и мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей собой самую мощную, самую могучую власть из всех существовавших до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти. Вот Марксова форма. Это противоречие. Да, это противоречие, но это противоречие жизненно, и оно целиком отражает марксистскую диалектику<sup>21</sup>.

Общий взгляд на проблему, по словам председателя I Всесоюзного съезда марксистов-государственников М.Г.Климова, оказался связанным именно с марксистской формой высшего развития государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государства, но одновременно и усиления диктатуры пролетариата. Подобную «диалектику» мог воплотить в жизнь только тот, кто знал «практику», ставшую критерием для любой теории. Только Сталин мог решать столь трудные задачи по диалектике, только он мог объяснить, что отмирает, а что усиливается.

Объясняя свою позицию работникам права, которые выражали непонимание, каким образом можно укреплять государство и разваливать его одновременно, член Правления К.И.Солнцев говорил о «диалектике»: укрепление диктатуры пролетариата должно совершаться методами, из которых основным и важнейшим будет являться метод вовлечения масс в управление для того, чтобы избежать корпоративного (бюрократического) управления.

Первое действие, которое должно быть совершено в государстве, выступающем в качестве представителя всего общества, – взятие во владение средств производства, и это действие в то же время будет последним самостоятельным актом государства. Эти меры не могут быть единовременным актом. По словам председателя съезда,

это значит, что пока при пролетарском государстве, являющемся господством меньшинства над большинством, мы имеем несовпадение общества и государства<sup>22</sup>.

---

<sup>21</sup> Сталин И.В. Сочинения. Т.12. С.369.

<sup>22</sup> АРАН. Ф.1852. Оп.1. Д.23. Л.37.

Вопрос о государственном аппарате и каким он должен быть, чтобы постепенно привести государство к отмиранию, был решен на пленуме в результате прений. Его решение было направлено на упрощение системы управления. Властный аппарат мыслился децентрализованным, но имеющим единое высшее руководство. Общество признавало наличие общественных организаций, берущих на себя функции государственной власти. Климов характеризовал его так:

Государственный аппарат должен охватывать всю сумму советских организаций, захватывая вопросы, касающиеся других рычагов, других организаций пролетарской диктатуры<sup>23</sup>.

Что касается перестройки работы Советов, то по этому вопросу члены Общества марксистов-государственников также вносили свои предложения. По их мнению, они должны были представлять собой массовую организацию, чья работа связывалась с «рычагами» пролетарской диктатуры.

Члены Общества категорически выступали против создания советов рабочих депутатов на предприятиях и заводах. Эта идея была признана идеей синдикалистского характера и резко раскритикована.

Естественно, что, разрабатывая теорию о социалистическом государстве, постепенно отмирающем, члены Общества не могли не думать о законодательстве и системе наказаний, которая в нем должна существовать. Свою версию пролетарского законодательства и, в частности, уголовного права предложил Н.В.Крыленко: «Мы хотим, чтобы было право пролетарское, право советское»<sup>24</sup>.

Он настаивал, что в социалистическом государстве право должно носить пролетарский характер, а на данном этапе систему права можно было назвать специфической, но никак не пролетарской. Общество должно было взять на себя обязательство контролировать единство классовых интересов трудящихся. Основное положение законодательств всех капиталистических стран – защита личных и законных прав граждан – была признана правооппортунистическим утверждением. Разработчик этой системы расценивал эту статью как приспособление не к интересам рабочего класса, а к позиции правых. На переходном этапе была признана необходимость усиления борьбы против всех клас-

---

<sup>23</sup> Там же. Д.25. Л.47.

<sup>24</sup> Там же. Д.23. Л.56.

совых врагов. Практически это означало: все методы борьбы, которые существовали до этого, должны были быть подвергнуты строгому пересмотру. Необходимость репрессий Крыленко объяснял борьбой за общественную самодисциплину трудящихся, за искоренение разгильдяйства, халатности, всех тех черт, которые мешают повсеместному распространению социалистических форм труда, а следовательно, и построению социалистического государства<sup>25</sup>.

Н.В.Крыленко заявлял: «Всякий кто будет мешать этой борьбе, попадает под характеристику классового врага»<sup>26</sup>.

При этом теоретик отвергал выработку четких признаков, по которым можно было бы выделить классовых противников и их пособников. Объяснял это будущий народный комиссар юстиции РСФСР тем, что выделение критериев не может гарантировать их полноты и объективности, тем более, что, по его словам, «у каждого классового врага свой метод вредительства»<sup>27</sup>.

Уголовное право в социалистическом государстве должно было держаться на двух методах борьбы с классовым врагом, один из них – физическое уничтожение. Для подтверждения своего предложения Крыленко говорил, что можно привести целый ряд высказываний В.И.Ленина, где он решал проблему «расстрела» и пределов его допустимости и давал обоснование его необходимости. Второй метод – изоляция от общества классовых врагов и деклассированных элементов. Эти два метода должны были лечь в основу уголовного кодекса. Что касается изоляции, то для трудящихся, обвиненных законным судом, предлагалось принудительное выселение в отдаленные местности.

Н.В.Крыленко, как разработчик уголовного законодательства в СССР, обосновывал наказание в социалистическом государстве. Наказание необходимо потому, что человек «виноват» в том, что сознательно (или нет), умышленно (или нет), по грубой небрежности или преступной самонадеянности нарушил пролетарские установления.

---

<sup>25</sup> См.: Крыленко Н.В. *Революционная законность и наши задачи*. М., 1932; Одесский М.П., Фельдман Д.М. *Поэтика террора и новая административная ментальность: Очерки истории формирования*. М., 1997; Север А. *Тайна сталинских репрессий*. М., 2007; Соломон П. *Советская юстиция при Сталине*. М., 2008.

<sup>26</sup> АРАН. Ф.1852. Оп.1. Д.23. Л.47.

<sup>27</sup> Там же. Л.68.



Невиноватых мы не наказываем – таков принцип советской уголовной политики. В эпоху крайних обострений классовой борьбы в виде исключения могут применяться мероприятия чрезвычайного характера, применяемые в отношении целого класса или отдельных групп, т.е. в виде исключения можно отказаться от принципа индивидуальной репрессии<sup>28</sup>.

Значительное внимание членами ОМГ было уделено разработке национальной политики и направлениям ее развития. Основанием служили слова Сталина из Политического отчета Центрального Комитета к XVI съезду ВКП (б):

То же самое нужно сказать и насчет национальной культуры: расцвет национальных культур (и языков) в период диктатуры пролетариата в одной стране в целях подготовки условий для отмирания и слияния их в одну общую социалистическую культуру (и в один общий язык) в период победы социализма во всем мире. Кто не понял этого своеобразия и «противоречивости» нашего переходного времени, кто не понял этой диалектики исторических процессов, тот погиб для марксизма<sup>29</sup>.

Непосредственное отмирание нации должно было произойти при коммунизме, это особенно четко было разъяснено партией и И.В.Сталиным в его политотчете ЦК. Члены ОМГ признали, что в переходный период социалистическое общество не будет безнациональным. Вот что говорил Сталин по этому вопросу:

Безнациональное общество будет тогда, когда уже будет проделана глубокая работа отмирания государства, классов и когда на базе первого периода коммунистического общества пойдет переработка быта и психологии людей, так как даже не на первой стадии коммунизма можно говорить об отмирании наций<sup>30</sup>.

---

<sup>28</sup> Крыленко Н.В. *На теоретическом правовом фронте. К критике недавнего прошлого // Проблемы социалистического права. 1937. №1. С.22.*

<sup>29</sup> АРАН. Ф.1852. Оп.1. Д.23. Л.97.

<sup>30</sup> Сталин И.В. *Сочинения. Т.12. С.370.*

Основной трудностью, по словам Сталина, являлся великодержавный шовинизм. Этот уклон представлял собой стремление отживающих классов вернуть себе господство и помешать строительству социалистического государства. Уклонисты, по словам вождя, не могли видеть факторы, сближающие трудящиеся массы наций СССР, а видели только способы отдаления их друг от друга. Национализм отражал недовольство ранее господствующих классов, потерявших свое привилегированное положение при диктатуре пролетариата, и их стремление создать свое национальное буржуазное государство и установить там свое классовое господство. По его словам, в борьбе с «уклонами» от ленинской линии происходило становление генеральной линии партии.

Итак, высшее развитие государственной власти – момент, когда власть должна вести подготовку условий для отмирания государственной власти, что и было доказательством марксистской формулы. Задачей, которую на этом пути ставило перед собой Общество, была выработка общей методологии проблемы диктатуры пролетариата и вопросов ее укрепления на данном этапе социализма. Например, категоричные выступления Н.В.Крыленко против разработки четких критериев законности и внесения их в уголовный кодекс, по которым можно было обвинить человека в контрреволюционной деятельности и содействии классовым врагам, послужили основой для сталинского террора, когда кто угодно мог быть обвинен в чем угодно. Такая неопределенность была присуща сталинскому режиму на всех уровнях, так как никто не мог быть ни в чем уверен, ведь в государстве все зависело от решений одного человека, И.В.Сталина. Те, кто считал иначе, поплатились за это жизнью.

Общество марксистов-государственников было создано в тот момент, когда И.В.Сталин полностью уничтожил оппозицию в партии и получил всю власть в государстве. Но проблема заключалась в том, что он не имел признания в партии в качестве теоретика марксистско-ленинской теории, а следовательно, и не мог, по мнению «старых большевиков», стоять у «руля» партии. Чтобы удержать власть и построить режим, при котором основной теорией и призывом к действию всегда были бы слова вождя, Сталину необходимо было внедрить новую идеологию во все сферы государственной и общественно-политической жизни.

Общество марксистов-государственников как раз и стало той организацией, которая занималась обоснованием сталинской идеологии. В Обществе были собраны все самые авторитетные теоретики того време-

ни, которые и должны были «скорректировать» ключевые постулаты марксистско-ленинской теории в соответствии со сталинской предпосылкой, что «практика», которую он, как генеральный секретарь партии, представляет, выше всякой «теории» (а значит, и всех прочих теоретиков).

Стоит особо отметить, что члены ОМГ не были простыми марионетками в руках Сталина – они сами добровольно вовлекались в предложенную игру, но правила этой игры знал только И.В.Сталин.

Они сами постепенно создавали культ Сталина, конечно, не без его непосредственного участия, но они искренне верили, что так будет правильно и что именно И.В.Сталин приведет советское общество к состоянию, когда будет происходить «отмирание государства». Ссылаясь в своих высказываниях на слова вождя, они объявляли его не только классиком марксизма-ленинизма, но и собственно вождем советского народа. Сталин, в свою очередь, ставил вопрос об «отмирании государства» и предлагал решать его парадоксальным путем – путем укрепления государства. В этом и заключалась суть его игры: никто не мог знать, в какой мере государство должно отмирать, а в какой мере – укрепляться. Любой ответ мог оказаться неправильным.

Члены Общества не могли найти выход из данного парадокса, на что и рассчитывал Сталин. Это и было заложено в обсуждение проблемы «отставания теории от практики». Сталин оказался единственным выразителем правильных отношений между теорией и практикой. Одна из основных характеристик сталинизма и сталинской идеологии была неопределенность, которая проявлялась в высказываниях Сталина<sup>31</sup>. Они могли быть истолкованы под каким угодно углом, в зависимости от обстоятельств, что играло на руку сталинскому режиму, так как никто, кроме него, не мог знать, какая теория верная, а какая контрреволюционная. Причем такая неопределенность проявлялась на всех уровнях власти, начиная от кадровой политики, которая предполагала постоянную пертурбацию работников, так что никто не должен был чувствовать себя твердо стоящим на ногах и занимающим именно свое место, и заканчивая уголовным кодексом, в котором не было четких формулировок, определяющих вину обвиняемого. Человек должен был ощутить, что все, в конечном счете, зависит от воли Сталина. Это доказывает тот факт, что во время террора никому не удалось избежать той участи, которая была для него выбрана вождем, даже первым лицам государства,

---

<sup>31</sup> Юрганов А.Л. Указ соч. С.673–705.

по крайней мере, считавшим себя таковыми. Н.В.Крыленко, А.В.Енукидзе, Н.А.Скрыпник и другие, занимавшие очень высокие посты, не смогли избежать приговора. Н.В.Крыленко еще в своем докладе на I Всесоюзном съезде марксистов-государственников обосновывал необходимость репрессий, выступая категорически против разработки критериев, по которым можно было бы выявлять классовых врагов и обвинять в контрреволюционной деятельности. Любой мог быть осужден как классовый враг, это и случилось во время Большого террора.

Что касается непосредственно Общества марксистов-государственников, то официально оно было ликвидировано в 1936 году при передаче всех структур Коммунистической академии вновь созданной Академии Наук СССР. Документы о деятельности ОМГ датируются 1930–1932 годами. Дальше следы его деятельности теряются, поэтому встает вопрос: какую деятельность вело Общество вплоть до 1936 года? Создается впечатление, что после того, как организация выполнила поставленную перед ней задачу, а именно: обосновала идеологию сталинизма и право на единоличную власть Сталина, – она оказалась больше ненужной.



Андрей Юрганов



## «КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ» В МАРТЕ 1953 ГОДА<sup>1</sup>

УДК

172.1; 93/94

*Words about inadmissibility of “personality cult” for the first time were pronounced on the second day after burial of I.V.Stalin. These words were pronounced by G.M.Malenkov. Yet these words were not directly referred to Stalin. If one proceeds from the primary intention of the CC of CPSU secretary P.N.Pospelov’s memorandum where the CC of CPSU Presidium meeting held on March 10, 1953, was mentioned then it is obvious that this meeting was in no way connected with Stalin’s name. The key idea of the speech G.M.Malenkov delivered to journalists was simple. To none of three top leaders of the Soviet Union, members of the CC of CPSU Presidium G.M.Malenkov, L.P.Beria, and V.M.Molotov, should not be given any preponderance. The leadership should be collective. However even after the July Plenum of the CC of CPSU Presidium (at this forum G.M.Malenkov for the first time made the direct statement that there had been “the cult of Stalin’s personality”) no public exposure of Stalin’s activities followed. Such campaign was impossible due to the only reason: criticism of Stalin expressed at the CC Plenum was allowed only to the top Party officials and only at the closed Party events. For all the rest and for the Soviet society as a whole the topical campaign of “the harmful cult of personality” exposure was reserved. This campaign of veneration of the great personality despite the fact that the true creator of history is the people ran on until N.S.Khrushchev’s secret report to the 20<sup>th</sup> Congress of the CPSU.*

**Ключевые слова:** смерть Сталина; «культ личности»; коллективное руководство страны; недопущение публичной критики Сталина.

**Key words:** Stalin's death; the cult of personality; collective leadership of country; avoiding public criticism of Stalin.

**E-mail:** iurganov@yandex.ru

<sup>1</sup> Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Историческая наука и партийно-государственная идеология в эпоху сталинизма. 1929–1955 гг.», ФЦП «Научные и педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг.».

Стиль всех публикуемых документов сохранен.

**10 марта 1953 года**

На следующий день после похорон И.В.Сталина в газете «Правда» от 10 марта 1953 года были опубликованы сообщения об этом важнейшем событии. На первой полосе – траур-

ная речь Г.М.Маленкова, на третьей полосе опубликована фотография с изображениями Сталина, лидера китайских коммунистов Мао Цзэдуна и Маленкова. У Сталина руки спрятаны за спину, и он смотрит вниз, Мао Цзэдун с восторгом смотрит на Маленкова, который, заложив правую руку во френч (точь-в-точь как Сталин), смотрит вперед (то есть в будущее). Под снимком надпись: «Сделан 14 февраля 1950 г. во время подписания Советско-Китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи». Под фотографией – статья Мао Цзэдуна «Величайшая дружба», в которой недвусмысленно подчеркивалось: «Мы глубоко верим, что Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Советское правительство во главе с товарищем Маленковым безусловно смогут продолжить дело товарища Сталина...». На второй полосе газеты, в отличие от первополосной речи Маленкова, были опубликованы (слева и справа – параллельно) траурные речи Л.П.Берии и В.М.Молотова, что явно указывало на превосходство Маленкова.

Еще 5 марта 1953 года, когда Сталин (по крайней мере, официально) оставался тяжело больным, состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, на котором председательствовал Н.С.Хрущев. Предоставив слово министру здравоохранения СССР «для информационного сообщения» о состоянии здоровья генсека, Хрущев затем сказал, что «с самого начала болезни товарища Сталина у его постели непрерывно находятся члены Бюро Президиума ЦК. Сейчас, – сообщил он, – дежурит тов. Булганин, поэтому он не присутствует на заседании»<sup>2</sup>.

Наконец, Хрущев предоставил слово Г.М.Маленкову, пафос выступления которого определялся очевидным страхом остаться без Сталина – «бессменного руководителя» партией и страной:

*Все понимают огромную ответственность за руководство страной, которая ложится теперь на всех нас (курсив мой. – А.Ю.). Всем понятно, что страна не может терпеть ни одного часа перебоа в руководстве»<sup>3</sup>.*

---

<sup>2</sup> Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф.2. Оп.1. Д.23. Л.2.

<sup>3</sup> Там же.

Нетрудно заметить, что этот страх заставлял очень разных, порой чуждых и даже враждебных друг другу людей сплотиться, по крайней мере, на какое-то время, чтобы не ввергнуть себя в хаос борьбы за власть.

Г.М.Маленков продолжал:

Бюро Президиума поручило мне доложить, что при разработке этих организационных мероприятий мы исходили из того, что в это трудное для нашей партии и страны время важнейшей задачей партии и правительства является обеспечение бесперебойного и правильного руководства всей жизнью страны, что в свою очередь требует величайшей сплоченности руководства, *недопущения какого-либо разброда и паники* (курсив мой. – А.Ю.)<sup>4</sup>.

Л.П.Берия на этом заседании выдвинул кандидатуру Г.М.Маленкова на должность Председателя Совета Министров, как было сказано, «в связи с тем, что в руководстве партией и страной отсутствует товарищ Сталин»<sup>5</sup>. Первыми заместителями Председателя Совета Министров СССР назначались Л.П.Берия, В.М.Молотов, Н.А.Булганин, Л.М.Каганович. Утверждался состав Президиума ЦК (И.В.Сталин, Г.М.Маленков, Л.П.Берия, В.М.Молотов, К.Е.Ворошилов, Н.С.Хрущев, Н.А.Булганин, Л.М.Каганович, А.И.Микоян, М.З.Сабуров, Г.М.Первухин).

10 марта 1953 года вновь состоялось заседание Президиума ЦК КПСС. Оно напрямую было связано с публикацией в «Правде» материалов о похоронах И.В.Сталина. О содержании разговора в Президиуме ЦК КПСС известно из записок П.Н.Поспелова, который довольно подробно описал состоявшуюся беседу.

В выступлении Г.М.Маленкова 10 марта впервые после смерти Сталина прозвучали слова о недопустимости «культ личности». В научных публикациях, относящихся к истории этого заседания Президиума ЦК КПСС, как верно заметил Л.Максименков, «осуждение "культ личности" Маленковым рассматривалось<...> как относящееся к Сталину»<sup>6</sup>.

Однако эти слова прозвучали в определенном контексте, и потому они имели свои смысловые границы.

Итак, П.Н.Поспелов писал в своих записках:

---

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же. Л.3.

<sup>6</sup> Максименков Л. Культ. Заметки о словах-символах в советской политической культуре // Свободная мысль. 1993. №10. С.36–40.

10 марта 1953 г.

Вызов на заседание президиума ЦК  
(т. Сулов, т. Поспелов, т. Шепилов)

т. Маленков

Мы вызвали товарищей для замечания и предупреждения по линии газет. Сегодняшний номер «Правды» по ряду обстоятельств является неправильным.

Неправильно расположены при печатании речи: первая – на всю полосу, остальные – на половину полосы. Надо было печатать одинаково. Снимок на третьей полосе опубликован без ведома ЦК. Публикация такого снимка без ведома ЦК выглядит как провокация. Такого снимка [Сталин, Мао Цзэдун, Маленков] вообще не было. Это [произвольный] монтаж. Был общий снимок при подписании договора с Кит[айской] Народ[ной] Республикой. Редакция «Правды» допустила и другие нарушения. Первый почетный караул был не полностью опубликован. Последний почетный караул [снимок был утвержден в ЦК] был опубликован так, что фамилии разделили. При выносе не были упомянуты т. Первухин и т. Сабуров (в очерке Суркова в описании послед[него] почетного караула – одни охарактеризованы как верные ученики и соратники, другие без такой оценки).

Тов. Маленков подчеркнул, что у нас были *крупные ненормальности, многое шло по линии культа личности* (курсив мой. – А.Ю.). И сейчас надо сразу поправить [тенденции в этом направлении]. Было бы неправильным, скажем, цитировать выступление [на траурном митинге] одного. Не можем цитировать одного, потому что это, во-первых, незаслуженно, а во-вторых, *неправильно с точки зрения культа личности* (курсив мой. – А.Ю.).

А в случае с публикацией без ведома ЦК произвольно смонтировано фото – это выглядит как провокация («услужливость»... и т. д.).

Считаем обязательным *прекратить политику культа личности* (курсив мой. – А.Ю.). Цитаты [только] одного человека – нельзя публиковать. Тов. Поспелов как секретарь



ЦК обязан обеспечить необходимый контроль за газетами и журналами в духе указаний Президиума ЦК<sup>7</sup>.

Мы ничего не знаем о том, что хотел сказать или не хотел сказать Маленков о культе личности именно Сталина, и нет никаких оснований полагать, что «вышколенные подчиненные сразу догадались, что подразумевал начальник»<sup>8</sup>.

После первых публикаций о заседании Президиума ЦК КПСС с конца 80-х гг. прошлого века в науке возникла тенденция считать указания Маленкова первым шагом в осмысленном демонтаже культа личности Сталина.

Между тем первое упоминание «культа личности», если исходить из основной интенции записок Пospelова, *никак не связано* с именем Сталина, потому что ключевая идея в выступлении Маленкова заключалась в том, чтобы никто из членов Президиума ЦК не получил предпочтения, чтобы руководство стало коллективным. Думается, прав Максименков, говоря, что в марте 1953 года под «культом личности» подразумевался «не культ личности Сталина, а персональный культ – выделение статуса одного из членов коллективного руководства в ущерб остальным»<sup>9</sup>.

Ответная реакция «Правды» на критику Маленкова последовала 11 марта: в этот день вышел следующий номер газеты, в котором была соблюдена новая установка – никому из членов Президиума ЦК не давать предпочтения; газета писала исключительно о «коллективном руководстве» страной в лице «товарищей Маленкова, Берия, Молотова».

«Знакомство с подшивкой газеты «Правда» за 15 марта – 5 июля 1953 года подтверждает, – пишет Максименков, – что за это время были опубликованы только две фотографии нового советского коллективного руководства: на заседании Верховного Совета СССР 15 марта и на трибуне Мавзолея во время военного парада и демонстрации трудящихся 1 мая. Указания Президиума ЦК скрупулезно соблюдались в текстах газетных публикаций. В марте – конце июня речи Маленкова, Берии и Молотова на траурном митинге упоминались вместе, в номинативных перечислениях»<sup>10</sup>.

---

<sup>7</sup> Там же. С.38–39.

<sup>8</sup> Фельдман Д.М. *Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте*. М., 2006. С.38.

<sup>9</sup> Максименков Л. *Указ соч.* С.39. Ср.: *XX съезд КПСС и его исторические решения*. М., 1991. С.13; Пихоя Р. *Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945–1985*. М., 2007. С.224.

<sup>10</sup> Максименков Л. *Указ соч.* С.39.

Следует иметь в виду, что в партии давно существовал культ «коллективного руководства», которому поклонялся и сам Сталин, неоднократно заявляя, что не он – вождь партии – решает судьбу страны, а коллективный руководитель, Центральный Комитет партии.

Можно не верить Сталину и видеть в его словах только игру большого политика, но нет оснований для сомнений в том, что в сознании партийцев любого ранга признание ЦК высшей инстанцией было одновременно и образцом личной скромности, и эталоном поведения большевика.

Реальность распознается по своим последствиям: если слова Сталина приводили к действиям по укрощению особо ретивых песнопевцев в его адрес, то бессмысленно ставить вопрос о неискренности вождя. Как бы ни была сильна его склонность к безраздельной власти, это нисколько не противоречило тому, что одновременно он мог *демонстрировать* и образцовые качества большевика (в том числе и для создания условий своей безраздельной власти).

Один из ответов Сталина в ответ на восхваления в его адрес стал после 5 марта 1953 года важным аргументом для партийных идеологов в пользу того, что борьба с «культом личности» имеет расширительное значение...

16 февраля 1938 г. Сталин направил в Детгиздат письмо, в котором решительно потребовал запретить книжку под названием «Рассказы о детстве Сталина».

Он писал:

Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина». Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, «добросовестные» брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом. Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских людей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория «героев» и «толпы» есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ – говорят эсеры. Народ делает героев – отвечают эсерам большевики. Книжка льет воду на мельницу эсеров. Всякая такая книжка будет лить воду на

мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу. Советую сжечь книжку. И.Сталин<sup>11</sup>.

По мнению Л.Максименкова, «не эстетическая критика, содержащаяся в тексте письма, объясняет то, почему многие мысли, высказанные Сталиным, пятнадцать лет спустя будут так широко использованы партийной пропагандой в разоблачении "культа личности" самого Сталина. Вневременной политической актуальностью письмо было обязано своим основополагающим тезисам. Во-первых, утверждению, что практика культа брала свое начало в эсеровских теориях, в народнических взглядах на роль личности и народных масс в истории. Этим подчеркивалась ее исконная антимарксистская сущность. Во-вторых, множественное число слов "личность", "вождь", "герой" соотносило документ как с эпохой тридцатых годов, ее "плюрализмом" вождей, когда грандиозная конструкция культа еще не была окончательно завершена, так и с эрой послесталинского "коллективного руководства", когда конструкция сталинского культа уже частично демонтировалась»<sup>12</sup>.

Вернемся к запискам П.Н.Поспелова. Публикуя их, Максименков, привел не весь текст, а только основную его часть, касающуюся непосредственно «культа личности»<sup>13</sup>. Между тем в записках Поспелова содержится «продолжение» – весьма важная информация о поведении высших руководителей страны в первые дни после смерти Сталина.

Восполним этот пробел:

10/III от 21 до 23 часов вместе с тов. Степановым.

Вызваны следующие редакторы –

1. «Известий» – т. Губин.
2. «Красн[ой] Зв[езды]» – т. Московский.
3. «Литер[атурной] Газ[еты]» – т. Симонов.
4. «Красн[ый] Флот» – т. Зенушкин.
5. «Москов[ской] Правды» – т. Гончаров.
6. «Комс[омольской] Правды» – т. Горюнов.
7. «Труд» – т. Стрепухов.

---

<sup>11</sup> Там же. С.29–30.

<sup>12</sup> Там же.

<sup>13</sup> В дальнейшем эта публикация без изменений вошла в подготовленный им же сборник документов (Большая цензура: Писатели и журналисты в стране Советов, 1917–1956 / Сост. Л.В.Максименков. М., 2005).

«КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ» В МАРТЕ 1953 ГОДА

---

- предупреждены, что все фото руковод[ящих] парт[работников] и правительства [в связи с траурными днями] – публиковать только с ведома ЦК.
- не перепечатывать снимки из «Правды» [произвольный монтаж], опублик[ованный] на 3-й полосе.

10/III 53 г.

- сделаны ссылки на то, что тов. Маленков выразил резкое недовольство публикацией произвольного монтажа без ведома ЦК.
- при беседах о передовых и статьях в связи с траурными речами – говорилось о необходимости соблюдения необходимого такта (в том смысле, чтобы не цитировать только одну речь – учитывая, что выделение первой речи в смысле верстки также вызвало недовольство тов. Маленкова).

Т(ов). Шепилов. 10/III 53 г.

23 ч. 50 м.

Как быть с публикац[иями]

1. Соболезнов[ания] внутри страны (свыше 100.000).
2. Соболезнования мидовские.
3. Не следует ли ограничиться публикацией общего короткого.  
Ответы с выражением признательности.
4. О публикации статей, посвященные памяти И.В.Сталина, написанных (так в рукописи. – А.Ю.) деятелями братских партий и стран народ[ной] демократии.

Т. Маленков – о брошюрах  
[речи на траурном митинге]

1. Темно-синяя обложка. Шрифт – одинаковый для всех брошюр. Тираж – 3 миллиона, для всех брошюр.
2. Относительно портретов – дать как всегда давали речи на XIX съезде – были без портретов, в том числе и речь И.В.Сталина.  
(Задержка печати на 1 мес., если печатать с портретами).
3. Относительно общей брошюры – все три речи – скажет дополнительно.

13 марта

Поручение тов. Хрущева Н.С.

Взять под наблюдение подготовку кино-картины, посвященную (так в рукописи. – А.Ю.) памяти И.В.Сталина (текст, снимки).

Провести те установки, которые были даны на Президиуме ЦК в отношении печати.

19/III – был просмотр

(вместе с тов. Пономаренко и тов. Кружковым)

Конец картины был переделан по моим замечаниям, переданным через тов. Кружкова (тема – советский народ удваивает усилия, но стоит... (запись на этом обрывается. – А.Ю.)<sup>14</sup>.

Как видно, 10 марта 1953 года газетчикам было сказано о недопущении самостоятельных (без ведома ЦК КПСС) публикаций фотографий высших руководителей партии и правительства. Особо предупредили – не перепечатывать материалы из номера «Правды» за 9 марта. И еще: надо иметь «необходимый такт» и не цитировать речь только одного из членов Президиума ЦК. Таковы границы сообщения: никаких намеков или полунанамеков на то, что новая политика касается лично Сталина, ничего, что означало бы большее – смену курса.

Уже глубокой ночью 10 марта 1953 года Д.Т.Шепилов определил, что «коллективное руководство» означает полное равенство тех вождей партии (Г.М.Маленкова, Л.П.Берии, В.М.Молотова), которые выступали на похоронах И.В.Сталина, равенство во всем: в тиражах «похоронных речей», в одинаковых шрифтах «для всех брошюр». Даже шрифт мог бестактно выделить одного из них!..

С 13 марта средствами массовой коммуникации руководит лично Н.С.Хрущев, секретарь ЦК КПСС<sup>15</sup>.

---

<sup>14</sup> Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.629. Оп.1. Д.54. Л.70–72.

<sup>15</sup> 14 марта 1953 года состоялся новый Пленум ЦК КПСС. Председательствовал на нем Н.С.Хрущев. Он и объявил о повестке дня: «Мы имеем в виду сегодня на заседании Пленума ЦК КПСС рассмотреть предложения Президиума Центрального Комитета в связи с предстоящей сессией Верховного Совета СССР, а также некоторые организационные вопросы». Было предоставлено слово Г.М.Маленкову, который внес предложения: «1. Удовлетворить просьбу тов. Маленкова об освобождении его от обязанностей сек-

**19 марта 1953 года.  
«Священный долг  
писателя»**

Смена горизонтов в жизненном мире советских людей существенна для понимания того, как развивался процесс демонтажа идеологической системы сталинизма.

По мнению Д.М.Фельдмана:

...сама идея Маленкова – прекратить повсеместное восхваление Сталина – была сразу принята *функционерами его уровня. И реализована задолго до официального утверждения на ближайшем Пленуме ЦК партии* (курсив мой. – А.Ю.). Согласно специфическим советским традициям, новые идеи партийного руководства осторожно «обкатывались» поначалу в литературном контексте – на уровне массовой периодики. Избегая прямых указаний относительно быстрой смены идеологических установок, партийные лидеры, как говорится, одергивали, поправляли литераторов, не успевших воспринять «новые веяния». К примеру, 19 марта 1953 года «Литературная газета» поместила передовую статью «Священный долг писателя», где, как и обычно, декларировалось: «Самая важная, самая высокая задача, со всей настоятельностью поставленная перед советской литературой, заключается в том, чтобы во всем величии и во всей полноте запечатлеть для своих современников и для грядущих поколений образ величайшего гения всех времен и народов – бессмертного Сталина». Однако 26 марта 1953 года была опубликована передовая статья «Достоинно показывать великие дела народа», где главной задачей провозглашается «изображение советского человека, строителя коммунизма». При этом упоминаний о Сталине, о «величайшем гении всех времен и народов», не было вообще. Установка здесь предельно ясна: вместо выдающейся личности, вместо гения и героя – народ<sup>16</sup>.

---

*ретаря ЦК КПСС, имея в виду нецелесообразность совмещения функций председателя Совета Министров СССР и секретаря ЦК КПСС. 2. Председательствование на заседаниях Президиума ЦК КПСС возложить на тов. Г.М.Маленкова. 3. Руководство Секретариатом ЦК КПСС и председательствование на заседаниях Секретариата ЦК КПСС возложить на секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С.» (РГАНИ. Ф.2. Оп.1. Д.25. Л.1–2).*

<sup>16</sup> Фельдман Д.М. Указ. соч. С.39.

Трудно согласиться с тем, что процесс демонтажа сталинизма проходил столь быстро как вполне определенная и заранее продуманная смена идеологических установок. Прямо связывая две публикации между собой и видя в этой связке проявление воли партийного руководства, Фельдман настаивает на том, что такой была осмысленная позиция правящей элиты. Между тем анализ источников не подтверждает эту мысль: партийная элита явно еще не знала, куда выведет «кривая» последних событий, а статья К.Симонова была его личной инициативой.

В книге «Глазами человека моего поколения» писатель стремился воспроизвести конкретное восприятие им Сталина в разные годы, но так, чтобы не ушла именно история восприятия – от безоговорочного поклонения вождю всех народов до скептицизма эпохи XX съезда:

Первым, главным чувством было то, что мы лишились великого человека. Только потом возникло чувство, что лучше бы лишиться его пораньше, тогда, может быть, не было бы многих страшных вещей, связанных с последними годами его жизни. Но что было, то было, в истории нет вариантов. Варианты возможны только в будущем, в прошлом их не существует. Первое чувство грандиозности потери меня не покидало долго, в первые месяцы оно было особенно сильным. Очевидно, под влиянием этого чувства я вместе с еще одним литератором, любившим демонстрировать всю жизнь решимость своего характера, но в данном случае при возникновении опасности немедленно скрывшимся в кустах, сочинил передовую статью, опубликованную в «Литературной газете» девятнадцатого марта пятьдесят третьего года, в которой среди иного прочего было сказано следующее: «Самая важная, самая высокая задача, со всею настоятельностью поставленная перед советской литературой, заключается в том, чтобы во всем величии и во всей полноте запечатлеть для своих современников и для грядущих поколений образ величайшего гения всех времен и народов – бессмертного Сталина».

В дальнейшем, правда, в передовой разъяснялось, что, рисуя образ Сталина, писатели создадут образ связанной с его деятельностью эпохи, свершений этой эпохи и так далее, и тому подобное, но исходная формулировка была именно такая. Передовая называлась «Священный долг писателя», и в приведенном мною абзаце первое, что вме-

нялось писателям как их священный долг, было создание в литературе образа Сталина. *Никто ровным счетом не заставлял меня это писать, я мог написать все это и по-другому, но написал именно так, и пассаж этот принадлежал не чьему-либо иному, а именно моему перу (курсив мой. – А.Ю.)*<sup>17</sup>.

Как видно, Симонов, ничего не скрывая от читателя, отмечал, что никто его не заставлял писать передовую статью. Да и вряд ли сразу после похорон Сталина нужно было кого-то заставлять писать подобные статьи. Это выражение народной скорби сразу после похорон было вполне естественным.

В чем же тогда «сбой»? Почему статья Симонова вызвала гневную реакцию Хрущева? Потому, что в ней воспевался Сталин? Но такими материалами были наполнены многие журналы и газеты. Почему Хрущев не звонил в другие печатные органы, а только в «Литературную газету»?

Если бы все сказанное Маленковым (и другими высшими руководителями) 10 марта 1953 года воспринималось как ясный знак «прекратить повсеместное восхваление Сталина», то вряд ли бы руководители журналов и газет ослушались (см. выше). Значит, такого знака не было, и слова о культе личности прямого отношения к Сталину тогда еще не имели.

К.М.Симонов сам объяснил, в чем состояла его политическая ошибка:

Мною же был задан и общий тон этой передовой, в которой как священный долг писателей *прежде всего рассматривались мемориальные задачи, а не обращение к нынешнему и будущему дню* (курсив мой. – А.Ю.). На мой тогдашний взгляд, передовая была как передовая, я не ждал от нее ни добра, ни худа, в основу ее легло мое выступление на происходившем перед этим митинге писателей, смысл которого в основном совпадал со смыслом передовой. Однако реакция на эту передовую внезапно оказалась очень бурной. Я к тому времени после долгой борьбы с разными людьми, не желавшими понимать, что я хочу продолжать хоть что-то писать, выговорил себе право еженедельно вы-

---

<sup>17</sup> Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В.Сталине. М., 1988. С.284.



пускать два из трех номеров газеты, а третий только вчерне подготавливать вместе с заместителем, этот третий, субботний, номер подписывал заместитель. Номер с передовой «Священный долг писателя» вышел в четверг. Четверг после его выхода я провел в редакции, готовя следующий номер, и, глядя на ночь, в пятницу уехал за город, на дачу, чтобы пятницу, субботу и воскресенье писать там, а утром в понедельник приехать в редакцию и с самого утра делать вторичный номер. Телефона на даче не было, и я вернулся в понедельник утром в Москву, ничего ровным счетом не ведая.

– Тут такое было, – встретил меня мой заместитель Косолапов, едва я успел взять в руки субботний номер, которого еще не читал. – А лучше вам расскажет об этом Сурков, вы ему позвоните, он просил позвонить, как только вы появитесь.

Я позвонил Суркову, мы встретились, и выяснилось следующее: Никита Сергеевич Хрущев, руководивший в это время работой Секретариата ЦК, прочитавши не то в четверг вечером, не то в пятницу утром номер с моей передовой «Священный долг писателя», позвонил в редакцию, где меня не было, потом в Союз писателей и заявил, что считает необходимым отстранить меня от руководства «Литературной газетой», не считает возможным, чтобы я выпускал следующий номер. Впредь, до окончательного решения вопроса – надо полагать, в Политбюро, это уж я додумал сам, – пусть следующий номер, а может быть, и следующие номера читает и подписывает Сурков как исполняющий обязанности генерального секретаря Союза писателей.

Из дальнейшего разговора Сурков выяснил, что все дело в передовой «Священный долг писателя», в которой я призывал писателей *не идти вперед, не заниматься делом и думать о будущем, а смотреть только назад* (курсив мой. – А.Ю.), только и делать, что воспевать Сталина, – при такой позиции не может быть и речи, чтобы я редактировал газету<sup>18</sup>.

---

<sup>18</sup> Там же. С.285–286.

Существенно, что не Симонов говорил с Хрущевым, а Симонову пересказали слова Хрущева (согласно книжной версии):

По словам Суркова – не помню, прямо говорившего с Хрущевым или через вторых лиц, – Хрущев был крайне разгорячен и зол.

– Я лично, – сказал Сурков, – ничего такого в этой передовой не увидел и не вижу. Ну неудачная, ну действительно *там слишком много отведено места тому, чтобы создавать произведения о Сталине, что это самое главное* (курсив мой. – А.Ю.). В конце концов, что тут такого. Можно в других передовых статьях снять этот ненужный акцент на прошлом. Сначала хотел послать к тебе гонца, вызвать тебя, а потом решил не расстраивать, может, за это время все обойдется. Номер, как мне сказал Косолапов, был готов, я приехал, посмотрел его и подписал. Фамилию твою не требовали снимать, требовали только, чтоб я прочитал и подписал номер. Вот и подумал, стоит ли выбивать тебя из колеи, ты сидишь там, пишешь? Вернешься в понедельник, может, к этому времени все утрясется.

Так оно в результате и вышло. На каком-то этапе, не знаю, где, в Секретариате или в Политбюро, все, в общем, утряслось. Когда Сурков при мне позвонил в агитпроп, ему сказали, чтобы я ехал к себе в редакцию и выпускал очередной номер. Тем дело на сей раз и кончилось. Видимо, это был личный взрыв чувств Хрущева, которому тогда, в пятьдесят третьем году, наверное, была уже не чужда мысль через какое-то время попробовать поставить точки над «и» и рассказать о Сталине то, что он счел нужным рассказать на XX съезде. Естественно, что при таком настроении передовая под названием «Священный долг писателя» с призывом создать эпохальный образ Сталина как главной задачи литературы попала ему, как говорится, поперек души. И хотя, видимо, его склонили к тому, чтобы мер, в горячке предложенных им, не принимать, невзлюбил он меня надолго, на годы, вплоть до появления в печати «Живых и мертвых», считая меня одним из наиболее заядлых сталинистов в литературе<sup>19</sup>.

---

<sup>19</sup> Там же. С.286.

Конечно, можно усомниться в том, что Симонов достоверно изложил события, полагая при этом, что писатель всегда писатель и ему вообще присуще стремление выдумывать драматические истории из своей жизни.

Однако исследователи упустили из виду сохранившуюся стенограмму заседания редколлегии «Литературной газеты»<sup>20</sup>. В ней Симонов критиковал себя за неудачную передовую статью от 19 марта и выражал надежду на то, что следующая передовая (26 марта) правильно покажет перспективу развития страны. Противоречит ли дух воспоминаний документу эпохи?

Из выступления К.М.Симонова:

У нас сегодня докладчики тт. Трифонова и Саконтиков. Прежде, чем представить слово докладчикам, я хочу сказать несколько слов сам. У нас 19 марта в №34 была напечатана передовая «Священный долг писателей». Эта передовая моя. Передовая эта страдает *серьезными неправильностями* (здесь и далее курсив мой. – А.Ю.). В ней есть целый ряд серьезных неправильностей в отношении того, *какие задачи стоят перед литературой в этот период, сужены* (так в тексте. – А.Ю.). В ней не сказано о том, что задачи нашей литературы очень широки, что задачи нашей литературы связаны с решениями XIX съезда, с теми грандиозными задачами, которые поставлены перед народом, перед страной на съезде, грандиозными созидательными началами. Правильно было бы в такой передовой, говорящей о долге писателей, *показать, каков весь объем задач, стоящих перед литературой*. А этот объем задач есть, так сказать, *показ задач народа, показ задач всей страны, показ тех грандиозных созидательных трудов, которым сейчас отдает силы наш народ*. Таковы задачи литературы – показать это разносторонне во всех жанрах, очень широко, очень сильно. Этого в передовой не сделано. Поэтому передовая «Священный долг писателей» не раскрывает той подлинной *огромной широты задач*, которые перед ними стоят. Вот те серьезные недостатки, не-

---

<sup>20</sup> Стенограмма редакционного совещания (летучки) по обсуждению номеров 33, 34 и 35 «Литгазеты» // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.634. Оп.4. Д.424. Л.1–2.

правильности, которые есть в этой статье. Значит, нам предстоит эту ошибку поправить: и поправить, *дав правильную передовую на эту тему, которая готовится* (! – А.Ю.), и поправить в конкретных статьях, которые будут анализировать явления литературы, обобщать эти явления и показывать ту подлинную широту задач, которые стоят перед нашей советской литературой.

Вот то, что я хотел сказать в связи с этой передовой и что, мне кажется, более или менее исчерпывает то, что о ней нам следует сказать<sup>21</sup>.

Как видно, связь двух передовиц в «Литературной газете» объяснил сам Симонов. В первой не были поставлены масштабные задачи перед литературой, которые бы соответствовали народным свершениям. Во второй (опубликованной 26 марта под названием «Достоинно показывать великие дела народа») запланировали дать уже не мемориальную, но актуальную статью, с характеристикой как народных свершений в настоящем, так и светлого будущего.

В стенограмме заседания редколлегии «Литературной газеты» речь постоянно шла о том, как глубже и шире показать роль Сталина или, например, как лучше издать книгу стихов под названием «Народ – Сталину».

Из выступления т. Трифоновой:

Обзор стихов, посвященных тов. Сталину, в общем удачен. Удачно отобраны и стихи в этот обзор, и передает этот обзор то действительно огромное чувство, которое выражалось в этом бесконечном потоке стихов, посылаемых в редакцию не только нашу, и многие другие<sup>22</sup>.

Из выступления т. Саконтикова:

Обозревать центральные газеты за прошедшие недели – значит сделать попытку оценить выраженную в газетных материалах скорбь народа, глубокую боль, вызванную кончиной тов. Сталина. Мне кажется, что все применявшиеся средства сравнения, споры о форме и степени подачи, доходчивости не только не применимы, но даже не уместны, когда мы просматриваем материалы центральных газет и

---

<sup>21</sup> Там же.

<sup>22</sup> Там же. Л.9.

нашей. Народ охвачен горем. Все газеты вместе взятые сумели в небольшой степени отобразить это горе. И это понятно, потому что в слабых корреспондентских строках и очерках выразить это горе нелегко. Но *газеты, особенно в последние полторы–две недели* (курсив мой. – А.Ю.) отобразили и другие чувства, мысли и желания, рожденные скорбью. Это – еще более тесное сплочение в великой братской семье под успешным руководством Коммунистической партии. Это – безраздельное доверие к Коммунистической партии. Это – повышение политической бдительности. Это – мобилизация всех сил и творческой энергии на великое дело построения коммунизма в нашей стране. Эти чувства выражались и в пропагандистских статьях, и в очерках, и в информации. Эти настроения действия, самоотверженного активного действия, основывались на постановлении совместного заседания Пленума Центрального Комитета, Президиума Верховного Совета и на решениях последней IV сессии Верховного Совета. Если с этой точки зрения посмотреть на эту силу, рожденную скорбью, то пропагандистские статьи имели и еще, видимо, долго будут иметь очень большое значение, как они играли эту роль всегда в нашей большевистской печати. Разъяснение *Сталинского курса и Сталинских идей* (так в тексте; курсив мой. – А.Ю.) – таково и есть назначение пропагандистских статей<sup>23</sup>.

Если бы газета получила сигнал, пусть даже намек, на изменение политической конъюнктуры, никто бы в редакции не стал выступать с таким пафосом о Сталине. Напротив, из слов т. Саконтикова следовало, что Сталинский курс и Сталинские идеи – это и *есть светлое будущее* советского народа.

Сложность познавательной ситуации заключается в том, что вскоре после смерти Сталина действительно возникла идеологическая кампания противопоставления выдающейся личности (в абстрактном смысле) – народу как истинному творцу истории. Но эта кампания стала разворачиваться, начиная с 10 июня 1953 года, после публикации в газете «Правда» передовой статьи «Коммунистическая партия – направляющая и руководящая сила советского народа». В этой статье по-прежнему

---

<sup>23</sup> Там же. Л.10–11.

обозначалось равенство «триумvirата» в определении будущих целей политики КПСС:

Существо политики нашей партии, изложенной в выступлениях товарищей Г.М.Маленкова, Л.П.Берия и В.М.Молотова, заключается в том, чтобы обеспечить все необходимые условия для еще более успешного строительства коммунизма в Советской стране.

Пафос статьи – в том, что великие учителя, Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин, всегда «подчеркивали определяющую роль народных масс в истории, решительно выступая против вредного культа личности».

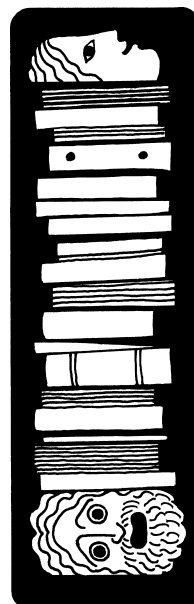
После июльского Пленума Президиума ЦК КПСС (1953), на котором впервые Г.М.Маленков сказал прямо, что был «культ личности Сталина», никакого публичного разоблачения деятельности Сталина не было и быть не могло. По одной лишь причине: высказанную на Пленуме ЦК партии критику Сталина разрешалось повторять только высшим должностным лицам в партии на закрытых мероприятиях. Для всех прочих, и советского общества в целом, оставалась актуальной кампания разоблачения «вредного культа личности» вообще, т.е. почитания великой личности вопреки тому, что народ – истинный творец истории. Теперь в любых областях человеческой деятельности искали и находили этот «перекос». Стали писать статьи о вреде «культа личности» в музыке, в балете, в биологии, в физике, в агрономии и т.д. – словом, где только ни находили этот «вредный культ», и никому не позволялось публично говорить о том, что в истории страны был культ личности И.В.Сталина.

Такая возможность в полной мере открылась только после секретного доклада Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС.

В полном жизненном цикле всех великих революций как бы просматриваются три типические фазы. Первая обычно очень кратковременна. Она отмечена радостью освобождения от тирании старого режима и ожиданиями обещаемых реформ. Это начальная стадия... Краткая увертюра подходит к концу и обычно на смену ей приходит вторая, деструктивная фаза. Великая революция превращается в ужасающий шквал, неразборчиво сметающий все на своем пути. ...

И если случается, что торнадо второй фазы не успевает до основания разрушить нацию, то революция постепенно вступает в свою третью, конструктивную фазу. Уничтожив все контрреволюционные силы, революция начинает создавать новый социальный строй и культурный порядок.

*Питирим Сорокин*







**Альберт Ненароков**

**ОПУБЛИКОВАНО,  
НО НЕ УСВОЕНО<sup>1</sup>**

**АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ**

УДК  
93/94

*Materials of six commissions (on general political issues, foreign policy, elaboration of legislative drafts, agrarian issues, national economy and labor regulation issues, and national issues) of the Social Democrat fraction of the Constituent Assembly are stored in the Russian State archive of social-political history. Though these documents were for the first time published more than 10 years ago, they still are not duly involved in the scientific turn-over. Meanwhile these documents illustrate how the principal points of the Russian Social Democratic Workers (unified) Party's Declaration were elaborated and discussed. I.G.Tsereteli's speech and the Declaration he read off were the brightest event of that extraordinary short but shattering day which predetermined the future of Russia. Having dispersed the Constituent Assembly the Bolsheviks transgressed the point of no return. The first step towards establishment of the single party system was made.*

**Ключевые слова:** РГАСПИ; документальное наследие политических партий России; РСДРП(о); Учредительное собрание; социал-демократическая фракция; Ю.Мартов; И.Церетели.

**Key words:** Russian State archive of social-political history; Documentary heritage of political parties of Russia; Russian Social Democratic Workers (unified) Party; the Constituent Assembly; the Social Democrat fraction; Yu.Martov; I.Tsereteli.

**E-mail:** nenarokov@mailfrom.ru

---

<sup>1</sup> В документах пунктуация приведена в соответствии с современными правилами русского языка.

Нередко новым предстает хорошо забытое старое. Тогда даже опубликованные документы обретают иную трактовку и глубину. Отмеченное в январе этого года 90-летие Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) наглядно продемонстрировало, что многое из уже введенного в научный оборот архивного достояния так и осталось незамеченным и неосвоенным<sup>2</sup>. Прежде всего, это касается основной части коллекции РГАСПИ – документов политических партий России, включая большевиков. Исключения составляют работы тех историков – исследователей и архивистов<sup>3</sup>, кто под эгидой Федерального архивного агентства принимает активное участие в разработке и реализации межархивных публикаторских проектов. К числу опубликованного, но неосвоенного относятся и документы российских социал-демократов конца 1917 – начала 1918 года, относящиеся к разработке позиции социал-демократической фракции на предстоящем Учредительном собрании. Они хранятся в РГАСПИ<sup>4</sup> и напечатаны в соответствующих томах серийного издания «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие»<sup>5</sup>.

Между тем конец декабря 1917 года многое изменил во взаимоотношениях лидеров различных течений российской социал-демократии. Они, конечно, оставались все теми же принципиальными, бескомпромиссными людьми, как писал Д.Ю.Далин, «почти религиозного героизма», готовыми идти на костер за свои убеждения. В их позициях, по его

<sup>2</sup> Недаром на возрастание дистанции между публикацией и усвоением введенного в научный оборот опубликованного документального материала счел необходимым обратить особое внимание академик РАН А.О.Чубарьян на юбилейном заседании Научного совета РГАСПИ. На актуальность данной проблемы указывали и мы (См.: Ненароков А.П. Не все золото, что блестит // Россия XXI. 2009. №5; Он же. О некоторых аспектах современного изучения исторического опыта российской социал-демократии // Падение империи, революция и гражданская война в России: Сборник / Сост. С.М.Исхаков. М.: Социально-политическая МЫСЛЬ, 2010).

<sup>3</sup> Ю.Н.Амиантов, В.В.Журавлев, Н.И.Канищева, Я.В.Леонтьев, Д.Б.Павлов, И.С.Розенталь, П.Ю.Савельев, О.В.Хлевнюк, В.В.Шелохаев и др.

<sup>4</sup> РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.44.

<sup>5</sup> См.: *Меньшевики в 1917 году. Т.3. От корниловского мятежа до конца декабря. Кн. 2. От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря (первая декада октября – конец декабря).* М.: РОССПЭН, 1997; *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1918 году.* М.: РОССПЭН, 1999.

словам, все так же было больше «мужества, моральной силы, красоты подвига», чем «политического расчета, комбинаций и зигзагов»<sup>6</sup>.

Это, безусловно, касалось всех. Правых, левых, центра, радикалов, умеренных и т.н. «болота», которое каждый из них еще недавно представлял по-своему. Теперь они вновь почувствовали себя в одной лодке, которая к тому же дала течь. «Оборонческая оппозиция осталась в партии, – сообщал Мартов Аксельроду, – основывает новую газету, но пока не борется с нами настолько резко, чтобы вызвать острый организационный конфликт. Церетели не пошел с ними, но и в ЦК отказался войти». ЦК РСДРП (объединенной) образовался из интернационалистов и «центра» (в меньшинстве).

Конечно, разногласия сохранялись. Прежде всего, в оценке отношения к большевистскому перевороту. Мартов информировал Аксельрода: «Не только крайне правая (Потресов, Голиков и др.), но и просто правая (Либер, Богданов, Батурский, Зарецкая) объявили "бойкот" центрам<sup>7</sup> ввиду "большевистского" уклона наших решений. "Большевизм" этот, конечно, заключается в том, что мы не считаем возможным апеллировать к реставрации бездарного коалиционного режима, а лишь к демократическому блоку, что мы за преторьянско-люмпенской стороной большевизма не игнорируем его корни в русском пролетариате»<sup>8</sup>. По этому поводу Дан, смыкаясь с Потресовым, писал тому же Аксельроду: «Ленинский переворот – это огромный солдатский бунт, бунт 10-миллионной армии, захотевшей мира во что бы то ни стало. Не классовое движение, а движение деклассированных, не социализм, а типичная анархия. И страшно подумать, какую дорожную ценою заплатят за это безумие пролетариат, революция и Россия»<sup>9</sup>. Сам же Аксельрод, видя в большевистских лозунгах «воскрешение идей русского бланкизма»,

---

<sup>6</sup> См.: *The Mensheviks from the Revolution of 1917 to the Second World War. With Contributions by David Dallin; George Denicke, Leo Lande, Boris Sapir, and Simon Wolin. Edited by Leopold H. Haimson. Translated by Gertrude Vakar. The University of Chicago Press. Chicago and London: 1974; P.99–100; Меншевики: от революций 1917 года до Второй мировой войны. С участием Д.Даллина, Ю.Денике, Л.Ланде, Б.Сапира и С.Волина. Редактор и составитель Леопольд Хеймсон. Русский текст подготовлен к изданию д.и.н., профессором С.В.Тютюкиным. М.: 2009. С.165.*

<sup>7</sup> Речь идет о центральных органах партии.

<sup>8</sup> *Меншевики в 1917 году. Т.3. Кн. 2. С.584.*

<sup>9</sup> Там же. С.532.

изначально оценил произошедшее в России однозначно жестко: «*Большевицкий переворот был только колоссальным преступлением и ничем иным быть не мог*»<sup>10</sup>. И этого своего мнения не менял никогда.

«Контрреволюционным переворотом» назвала октябрьские события и В.И.Засулич. Она полагала: «С точки зрения социалистов, оставшихся верными тому пониманию социализма, которое разделяла когда-то и вся русская социал-демократия, нет у социализма в настоящий момент более лютых врагов, чем господа из Смольного. Не капиталистический способ производства они превращают в социалистический, а истребляют капиталы, уничтожают крупную обрабатывающую промышленность»<sup>11</sup>.

Да и Г.В.Плеханов в открытом письме к петроградским рабочим писал:

«Товарищи!

Не подлежит сомнению, что многие из вас рады тем событиям, благодаря которым пало коалиционное правительство А.Ф.Керенского и политическая власть перешла в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Скажу вам прямо, меня эти события огорчают.

Не потому огорчают, чтобы я не хотел торжества рабочего класса, а, наоборот, потому, что призываю его всеми силами своей души... Наш рабочий класс еще далеко не может с пользой для себя и страны взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть – значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем для всей России».

Завершал свое письмо Г.В.Плеханов словами, которые Мартов принять не мог, но которые, несомненно, все еще были близки Церетели: «Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, т.е. на все те классы и слои, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка»<sup>12</sup>.

Однако, несмотря на все различия в оценках большевистского переворота и определении методов борьбы с теми, кто захватил власть,

---

<sup>10</sup> Аксельрод П.Б. *Кто изменил социализму? (Большевики и социальная демократия в России)*. Нью-Йорк, 1919. С.23 (Выделено в тексте брошюры).

<sup>11</sup> Засулич В.И. *Социализм Смольного // Большевики в 1918 году*. С.227.

<sup>12</sup> *Большевики в 1917 году*. Т.3. Кн.2. С.598–600.

представители всех течений меньшевизма к началу декабря 1917 года вновь вспомнили о старом лозунге, долгие годы объединявшем их: «Идя врозь, вместе бить». Их подтолкнула к этому яacobинская одержимость ленинцев. Объявление кадетов врагами народа. Массовые аресты и заточения в Петропавловку несогласных. Введение цензуры более спорной и жесткой, нежели та, что была в имперской России<sup>13</sup>.

Казалось, всех объединило заявление Мартова – «большевизм поврвал с программой РСДРП бесповоротно, когда объявил задачей революции – социалистический переворот в России»<sup>14</sup>. А сплотило осознание того, что «вывести страну из тупика, в который она заведена диктатурой Ленина и Троцкого, может только незамедлительное открытие Учредительного собрания»<sup>15</sup>.

В обращении нового ЦК РСДРП (о) от 15 декабря «Ко всем партийным организациям» по поводу завершения Чрезвычайного съезда партии подчеркивалось: «Партия должна стремиться к восстановлению единства демократии, представляющей свою волю через Учредительное собрание, которое и призвано создать признаваемую всей страной власть и приемлемым для страны путем привести Россию к миру»<sup>16</sup>.

Первым шагом на этом пути стало декларирование необходимости восстановления единства собственных партийных рядов. Для этого

---

<sup>13</sup> «Скажите при случае Раковскому, – писал 1 декабря Аксельроду Мартов, – что его письмо к ленинскому правительству (См.: Известия. 1917. 29 ноября) произвело здесь неблагоприятное впечатление, Мы все смеемся, когда читаем, что он предлагает ленинцам добиться в Румынии свободы печати и созыва Учредительного собрания. Il est qualifié pour cela (Он весьма квалифицирован для этого. – Ред.), наш милый Троцкий, разогнавший здесь Учредительное собрание и закрывший по всей России добрую сотню социалистических газет» (Меньшевики в 1917 году. Т.3. Кн.2. С.530). Мартов писал о разгоне Учредительного собрания как о факте состоявшемся, т.к. в начале декабря Совнарком назначил М.С.Урицкого комиссаром над Всероссийской по выборам в Учредительное собрание комиссией. Это вызвало возмущение значительной части членов собрания и воспринималось как решение, предопределявшее его судьбу.

<sup>14</sup> Меньшевики в 1917 году. Т.3. Кн.2. С.555. Мартов имел в виду «гибельность тактики большевиков» на установление диктатуры пролетариата, разъединяющей «пролетариат с мелкобуржуазным элементом», единение с которым «необходимо для закрепления завоеваний революции». Там же. С.563.

<sup>15</sup> Там же. С.549.

<sup>16</sup> Там же. С.551.

представители Бюро ЦК и Комитета Петроградской организации меньшевиков-оборонцев подписали 31 декабря протокол о ликвидации организаций, параллельных тем, что поддерживали новое интернационалистское руководство партии во главе с Ю.О.Мартовым<sup>17</sup>.

ЦК РСДРП (о) при формировании шести<sup>18</sup> комиссий социал-демократической фракции Учредительного собрания включил в их состав, наряду с представителями нового большинства ЦК, правых и центристов<sup>19</sup>. Активное участие в работах комиссий принимали шесть из 16 членов Учредительного собрания: И.Г.Церетели, М.И.Скобелев, А.Г.Зурабов, А.А.Трояновский, М.Д.Шишкин и И.В.Стрелков.

Комиссии заседали 21, 29, 30 декабря, 2 и 4 января (2-го работали две комиссии) в общежитии лазарета Земгора (Большая Болотная, 2). На всех встречах по основному вопросу царило полное единодушие: никакого соглашения по вопросу о том, что Учредительное собрание представляет собой власть, быть не может<sup>20</sup>.

30 декабря на первом заседании общеполитической комиссии социал-демократической фракции Учредительного собрания присутствовали Церетели, Скобелев, Дан, Мартов, Мартынов, Абрамович, Стрелков, Шишкин.

Открывший заседание комиссии Церетели предложил обсудить содержание общей декларации, с которой ему предстояло выступить от социал-демократической фракции при открытии Учредительного собрания. Вместе с тем он поставил вопрос о необходимости, кроме общей декларации, подготовить текст обращения «к союзным народам» и обдумать, как вести себя, «если будет выступление». Ведь, несмотря на точно названную дату, созыв Собрания был все еще проблематичен. С одной стороны, в связи с объявленной обязательной регистрацией ее делегатов через аппарат большевистского комиссара М.С.Урицкого. Против чего выступали многие члены Учредительного собрания. С другой, – из-за решения Совета Народных комиссаров об открытии первого заседания собрания лишь в случае регистрации у Урицкого

---

<sup>17</sup> Там же. С.595–596.

<sup>18</sup> *Общеполитической, по внешней политике, по выработке законодательных проектов, аграрной, вопросам регулирования народного хозяйства и труда, национальной.*

<sup>19</sup> *А.Н.Потресо́ва, М.И.Ли́бера, Б.А.Гинзбу́рга (Д.Кольцо́ва), П.Н.Колоко́льников, К.А.Гвозде́ва, Н.А.Рожко́ва, Ф.А.Черевани́на и др.*

<sup>20</sup> *Меньшевики в 1917 году. Т.3. Кн.2. С.571–574, 578–583, 588–593.*

более 400 человек. Завершил свое выступление Церетели словами: «Наша задача – отстаивать демократическое знамя и, в случае слабости, с честью погибнуть»<sup>21</sup>.

Положение было действительно очень неопределенным и серьезным. И, несмотря на то что предложение Церетели было поддержано выступлениями Абрамовича и Стрелкова, его фраза «с честью погибнуть» вызвала встречное предложение – рассмотреть вопрос об образе действий в случае открытых столкновений, чреватых реальной возможностью гибели. Его поднял Мартынов, который тут же нашел поддержку Мартова, заявившего, что «это не помешает развить общие взгляды»<sup>22</sup>, разделяемые всеми течениями меньшевизма.

Обсуждение получилось весьма знаменательным. Выступивший первым Мартынов сказал: «Бывают моменты, когда нужно погибнуть с честью: если бы Учредительное собрание разогнано было бы при протесте рабочих масс, я был бы согласен, что нужно погибнуть с честью. Но пока рабочие этого не понимают<sup>23</sup>, наша гибель будет воспринята как гибель врагов рабочего класса». Отсюда он делал вывод, что партия не заинтересована дать бой в день открытия Собрания: «Мы должны играть роль буфера и заявить, что рабочий класс заинтересован в Учредительном собрании и т.д. Мы должны будем стремиться бойню ликвидировать, хотя [если] Учредительное собрание будет убито и демократия будет убита»<sup>24</sup>.

Начиная с Мартова, все выступавшие настаивали на необходимости обеспечения мирного характера планируемой в день открытия демонстрации. Одновременно Стрелков высказал мнение, что нужно продумать, как вести себя в случае разгона, подготовить место для собрания и соответствующее заявление. Шишкин посчитал, что нужно не допустить открытия Собрания большевиками, сделав до 5 января шаги «в сторону соглашения» с ними. Примерно то же говорил Мартынов, который под-

---

<sup>21</sup> Там же. С.588.

<sup>22</sup> Там же.

<sup>23</sup> Учитывая радикализацию настроений масс, меньшевики-интернационалисты призывали исходить из того, что «попытка скачка в социалистическую революцию» определена «неудовлетворенными потребностями рабочего класса» и называть ее контрреволюцией нельзя, даже понимая, что не чем иным, как крахом, она кончиться не может. Там же. С.387–388.

<sup>24</sup> Там же. С.589.

черкнул, что не нужно в первый день ставить вопрос о власти и торопиться с законами и декретами: «это значит объявить гражданскую войну». Но оба тут же получили отпор от Скобелева: «Погибнуть с честью – это не хакири, а разговор языком власти. Объявить антинародной всякую иную власть. То, что предлагает Мартынов, есть приспособление к большевикам. Тогда лучше всего сорвать Учредительное собрание самим»<sup>25</sup>.

На этом обсуждение идеи определенного соглашения с большевиками не завершилось. Абрамович развил тему, заявив, что «соотношение сил требует компромисса»: «Либо мы остаемся в стороне, либо, за неимением сил, мы становимся на точку зрения бережения Учредительного собрания и становимся на путь парламентской оппозиции существующей власти. Такова же должна быть тактика в Советах (где, как известно, большинство уже в основном перешло к большевикам. – *Ред.*)... Крестьянство не активно и дает возможность экспериментировать». Дан назвал подобные рассуждения «октябристской тактикой», т.к. «это губит самую идею Учредительного собрания так же, как тактика кадетов и октябристов в Государственной думе компрометировала Думу»<sup>26</sup>.

Мнение Мартова было попыткой примирить непримиримое. Он начал с того, что подчеркнул: «Я стою в известных вопросах на почве соглашательства, но в других – отрицаю его». Если бы большевики отказались от социализма<sup>27</sup>, – заявил он, – и мыслимо было бы создание правительства в союзе с другими социалистическими партиями, если бы большевики начали священную войну в защиту отечества, мыслим был бы [и] бургфриден<sup>28</sup>. «Учредительное собрание не может стать Думой. Учредительное собрание может заявить, что оно не будет заседать при штыках и распускает себя».

Затем последовало весьма знаменательное продолжение: «Октябристскую политику можно проводить и в ЦИКе»<sup>29</sup>.

---

<sup>25</sup> Там же. С.590.

<sup>26</sup> Там же.

<sup>27</sup> И в данном случае имеется в виду ленинский призыв к установлению диктатуры пролетариата.

<sup>28</sup> Гражданский мир, союз социалистических партий с немецкой буржуазией во время Первой мировой войны.

<sup>29</sup> Речь идет о думской тактике политической партии, названной в честь Манифеста от



Закончил Мартов предложением пойти на соглашение в вопросе о месте и времени созыва Учредительного собрания, даже «допустить речь ленинского комиссара», но «после конструирования – заговорить языком власти»<sup>30</sup>.

С уточнениями своей позиции выступали вновь и Мартынов, и Абрамович, но решающее слово было за Церетели, ведь именно он должен был выступать от социал-демократической фракции на первом заседании Учредительного собрания.

Церетели сделал еще один широкий жест в адрес Мартова. Не останавливаясь на его заявлении о том, что «октябристскую позицию можно проводить и в ЦИКе», он акцентировал внимание на том, в чем был «согласен с Юлием Осиповичем». На том, что «Учредительное собрание – власть» и «тут нет компромиссов».

Для Церетели регистрация у Урицкого не была препятствием: «Если бы только эта мелочь была на пути к Учредительному собранию, можно было [бы] пройти под ярмом. Если после регистрирования можно было бы начать работать, нужно было бы регистрироваться у Урицкого. Но этого пока нельзя решать».

И еще в одном Церетели поддержал Мартова – в его стремлении отвести угрозу нарастающей контрреволюции, заметив: «Мы не можем убивать идею Учредительного собрания. Учредительное собрание неприемлемо не только для большевиков, но и для контрреволюционеров, которые придут за большевиками. Поэтому необходимо вотумом Учредительного собрания закрепить завоевания революции. Нам придется отстаивать знамя Учредительного собрания еще долго, поэтому мы не можем его свернуть»<sup>31</sup>.

4 января, накануне назначенного правительством дня открытия Учредительного собрания, состоялось второе заседание политической комиссии. На нем обсуждался подготовленный Даном проект Декларации социал-демократической фракции, которую надлежало огласить Церетели.

Мартов с ходу заявил, что считает неудобным противопоставлять Учредительное собрание власти Советов, «чтоб в нашей декларации

---

*17 октября 1905 года, которая, попеременно блокируясь с умеренно правыми и кадетами, обеспечивала правительству послушное большинство.*

<sup>30</sup> Там же. С.589–592.

<sup>31</sup> Там же. С.591.

было нападение на советскую власть и сразу обострение в вопросе о власти»<sup>32</sup>. И вновь получил определенную поддержку от Церетели. Как записано в протоколе заседания комиссии, тот сказал: «Я согласен с Ю.О., что целесообразнее в первый день по тактическим причинам не ставить вопроса о немедленном сложении советской власти». Но тут же оговорил: «...Принципиальная сторона дела, поскольку речь идет о Декларации, должна быть выражена ясно, как пролетарская партия мы обязаны точно формулировать свое отношение к советской власти»<sup>33</sup>.

В этот раз Мартов был более определен. Он возражал открыто и, как всегда, резко: «Меня доводы не убедили. Я считаю, что это не соответствует нашей линии. Мы хотим прийти к переходу власти к Учредительному собранию. Я считаю, что тут искусственно все заострено на Совете народных комиссаров. Мы молчим о калединцах и говорим о большевиках»<sup>34</sup>. Молчим о переговорах Рады<sup>35</sup> с немцами и говорим о переговорах большевиков. Лучше говорить в объективных формах и не говорить о виновниках. Нужно объяснить, почему нужно полновластие Учредительного собрания, почему Советы должны быть опорой Учредительному собранию». Но Дан был непреклонен: «Здесь не говорится о виновниках. Что Учредительному собранию грозят штыки советской власти, нельзя замолчать. О мерах, проводимых под видом социализма, о мирных переговорах нельзя замолчать. Нам необходимо перед наделением этой власти<sup>36</sup> [реальной силой] снять с себя ответственность перед лицом российского и международного пролетариата»<sup>37</sup>.

В прениях выступили все присутствовавшие на заседании члены комиссии.

---

<sup>32</sup> *Меньшевики в 1918 году. С.62.*

<sup>33</sup> *Там же.*

<sup>34</sup> *В проекте Дана было отмечено «стремление большевиков подчинить Учредительное собрание воле Советов». По мнению Мартова, аналогичный характер имело и сосредоточение всей полноты власти в Донской области в руках Войскового правительства во главе с А.М.Калединым. Правда, с противоположной целью – для разгона Советов.*

<sup>35</sup> *После октябрьских событий Украинская Центральная Рада, провозгласив себя верховным органом власти Украинской народной республики, направила в Брест-Литовск специальную делегацию для переговоров с Германией.*

<sup>36</sup> *Так в документе.*

<sup>37</sup> *Меньшевики в 1918 году. С.62–63.*

Возражая Мартову, Стрелков подчеркнул, что в Декларации нужно сказать: власть Совета народных комиссаров «гибельна для рабочего класса».

Череванин посчитал, что в такой момент «нельзя обойти вопрос о большевиках».

Трояновский заметил: «Нужно ставить вопрос в связи с тем, что происходит вне стен Таврического дворца. Мы вызвали [определенное] настроение в рабочих кругах<sup>38</sup>, и мы не удовлетворим их, если будем замалчивать проступки большевиков».

В таком же духе говорил и Скобелев. Только Эрлих и Шишкин поддерживали отдельные положения Мартова. У Эрлиха прозвучала мысль о том, что «основное положение Мартова, что нужно сделать Декларацию более объективной», верно. Шишкин же, настаивая на ошибочности представления, будто «советская власть окружена всеобщим недоверием», требовал указать на стремление социал-демократов к соглашению<sup>39</sup>.

Наиболее развернуто высказался И.Г.Церетели: «Юлий Осипович неправильно представляет себе, будто будут две компромиссные власти<sup>40</sup> и мы натравливаем на них эсеров. Это невозможно. Эсеры скажут это раньше нас. Но в мысли Юлия Осиповича много верного. Конечно, большевики – главная сила, но они в общем развале вызвали и другие силы, с которыми уже приходится считаться. Что одна из главных причин, по которой мы боремся с ними, та, что они вызвали силы, губительные для революции. Относительно Украины нужно быть осторожным, многое они делают в виде самозащиты. Нужно указать на другие силы, но основной тон должен остаться. Нам необходимо, чтоб на пролетариат легла ответственность за преступления против демократии»<sup>41</sup>.

Мартов возражал энергично и наступательно: «Нельзя в боевой момент выступать с аналитической Декларацией. Щекотливость нашего положения, что мы выступаем обвинителями пролетариата в непролетарской среде. Я предлагаю говорить в объективной форме, ничего не замалчивать, но не называть Советы. Я не считаю, что вина – только

---

<sup>38</sup> Имеются в виду поддержанные меньшевиками лозунги в защиту Учредительного собрания.

<sup>39</sup> Там же. С. 63–64.

<sup>40</sup> Советы и Учредительное собрание.

<sup>41</sup> Там же. С. 63.

большевистский захват. Мы молчим о роли прежних правительств, о роли международного империализма. Например, сказать – промышленность разрушается экспериментами социализма. Верно, что большевики спровоцировали и японцев, и калединцев, и пр., и пр., но нам не подходит это сказать и тем подкрепить врагов рабочего класса. Идущие за нами рабочие массы требуют от нас полновластия Учредительного собрания»<sup>42</sup>.

Стало ясно, что вопрос об ответственности бывших лидеров партии за коалиционную политику все так же волнует Мартова. И все же в центре внимания Декларации решили ставить вопрос об ответственности не «прежних правительств»<sup>43</sup>. А тех, кто, оспаривая полновластие Учредительного собрания, угрожает ему «штыками сбиваемых с толку солдат революции, действующих во имя власти, именующей себя рабоче-крестьянской и социалистической»<sup>44</sup>.

В Декларации подчеркивалось: «каждый лишний день убийственной политики, разжигающей гражданскую войну среди демократии, неминуемо толкает революцию к бесславной гибели». И «только последовательным проведением в жизнь начал народовластия, основанного на всеобщем и равном избирательном праве, могут быть закреплены завоевания революции, которую рабочие совершили в феврале, и только на почве такого народовластия может успешно развиваться их классовая борьба за конечное освобождение»<sup>45</sup>.

Речь И.Г.Церетели на единственном заседании Учредительного собрания и зачитанная им от имени социал-демократической фракции Декларация стали самыми яркими и пронзительными событиями феноменально короткой истории этого судьбоносного для России времени. Несмотря на обструкцию, которую пыталась устроить левоэсеровская и

---

<sup>42</sup> Там же. С.64.

<sup>43</sup> Церетели, конечно же, отдавал себе отчет в том, что эту тему ему придется затронуть самому в своем выступлении на открытии Учредительного собрания, реагируя на выкрики из зала.

<sup>44</sup> Желаящие могут самостоятельно провести текстуальный анализ первоначального проекта Декларации, внесенного Ф.И.Даном на рассмотрение политической комиссии фракции 4 января 1918 г., и ее окончательного варианта, доработанного во время ночного бдения двумя группами, на которые разбилась комиссия, и отшлифованного общими усилиями Церетели, Дана и Мартова. См.: *Меньшевики в 1918 году*. С.64–66, 83–86.

<sup>45</sup> Там же. С.84.

большевистская часть членов и гостей Учредительного собрания, Церетели выступил так, что его речь до сих пор остается образцом всесторонне продуманного, четкого и вместе с тем импровизационного политического заявления в один из переломных для развития всего человечества моментов.

Дан, который не попал на открытие, даже в качестве гостя, 8 января написал П.Б.Аксельроду в Стокгольм коротенькую информацию: «Мне не пришлось быть на заседании Учредительного Собрания, но, по единогласному свидетельству участников, газеты и в отдаленной степени не передают того невыносимо позорного и недостойного положения, в которое было поставлено Собрание большевистской свистопляской и грубейшим вмешательством вооруженных матросов, заполнивших хоры и самую залу. Площадная ругань, крик, свист висели в воздухе. Это было больше похоже на кабак, чем на собрание не то что верховного органа народной воли, а хотя бы самого жалкого, законосовещательного учреждения. Несомненно, мир не видел ничего подобного, и нужно было сочетание большевистского бандитизма, разгула солдатчины и специфического русского хамства, чтобы создать эту постыдную картину. Но и в этой обстановке, в которой способна была покраснеть ломовая лошадь, Церетели после бесконечных перерывов, криков "кровопийца", "палач" и даже направленных в него винтовок и револьверов сумел заставить себя слушать. Его речь и Декларация были, по общему отзыву, единственным достойным выступлением»<sup>46</sup>.

Церетели в своем выступлении говорил о том, о чем вскоре никто и никогда больше публично сказать не решится: «...Я внимательно вслушивался в доводы, которые отсюда раздавались. Которые говорили о том, что Учредительное собрание, избранное всем народом, должно сейчас без оговорок санкционировать те опыты, которые делаются Советом народных комиссаров. Ни одного аргумента не слышал я в доказательство того, что эти опыты дадут те результаты, на которые они рассчитаны. Ни одного слова от представителей руководящих партий не слышали мы здесь, какие результаты даны в жизни начатым опытом. Здесь говорили: мы отняли производство из рук буржуазии. А справляетесь ли вы с его организацией? ...Где она, в какой области дала она себя знать, хотя бы как нечто начинающееся, нечто порождающее надежды на исправление того хаоса, того ужаса, который царил ранее... Станете

---

<sup>46</sup> Там же. С.108.

ли вы утверждать, что в области продовольствия ваши начинания дали эти результаты? ...Как организуете вы народное хозяйство России? ...Вы дали землю народу? Вы исполнили обещание революции? Вы это сделали и Учредительному Собранию ничего сделать не остается? Земля, действительно, переменила владельца... Но, я спрашиваю вас, те вести, которые приходят из деревни, которые разбросаны во всех изданиях, которые у всех на устах, кто был в этих деревнях, – что же, эти вести вселяют в вас уверенность, что именно беднейшее крестьянство обзавелось землей, обзавелось инвентарем? Что она так справедливо распределена, эта земля, чтобы ни кулаки, ни богатеи, ни те, которые и без того сильны, не завладели бы тем, что завоевано революцией? Я вам скажу, и вы сами должны признать, что, если бы оставалась земельная реформа и закрепилась в том виде, как сейчас она существует, это не было бы реформой великой российской революции. Это было бы повторение ставки на сильных. На тех крепких мужичков, которые и без того держали в своих руках деревню»<sup>47</sup>.

Его предсказание о том, во что может вылиться непродуманная «социалистическая» реорганизация сельского хозяйства, стало пророческим: «И если не планомерно, не органами, вооруженными всенародным авторитетом и всенародным признанием... Не органами, которые могли бы поставить на службу трудящимся, двинуть в ход весь наличный технический и интеллигентский капитал в стране... Если не этими органами будет проводиться земельная реформа, то эта великая реформа, обещанная российской революцией крестьянству и всей демократии, примет такие формы, что от этой картины в ужасе отшатнутся все, которые в настоящий момент искренно стремятся к закреплению демократических завоеваний в деревне»<sup>48</sup>.

Отвечая на вопросы о дружно осуждаемой коалиционной политике, Церетели адресовался не только к недругам, но и однопартийцам, в том числе Мартову: «В свое время, когда мы были ответственной силой, вершившей политику страны, быть может, мы ошибались, быть может, наши шаги были чем-то худшим, чем ошибки, быть может. Но мы в то время, когда делали политику, умели бесстрашно на каждый вопрос отвечать и обосновывать свои действия». Он обратил внимание на то, что для доказательства того, «как хороши декреты Совета народных

---

<sup>47</sup> Там же. С.72–76.

<sup>48</sup> Там же.

комиссаров, как хорош социализм, который вводится ими», выступавшие до него большевики зачастую прибегали к такому аргументу, «как плохи были Керенский, Чернов, Церетели». И, в свою очередь, спросил: «Для того, чтобы обосновывать преимущества социализма перед буржуазным строем, стоит ли доказывать недостатки тех или иных деятелей, стоявших на почве буржуазного строя?»

Церетели заметил: «Вы не думайте, что я в настоящее время говорю о ваших ошибках, о гибельности пути, которым вы идете, для того чтобы оправдать что-нибудь в прошлом, за что несем мы ответственность. Это прошлое я совершенно отстраняю в настоящий момент. Никогда о нем не боялся говорить я в тот момент, когда оно проводилось в жизнь, стояло на очереди, и от этого зависел ход революции. Но в настоящий момент к ответу должны быть привлечены те, кто своими шагами может определить ход и исход, поражение или победу революции в России»<sup>49</sup>.

Забывтое ныне выступление И.Г.Церетели при открытии Учредительного собрания, новые документы из истории российской социал-демократии конца 1917 – начала 1918 года<sup>50</sup> свидетельствуют об особой роли, которую продолжал играть Церетели в РСДРП (о) даже после прихода большевиков к власти. Именно он, а не Дан, и тем более не Мартов, обеспечил перед Учредительным собранием и первое время после него объединение меньшевиков вокруг нового руководства центральных и части правых.

Мне представляется, что и угроза ареста И.Г.Церетели<sup>51</sup> была реальна не столько из-за его блестящего выступления перед членами Учредительного собрания, сколько оттого, что оно послужило новому росту его общественного и партийного авторитета. Мимо этого В.И.Ленин никак не мог пройти. Недаром он позволил Церетели уехать из Петрограда вместе с В.С.Войтинским, ожидавшим расстрела<sup>52</sup> в Петропавловке. Ленин вполне понимал реальную силу тандема Церетели – Войтинский, зная об их исключительном авторитете среди рядовых социал-

---

<sup>49</sup> Там же. С. 73, 76.

<sup>50</sup> Впервые введенные в научный оборот в сериях сборников документов по истории политических партий России, а теперь и истории российской общественной мысли.

<sup>51</sup> См.: *Меньшевики в 1917 году*. Т. 3. Кн. 2. С. 506.

<sup>52</sup> Это видно из его писем (декабрь 1917 г.) жене, хранящихся ныне у Санкт-петербургского историка Н.В.Михайлова.

демократов. И только с его разрешения они, вместе с присоединившейся к ним женой Войтинского – Эммой Савельевной, могли беспрепятственно проехать через Москву и Ростов в Закавказье.

Резкая критика всей прогностически не выверенной и, хотя бы только поэтому, явно авантюристической политики новой власти была весьма далека от думской оппозиционности октябристов и кадетов. Это была жесткая системная критика, которая и в России, и за рубежом справедливо была воспринята как одна из форм активного политического сопротивления большевистскому режиму.



И.Г.Церетели. Фото 1919 года.

Такой экземпляр с дарственной надписью «Глубокоуважаемому и любимому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду от Ир. Церетели» был им подарен по прибытии в Париж в том же 1919 году. А в 1974 году, через 15 лет после кончины Церетели, его прах доставили из Нью-Йорка во Францию, и отпечаток этого снимка оказался на надгробной плите грузинского кладбища под Парижем в Левиле. Никто из официальных лиц новых России и Грузии могилы Церетели ни разу не посещал.



Много говорят о просвещении  
и желают побольше света.  
Но, Боже мой,  
какой толк от этого, если у людей  
либо нет глаз, либо те,  
у кого они есть,  
нарочно  
зажмуриваются?

Полицейские учреждения некоего города можно сравнить с трещотками на вишневых деревьях: они спокойны, когда треск особенно необходим, и поднимают ужасный шум, когда из-за сильного ветра не видно ни одного воробья.

*Георг Кристоф Лихтенберг*





**Александр Калинин**

**ИМИТАЦИЯ  
КАК СРЕДСТВО  
ЛИКВИДАЦИИ**

**ИЛИ**

**ЛИКВИДАЦИЯ  
ПОСРЕДСТВОМ  
ИМИТАЦИИ**

**(ЧТО В ЛОБ, ЧТО ПО ЛБУ)**

**РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА**

УДК  
329.39

*The author deals with what he considers one of the main causes of the present day decline of Russia – substitution of imitation of activity for activity. Nowadays this practice is common but goes practically unnoticed because it is used by all strata of the Russian society and is pretty convenient for everybody. However the further advancement of this practice is utterly detrimental not only for the Russian state but for Russian society itself and eventually may ruin it.*

**Ключевые слова:** имитация деятельности; обрушение общества и его скрытая причина; упадок русского духа.

**Key words:** imitation of activity; social collapse and its hidden cause; decline of the Russian ethos.

**E-mail:** beaver2007.61@mail.ru

Грязно ругаться, конечно, нехорошо. Но, глядя на повседневную нашу жизнь, страшно хочется.

Вроде бы вокруг ничего такого уж ужасного не происходит. Во всяком случае, ничего такого, что не происходило бы раньше. История России длинная. В ней всегда найдется точка, в которую можно ткнуть пальцем и сказать, что тогда было круче. А по сравнению с теми временами теперь просто благодать. Ну да, иногда благодать нарушают отдельные маленькие и даже крупные недостатки, но ведь их же преодолевают. Исправляют и даже искореняют. Вот, например, когда-то Россия страдала коммунизмом-социализмом и тоталитаризмом, но мужественно преодолела эти постыдные пороки. И вышла на магистральный путь мирового развития.

Конечно, преодоление далось не без потерь. Но даром ничего не дается. Народ счастлив и гордится этим преодолением.

И это правда. Народ счастлив. Хотя и не вполне доволен. И тем не доволен, и этим. Конечно, у разных людей разные причины для недовольства, и эти разные причины людей не сплачивают, а разъединяют. И когда наступают редкие моменты, подходящие для выражения недовольства в каких-то значимых формах, оказывается, что народ не согласен разменивать свое счастье на недовольства, которые самому народу начинают казаться смешными. В конце концов, каждому приятно ощутить себя Сократом<sup>1</sup>.

Складывается впечатление, что объективных причин для недовольства нет. Есть всего лишь простительное человеческое нетерпение. Все недовольства – единственно от нравственного несовершенства народа. Люди мучают себя нелепыми вопросами вроде «Когда достроят больницу?», «Когда откроют новый мост?», «Когда появится участковый терапевт в поликлинике для взрослых и специалист-невролог в детской поликлинике?», «Когда уберут того-то и того-то из администрации (неважно, какой)?» «Когда накажут такого-то и такого-то (мерзавцы отъявленные, все это признают, но все как-то не дождутся приговора)?», «Когда выплатят задолженность по зарплате?» И т.д.

Так ведь потерпеть надо, только и всего. Москва тоже не сразу строилась. Родина большая, у нее на все средств нет. Понятное дело, что если Родина строит мост в г. К, больницы в г. П, г. С и в поселке городского типа Ф (а сверх того, еще и ремонтирует больницы и поликлиники в Ж, З, И и Я), а также прокладывает дорогу из Я в Ж (между прочим,

---

<sup>1</sup> Как известно, недовольство Сократа неизмеримо лучше и выше довольства свиньи.

через И) и покупает вертолетоносцы «Мистраль»<sup>2</sup> во Франции, средств у Родины на другие роскоши может и не быть.

Это не значит, что Родина не хочет удовлетворить все потребности своих граждан. Очень хочет. И потому, что Родина добра. И потому, что тогда, глядишь, придут из-за рубежа долгожданные инвестиции.

Все хорошо, и я с этим спорить не буду. Я буду говорить об общем знаменателе всех мелких, несерьезных и таких разных недовольств.

У разных недовольств не может быть общего знаменателя. Не понимать это могут только шизофреники, любящие находить общее в совершенно разных явлениях. Если я и страдаю таким изысканным психическим расстройством, оно ни для кого никакой угрозы не представляет, поскольку сижу я взаперти, перевожу книжки и никому не мешаю. А меня возможное психическое расстройство даже в известном смысле развлекает.

Например, мне кажется, что у многих недовольств все же есть общий знаменатель. Возможно, этот знаменатель не универсален, но он присутствует в очень многих явлениях российской жизни. Более того, он усиливается.

Мне кажется, что в России деятельность все чаще и больше подменяется имитацией деятельности. Процесс протекает практически незаметно. Даже не скажу, что его как-то там нарочито скрывают. Все происходит у всех на глазах. Что и любопытно.

Чтобы было понятно, о чем я веду речь, приведу пример – ГИБДД. Более или менее понятно, зачем существует эта служба. Хорошо ли она выполняет функции, для выполнения которых она создана? По этому вопросу могут быть разные мнения, но предположим, что я оцениваю работу ГИБДД высоко.

Идем далее. Спросим, почему же так много людей недовольно деятельностью ГИБДД? Поскольку ответ всем известен, не буду его расписывать. Теперь скажите, а что делает возможным именно такой всем известный ответ? Или, говоря иначе, что позволяет инспекторам ГИБДД делать то, что они делают?

Позволяет им это делать власть. Власть, которая дана сотрудникам ГИБДД государством и имеет внешние признаки вроде формы, жезла, удостоверения и т.д. В конце концов, вопрос «Кем дана?» – вопрос мелочный. Гораздо более важный вопрос «Зачем эта власть дана именно этим людям?» По всей вероятности, власть сотрудникам ГИБДД дана

---

<sup>2</sup> Кажется, вертолетоносцы будут приобретены прежде, чем будет решен вопрос о местах их базирования и инфраструктуре в этих местах.

## ИМИТАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ЛИКВИДАЦИИ

---

затем, чтобы на дорогах был относительный порядок. Обратите внимание: вовсе не затем, чтобы сотрудники ГИБДД брали взятки или фальсифицировали обстоятельства отдельных маленьких дорожных происшествий (за взятки или по глубоким политическим соображениям).

Конечно, люди – не ангелы. Все грешны. Кому охота за одну зарплату стоять на обочине и смотреть, как мимо в машинах проносится хорошая жизнь? Мановение жезла – и от этой хорошей, но чужой жизни можно урвать кусочек, вознаграждение за моральный риск, психологические страдания и риск для здоровья и жизни.

Все понятно. Но важно то, что по ходу всей этой понятной, вполне человеческой жизни ГИБДД перестает выполнять свою основную функцию, функцию, ради которой была создана и благодаря которой существует. А что же ГИБДД делает вместо выполнения своей функции? ГИБДД имитирует выполнение своей функции. И постепенно имитация деятельности вытесняет саму деятельность – иногда на 10, иногда на 25, а бывает, и на 80%.

То же самое происходит практически везде. Всюду. Постоянно. Возьмите любое возмущающее вас «бутылочное горлышко» или эпизод, рассмотрите ситуацию – и поймете, что везде сталкиваетесь с имитацией деятельности.

Деятельность и имитация деятельности – занятия разные. Для осуществления деятельности нужны специалисты по конкретному виду деятельности. Люди, умеющие достигать определенного результата. А для имитации деятельности нужны политтехнологи, PR-менеджеры, HR-менеджеры, государственные служащие широкого профиля (люди, способные вчера руководить муниципальным образованием, сегодня – здравоохранением в масштабах области, а завтра – борьбой с терроризмом), психологи, маркетологи (приношу извинения тем специалистам, которых не назвал). И непременно специалисты по свету. Имитация деятельности должна быть мастерски, изобретательно освещена. И воспета в самых пышных словесах. Поэтому в России поэт – больше чем поэт. Даже если пишет белым стихом, который не отличить от унылой прозы.

Но жизнь идет вперед, и имитация деятельности все сильнее теснит деятельность, загоняет эту самую деятельность за Можай и дальше. Соответственно, подбирают и людей, особенно предрасположенных к имитации деятельности и специально обученных имитации деятельности. Вы приходите – да неважно, куда приходите: хотите – в поликлинику, хотите – в налоговую инспекцию, хотите – в салон сотовой связи или на таможенный пост. Понятно, что вы пришли не на экскурсию, а

по делу. Каким бы ни было дело, приведшее вас в учреждение (теперь полагается говорить «офис»), вероятность того, что это дело вроде бы удастся с первой же попытки решить, колеблется от случая к случаю, но никогда не составляет 100 или хотя бы 95%. Есть «офисы», в которых коэффициент решения конкретных, входящих в компетенцию именно этих офисов вопросов с первой попытки равен 0,5%. И существенно не возрастает при второй (третьей и т.д.) попытке. Причем практически все равно, приходится ли платить за услуги «офисов» или нет. На результатах это не сказывается.

Отмечу, что в «офисы» обычно не обращаются с какими-то экстравагантными просьбами вроде дарования вечной жизни во плоти или спасения души. (С просьбами первого типа обращаются к другим «специалистам», а с просьбами о спасении души – к священнослужителю).

Прошу также обратить внимание: когда я говорю о коэффициенте решения вопросов с первой попытки, я говорю «вроде бы». Советую людям, добившимся решения своего вопроса с первой же попытки, преждевременно не радоваться. Позднее может оказаться, что вопрос не только не решен, но и осложнился.

В такой системе координат уровень профессионализма не важен. Важны другие параметры и характеристики. Эти параметры и характеристики относятся не к делу, а к гламуру. Предположим, возникла потребность в выполнении работы. Скажем, технико-экономического и технико-экологического обоснования строительства бизнес-центра на месте фабрики. Работа не то чтобы слишком сложна. Оплачивается хорошо. Сделать ее могут сотни людей. Но для ее выполнения нужно, скажем, пять–шесть человек. После сложнейших поисков, проведенных HR-менеджерами (естественно, руководствующимися специфическими соображениями), из сотен потенциальных исполнителей удастся выделить десяток наиболее подходящих. Руководство смотрит на эту десятку, читает аттестации, данные эйчарами, и говорит: Г-ов не подходит (обнаружил низкий уровень культуры, на вопрос «Ваш любимый поэт?» ответил: «Лермонтов»), И-ов не подходит (по анкетным данным: из крестьян, на собеседовании не знал, куда руки-ноги девать), Р-ин – опять же по внешним данным не годится (какой-то унылый), Т-на вроде бы подходит, но старовата, а Я-ко и вовсе не подходит по общей сумме данных (образование получил до 1965 г., а потому не может разбираться в современной кипучей жизни). Оставшиеся подходят по всем параметрам и характеристикам: молоды, красивы, глаза горят (сразу видно: фишку секут), из хороших семей. Все – из Лондонской школы экономики. Или долго жили за границей. То, что надо.

## ИМИТАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ЛИКВИДАЦИИ

---

В итоге работу выполняют, и даже в срок<sup>3</sup>. Качество выполнения работы вполне удовлетворительное. Только не факт, что выполнена она именно тщательно отобранной пятеркой. За гораздо меньшие деньги пятерка подрядила «крестьянина» И-ова, который за еще меньшие деньги подрядил унылого Р-ина и некультурного Г-ова. Они-то втроем и вытянули работу, составили ТЭО, по которому, возможно, рукой мастера прошелся один из выпускников Лондонской школы экономики. А может быть, и не прошелся. У выпускников западных учебных заведений в современной России есть дела и поважнее.

Никакого криминала в этом нет. Продвинутая пятерка просто прибегла к аутсорсингу, который никем не запрещен и даже приветствуется.

Зато экономического смысла тут бездна. Пятерке была обещана за выполнение работы сумма X, из которой «крестьянину» И-ву посулили, скажем, 70% (и это много!<sup>4</sup>). Обещанную плату И-ов разделил на три неравные части, решив оставить себе половину, а другую половину отдать Р-ну и Г-ову.

30% (разница между суммой X и оплатой, обещанной И-ову) великопная пятерка продвинутых как-то делит между собой. Результат этого деления нам неинтересен. Интересно то, что из этих 30% минимум 20% – деньги незаработанные. То, что называют баблом.

Интересно, что сумму бабла можно увеличить самыми простыми способами. Не знаю, научают ли им в Лондонской школе экономики,

---

<sup>3</sup> Бывает, что и не выполняют. Самый яркий пример – история с МБР Р-39УТТХ «Барк» и Р-30 ЗМ30 (SS-NX-30) «Булава». А ведь это – вопрос обороноспособности. С такими вопросами не принято шутить. Думаю, с ними и не шутили. Но результат какой-то невнятный.

Или возьмем историю с запуском спутников ГЛОНАСС в декабре 2010 г. Как сообщает один из сайтов (mail.ru – и обратите внимание, как сообщает), Генпрокуратура выяснила, что «неудачу декабрьского запуска предопределили [некомпетентность] ведомственных госкомиссий и недоиспытанность разгонного блока». К тому же в баки разгонного блока закачали 2 лишние тонны горючего. Прямые потери от этой неудачи составили такую ерунду – 2,5 млрд рублей. Вот так и живем. Подумаешь, ошиблись... Не в первый раз (и не в последний раз) ошиблись... Но ведь так рассуждают и люди, занимающиеся запуском спутников. И не только они.

<sup>4</sup> По известным мне примерам могу сказать, что хорошо, если при аутсорсинге исполнители получают половину того, что платят тем, кто передает работу исполнителям. Социальный прогресс приводит к возрождению исполщины, считающейся докапиталистической формой аренды.



но в России они известны всем. Надо просто сказать И-ову, что заказчик задерживает оплату и отдать деньги позднее. А можно сказать исполнителю, что заказчик вовсе недоволен выполненной работой, а потому сокращает оплату на  $Y\%$  (в идеале – до нуля). Конечно, все это какие-то жалкие гроши, на фондовую биржу с этими грошами не пойдешь, их хватит раз сходить в хороший клуб, но все же *wonderful, wonderful life...*

Если И-ов не утратил крестьянской сметки, он может сыграть в ту же игру с Р-ым и Г-вым, увеличивая «сумму простого человеческого счастья» или, что то же самое, экономический смысл. То есть сумму бабла.

Все это называется нормальной жизнью. В этой нормальной жизни ценится именно бабло. Незаработанное. Или заработанное, но имитацией деятельности.

Все согласны с тем, что нормальная жизнь нормальна, чувствуя при этом, что есть в нормальной жизни какой-то перекос, подвывих. Изъян. Но кто же говорит, что жизнь справедлива? Кто вообще сегодня о справедливости говорит? По-моему, одни ваххабиты. Люди порядочные и просвещенные как-то стесняются этого понятия и избегают упоминать о нем. Президент Дж. Ф. Кеннеди<sup>5</sup> давным-давно признал, что жизнь несправедлива. Ныне Запад занимается тем, что транслирует эту несправедливость по всему миру, называя это глобализацией.

Существует общее согласие с тем, что глобализация во всех отношениях полезна. Возможно. Не отрицая того, что глобализация может нести какие-то блага, замечу, что ее экономическая суть заключается в производстве бабла, а не в производстве благ. В конце концов, что означает перенос информационно-справочных центров из США или Великобритании в Индию? И становятся ли услуги таких центров более качественными и более дешевыми для потребителей этих услуг? Известно лишь, что сотрудники информационно-справочных центров в Индии получают заметно меньше, чем получали сотрудники таких центров в США или Великобритании.

---

<sup>5</sup> На самом деле, ту же мысль неоднократно и многие люди сформулировали задолго до того, как 21 марта 1962 г. Дж. Ф. Кеннеди произнес эти слова, но тут демонстрация эрудиции неуместна. Зато уместно отметить, что Билл Гейтс расширил эту формулировку, сказав учащимся одного из американских учебных заведений: «Жизнь несправедлива – привыкайте к этому». Как любили говорить в России «прорабы перестройки», иногда в рамках существующей системы координат или, если угодно, парадигмы не дано.

## ИМИТАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ЛИКВИДАЦИИ

---

По-моему, России в этом процессе ничего не светит. Может, отдельным россиянам что-то и светит, но России как стране не светит. Впрочем, я, скорее всего и как всегда, ошибаюсь.

А теперь вернемся к поведению сотрудников ГИБДД и спросим себя, так ли уж несправедливы чинимые ими поборы и прочие безобразия на фоне общей несправедливости нормальной жизни? Зачем «прославлять» на всю страну командира батальона ДПС ГИБДД О.Кирпу, организовавшего в Волгоградской области систему по отъему несправедливого бабла? Или напоминать о горестной судьбе осужденных еще в 2009 г. сотрудников Фонда обязательного медицинского страхования?<sup>6</sup>

И есть ли смысл в таких условиях бороться с коррупцией?

В заключение хочу отметить: поскольку имитация деятельности все больше вытесняет деятельность и оказывается занятием более выгодным, чем деятельность, стимулов овладеть знаниями и навыками нет<sup>7</sup>. Думаю, что лет через 15 в России будет одна православная пустыня.

С Богом, конечно, хорошо. Но хуже ли и с Богом, и с промышленностью, культурой, образованием, здравоохранением и наукой? Говоря иначе, мешают ли Богу промышленность, культура, образование, наука и т.д., причем именно в России? Мысль о том, что мешают, в мое религиозное сознание не вмещается.

Скажу больше: кое-где штатные должности (скажем, в системе здравоохранения) продаются. Допустим, вы хороший врач, но денег на то, чтобы оплатить должность, у вас нет. Велика ли вероятность того, что вы займете эту должность? Невелика. А если вы соберете нужную сум-

---

<sup>6</sup> Впрочем, спасибо телеканалу «Россия», 29 января 2011 г. напомнившего об этой истории. Приговор был довольно строгим, но, хотя и было доказано, что своими действиями преступники причинили ущерб в размере 27 млн. рублей, сумма штрафов с осужденных составила 3 млн. рублей. 24 млн. рублей остались у осужденных. Бабла должно быть ограждено и защищено. В судебном порядке.

<sup>7</sup> Как нет стимулов и преподавать. Сложно сказать, как там на самом деле обстояло дело (а оно могло складываться очень по-разному), но история с московской школой №847, которую в январе 2011 г. лишили государственной аккредитации, заслуживает того, чтобы над ней призадуматься. Оставим в стороне вопросы об уровне профессионализма учителей, подбора учителей именно в эту школу, отношений директора школы с высшими образовательными властями. Любой школьный учитель скажет, что у детей тяги к знаниям нет. А что к знаниям тянуться, если толку от них особого нет, и это знают все? А есть еще высшее образование, которое мало-помалу становится платным на 100%. Кто платит всем этим собакам? Кто платит, тот и заказывает музыку. А если что, так и в рыло может дать учителю-профессору. Невелик барин.

му, что вы будете делать на оплаченной должности? Правильно. По сути дела, вы будете имитировать врачебную деятельность и «отбивать» свои затраты<sup>8</sup>. Да, в России есть еще добросовестные специалисты (честь им и хвала!), но их все меньше. И тенденция к их убыванию устойчива.

Имитация деятельности – один из способов ликвидации России. Удобный и эффективный в силу своей незаметности, «естественности», «нормальности». Этот способ давно стал образом жизни для десятков миллионов русских (не надо кричать про растливших русских евреев, узбеков и азербайджанцев). Но этот образ жизни закрывает, запечатывает стране путь в будущее. Лишает страну будущего.

Подведу итоги. У значительной части недовольств все же есть общий знаменатель: подмена деятельности имитацией оной и снижающийся уровень компетентности во всем. Кроме, разумеется, научного искусства (искусная наука звучит как-то издевательски) управления. Поскольку процесс растянут во времени и в него втянуты все, заметить его трудно.

А пока всем по-разному, но удобно.

Наслаждайтесь...

---

<sup>8</sup> В свете этого можно рассматривать и все новые назначения. Вполне возможно, что назначаемый на должность просто «занес» нужную сумму куда следует и дал все обеты, а ныне занимающий эту должность неаккуратен с платежами. Конечно, играют роль и другие факторы, но и этот приходится учитывать.

## ACKNOWLEDGMENTS

В далеком теперь 1995 году в нашем журнале, тогда еще только обретающем и собственное лицо, и собственного читателя, появилась серия статей одного из самых известных исследователей российской политической истории XX века Леопольда Хеймсона<sup>1</sup>. Они до сих пор остаются для нас своеобразным камертоном.

Человек многих дарований, великолепный организатор и педагог, воспитавший не одно поколение исследователей в США, Франции, России, знаток архивов и прекрасный полемист, он всегда писал о том, во что твердо верил.

Его основные труды, начиная с первого – «The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism» (Harvard University Press, 1955) и известных статей в «Slavic Review» (December 1964 – March 1965) – «The Problems of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917», стали классикой.

Молодой Research Associate Columbia University (1948–1949, 1950–1952), затем Assistant (1956–1959), Associate Professor of Russian History University of Chicago (1959–1966) Хеймсон с 1960 года стал руководителем американского межуниверситетского проекта по истории меньшевистского движения (Inter-University Project on the History of Menshevik Movement). В 1966–2000 гг. был профессором Колумбийского (Нью-Йорк) университета, ведущим специалистом Гарримановского института по изучению российской истории.

Он хорошо знал фактический материал. Умел работать с документами, не пытаясь приспособить их к собственным взглядам. Горячо отстаивал свою точку зрения, уважая при этом оппонентов. Был безукоризненно точен в словах. Ценил юмор, что не раз спасало его в трудные минуты.

Любил работу, друзей, жизнь. Любил тех, о ком писал, и тех, для кого писал.

За окном его квартиры в Нью-Йорке, чуть ниже шестнадцатого этажа дома на Riverside Drive 10027, в котором жил Хеймсон, и днем и ночью все так же несутся по эстакаде машины.

С наступлением сумерек их красно-желтые огни сливаются в цветную реку, которая с темнотой приходит на смену, чаще всего, серому независимо от времен года Гудзону.

Письменный стол у окна, как всегда, завален книгами, листами с заметками для предстоящих диктовок. В 2005 году часть их составила сборник «Russia's revolutionary experience, 1905–1917. Two essays», который Хеймсон посвятил памяти Валентина Семеновича Дякина (To the memory of Valentin Semenovich Diakin). Есть в нем и прекрасный по форме и содержанию отрывок из мемуаров под очень красивым и точным названием – «Признания» («Acknowledgments»).

Сегодня мы посвящаем наши признания ему.

---

<sup>1</sup> См.: Хеймсон Л. *Меньшевизм и эволюция российской интеллигенции*. // *Россия XXI*. 1995. №№3–4; 5–6; 7–8. Он же. *Меньшевики, политика и проблема власти в 1917 году* // *Россия XXI*. 1997. №№7–8; 9–10; 11–12.

## Наши авторы

### **Кургинян Сергей Ервандович**

кандидат физико-математических наук, политолог,  
Президент Международного общественного фонда  
«Экспериментальный творческий центр», главный редактор  
журнала «Россия XXI», главный режиссер театра «На досках»

### **Антонов Дмитрий Игоревич**

кандидат исторических наук,  
доцент Института русской истории РГГУ

### **Дегоев Владимир Владимирович**

доктор исторических наук, руководитель Центра проблем  
Кавказа и региональной безопасности,  
профессор МГИМО-Университета МИД России

### **Эрлих Сергей Ефроимович**

кандидат исторических наук,  
директор издательства «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

### **Клаудио Серджио нун Ингерфлом**

доктор исторических наук, профессор,  
Национальный центр научных исследований, Париж;  
Национальный университет Сан Мартин, Буэнос Айрес

### **Янкелевич Кира Александровна**

аспирантка кафедры истории России средневековья и раннего  
нового времени Историко-архивного института РГГУ

### **Юрганов Андрей Львович**

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой  
истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

### **Ненароков Альберт Павлович**

доктор исторических наук, профессор,  
главный специалист Российского государственного архива  
социально-политической истории,  
лауреат Государственной премии РФ

### **Калинин Александр Анатольевич**

историк, переводчик, публицист

## Our authors

### **Kurginyan Sergey Ervandovich**

Ph. D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,  
President of the International Public Foundation  
«Experimental Creative Center», editor-in-chief of «Russia XXI»,  
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

### **Antonov Dmitriy Igorevich**

Ph.D in History, Assistant Professor of the Institute of Russian History,  
Russian State University for the Humanities

### **Degoev Vladimir Vladimirovich**

D. Sci., historian, Director of the Center  
for the Caucasus Problems and Regional Security,  
Professor of Moscow State Institute  
of International Relations–University

### **Erlich Sergey Efraimovich**

Ph.D in History,  
Director of the Publishing House «Nestor-History» (St. Petersburg)

### **Claudio Sergio Nun Ingerflom**

D.Sci., historian, Professor,  
National Center for Scientific Research, Paris,  
National University of San Martin, Buenos Aires

### **Yankelevich Kira Alexandrovna**

post-graduated student of chair of Early and Early Modern  
Russian History, Russian State University for Humanities

### **Yurganov Andrey L'vovich**

D.Sci., historian, Professor, chair of Early and Early Modern  
Russian History, Russian State University for Humanities

### **Nenarokov Al'bert Pavlovich**

D. Sci., historian, Professor, head specialist of Russian Record Office  
of Social-Political History, the winner of State Premium

### **Kalinin Alexander Anatol'evich**

Ph. D., historian, translator, publicist

## **ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ**

### **в Москве**

«Фаланстер», М.Гнездииковский пер., д.12/27, стр.3;  
магазины издательства «РОССПЭН»:  
Нахимовский пр-т, д.51/21; ул. Дм. Ульянова, д.19;  
магазин ОГИ, Потаповский пер., д.8/12;  
киоск МГИМО, просп. Вернадского, д.76;  
киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д.6;  
киоски «Аргумент» в I и II гуманитарных корпусах МГУ,  
Воробьевы горы;  
киоск в РГБ, ул. Воздвиженка, д.3/5, 3-ый читательский  
подъезд;  
книжная ярмарка в «Олимпийском», стенд 109

### **в Санкт-Петербурге**

магазин «Книжный окоп»,  
Тучков пер., 11/5

## **ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:**

**Подписные индексы:**

**39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»**

**82118 – по каталогу Агентства «Роспечать»**

**Альтернативная подписка:**

**ООО «ИнтерПочта-2003»**

**тел. (495)788-00-60, факс (495)225-67-64**

**ООО Агентство «Артос-Гал» т/ф (495)795-23-00**

**ООО «Союзпресс» тел. (495)675-09-40**

**В редакции подписка и продажа льготные.**

**Тел. (495)691-74-79 E-mail: bushueva@ecc.ru**

**123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2**

**Для иностранных читателей подписка проводится  
через агентство «МК-Периодика»:**

**тел. (495) 672-70-12 e-mail: export@periodicals.ru**

**Открыта подписка на электронную версию журнала,  
начиная с 1 номера 2008 года. Подписка оформляется  
через Научную электронную библиотеку: [www.elibrary.ru](http://www.elibrary.ru)**

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд  
«Экспериментальный творческий центр»  
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.

Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI» 2011.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54

E-mail [russia21@ecc.ru](mailto:russia21@ecc.ru)

<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,  
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

**Журнал «Россия XXI» вы можете купить или заказать  
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».**

**Адрес: Москва, Глинищевский переулок, дом 6 (за книжным  
магазином «Москва», под вывеской «Союз женщин России»).**

**Проезд: ст. м. «Пушкинская», «Чеховская», «Тверская» или  
«Охотный ряд». Магазин работает ежедневно, кроме воскресенья,  
с 11 до 20 часов. Телефон: (495) 650-60-31, сайт [www.hamlet.ru](http://www.hamlet.ru)**

Подписано в печать 18.04.2011. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12,5 печ. л.

Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».  
140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.

Тел. 554-21-86



# 2.2011 march-april



## **Theory and Practice of the Political Games**

*Sergey Kurginyan*

Topical Transformations: on Events  
in North Africa and Middle East \_\_\_\_\_ **6**



## **Mentality. Strivings for Cultural Wealth**

*Dmitriy Antonov*

Variegated Beast Lynx: Antichrist in the Medieval  
Iconography \_\_\_\_\_ **48**



## **Russia in the World**

*Vladimir Degoev*

Getting Closer in Troubled Waters: Russia  
and Ossetia in the mid-18<sup>th</sup> Century (the end) \_\_\_\_ **52**



## **Labels and Myths**

*Sergey Erlich*

At What Square did Decembrists March out? \_\_\_\_ **84**